ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)»

На правах рукописи

Бегоян Лала Арсеновна

ОЦЕНОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: КОНСТРУИРОВАНИЕ, ТОЛКОВАНИЕ, ПРИМЕНЕНИЕ

Специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Пудовочкин Юрий Евгеньевич

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ 20

§ 1.1. Конституционно-правовая легитимация допустимого использования оценочных признаков состава преступления 20

§ 1.2. Теоретико-методологические подходы к пониманию оценочных признаков состава преступления 39

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ 74

§ 2.1. Функциональные возможности оценочных признаков состава преступления 74

§ 2.2. Основные правила толкования оценочных признаков состава преступления 92

ГЛАВА 3. КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ОЦЕНОЧНЫМ ПРИЗНАКАМ СОСТАВА 113

§ 3.1. Проблемы квалификации преступлений при наличии в их составе оценочных признаков и пути их разрешения 113

§ 3.2. Практика толкования оценочных признаков состава преступления апелляционными и кассационными судебными инстанциями и проблемы переквалификации преступлений 135

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 168

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 177

Приложение 1. Сравнительный анализ научных подходов к определению оценочных признаков 195

Приложение 2. Обобщённые результаты опроса прокуроров Генеральной прокуратуры Российской Федерации 202

Приложение 3. Обобщённые результаты опроса прокуроров Генеральной прокуратуры Республики Армения 211

Приложение 4. Сравнительный анализ ответов прокуроров Генеральных прокуратур РФ и РА на вопросы опроса о правоприменении оценочных признаков 220

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. На современном этапе развития уголовного законодательства и правоприменительной практики особую значимость приобретают проблемы конструирования и применения составов преступлений с оценочными признаками. Использование таких признаков закономерно связано с усложнением общественных отношений, расширением сферы уголовно-правового регулирования, необходимостью учёта аксиологических и социокультурных ориентиров правового воздействия.

Актуальность настоящего исследования определяется, прежде всего, необходимостью глубокого научного осмысления причин включения оценочных признаков в уголовно-правовые конструкции. Эти признаки выполняют ряд значимых правовых функций, гарантируя оперативность, всеохватность и беспробельность правового регулирования. Вместе с тем, их аксиологическая насыщенность и семантическая неопределённость ставят под угрозу реализацию принципов законности, правовой определённости и предсказуемости наказания, что требует чёткой научной регламентации.

Не менее важной научной проблемой выступает допустимость оценочных признаков в уголовном законе. В условиях действия принципа nullum crimen sine lege встаёт вопрос о пределах законного использования оценочных формулировок, допустимого усмотрения правоприменителя и допустимых пределов судебного толкования.

Отдельного теоретического и практического внимания требуют закономерности и правила толкования оценочных признаков. Их интерпретация предполагает привлечение специальных когнитивных и методологических механизмов. Анализ научных подходов свидетельствует о необходимости выработки устойчивых методологических ориентиров, способствующих правовой предсказуемости и единообразию судебной практики.

Особую научную и практическую значимость приобретают проблемы квалификации и, особенно, переквалификации преступлений, содержащих

оценочные признаки. Неполнота или неоднозначность их толкования нередко приводит к подмене уголовно-правовой оценки, нарушению баланса между фактическими обстоятельствами дела и правовыми последствиями, ошибочной криминализации или декриминализации деяния. Проблема приобретает особую остроту в апелляционном и кассационном судопроизводстве, где содержание оценочных признаков становятся предметом пересмотра и основанием для изменения квалификации.

Таким образом, актуальность темы обусловлена совокупностью факторов: нормативной необходимостью и функциональной значимостью оценочных признаков, сложностями их толкования, необходимостью теоретического обоснования их допустимости в уголовном праве, а также остротой правоприменительных проблем, связанных с квалификацией и переквалификацией деяний. Всё это в своей совокупности предопределяет выбор темы настоящего исследования, подчёркивает его научную и практическую значимость.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблематика оценочных признаков в уголовном праве на протяжении последних десятилетий неоднократно становилась предметом научных дискуссий. На сегодняшний день в юридической доктрине накоплен значительный массив исследований, в которых в той или иной степени освещаются проблемы, связанные с природой оценочных признаков, их использованием при конструировании закона. Они нашли отражение в работах Р.У. Ахмедова, Я.М. Брайнина, Ю.В. Грачёвой, Р.С. Джинджолия, М.Г. Жилкина, А.В. Иванчина, Е.В. Ильюка, Т.В. Кашаниной, Е.В. Кобзевой, М.И. Ковалёва, Б.Н. Коробца, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Д.Н. Левина, Н.А. Лопашенко, А.В. Наумова, В.В. Питецкого, А.И. Рарога, С.Д. Шапченко, А.С. Шляпочникова, О.Е. Фетисова, Е.А. Фролова, О.С. Шумилиной, Г.Т. Ткешелиадзе и ряда других авторов.

Тем не менее, научная разработанность комплексной совокупности вопросов, охватывающих причины формирования, допустимость, функции, закономерности толкования, а также квалификационно-переквалификационные проблемы оценочных признаков, все еще остается недостаточной. На сегодняшний

день отсутствует единая, целостная концепция, обосновывающая допустимые границы и методологические ориентиры использования оценочных признаков в уголовном праве.

На восполнение указанных пробелов по преимуществу и направлено настоящее исследование.

Цель исследования. Целью диссертационного исследования выступает раскрытие правовой природы оценочных признаков состава преступления и разработка на этой основе целостной концепции их использования в правотворческой и правоприменительной деятельности в интересах обеспечения правовой определённости закона и единообразия судебной практики.

Содержание указанной цели определяет следующие **задачи диссертационной работы:**

- дать теоретическую оценку допустимости применения оценочных признаков в уголовном праве, выявить их соотношение с принципом законности и правовой определённости;

- выявить и проанализировать причины использования оценочных признаков в уголовно-правовых нормах, установить их социально-правовую обусловленность и роль в современном уголовном законодательстве;

- исследовать сущность и функции оценочных признаков, выявить их специфику как юридических конструкций, отличающихся аксиологической нагрузкой и неопределённостью;

- сформулировать и обосновать основные закономерности (правила) толкования оценочных понятий, используемых для описания признаков состава преступления;

- проанализировать проблемы квалификации преступлений, в состав которых входят оценочные признаки, определить риски субъективизма и правовой неопределённости итогов такой квалификации;

- выявить и систематизировать типичные ошибки и противоречия в судебной практике перекваливикации деяний с оценочными признаками, на основе анализа апелляционных и кассационных решений;

- разработать теоретически обоснованные и практико-ориентированные предложения по совершенствованию подходов к толкованию и применению оценочных признаков в целях повышения правовой определённости и единообразия правоприменительной практики.

Объектом диссертационного исследования выступают правовые отношения, возникающие в сфере создания и применения уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, содержащие в своём составе оценочные признаки**.**

Предмет диссертационного исследования составляют теоретико-правовые основы, закономерности и методологические подходы к интерпретации, квалификации преступлений, содержащих в своём составе оценочные признаки; доктринальные подходы, правоприменительная практика и механизм обеспечения правовой определённости в условиях использования оценочных категорий в уголовном праве.

Методологическая и теоретическая основы исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составляют совокупность общенаучных, частно-научных и специальных методов познания, применяемых в юридической науке, что обеспечило комплексный и системный характер анализа.

Среди общенаучных методов в исследовании использованы: методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, системного и структурно-функционального подхода.

Среди частно-научных методов, используемых в работе, следует выделить: формально-юридический (догматический) метод, логико-юридический метод, историко-правовой метод, метод юридической герменевтики, позволившие выявить особенности конструирования, толкования и применения оценочных признаков в уголовном законодательстве.

Изучение правоприменительной практики в части толкования отдельных признаков составов преступлений, квалификации преступлений и их

переквалификации в судах проверочных инстанций осуществлялось посредством метода анализа документов.

В работе использованы познавательные возможности сравнительно-правового метода при исследовании проблем теории и практики применения оценочных понятий при конструировании составов преступлений в Российской Федерации и Республике Армения.

В ряду специальных использован так же статистический метод сводки и группировки данных, позволивший обобщить и систематизировать статистику Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, а также отразить количественные показатели судебной практики.

Кроме того, применялся метод экспертного опроса для выявления позиций профессиональных правоприменителей по вопросам допустимости использования, особенностей толкования и практики переквалификации составов преступлений с оценочными признаками.

Теоретическую основу исследования составили труды ведущих учёных в области уголовного права, общей теории права и философии права. Особое значение имели работы, посвящённые различным направлениям уголовно-правовой науки: учение о принципах уголовного права (И.Э. Звечаровский, Н.А. Лопашенко, В.В. Мальцев, Т.Г. Понятовская и др.); учение о составе преступления (Л.Д. Гаухман, А.В. Иванчин, Н.Ф. Кузнецова, Ю.Е. Пудовочкин, А.Н. Трайнин и др.); учение об уголовном законе и его толковании (Я.М. Брайнин, А.В. Наумов, К.В. Ображиев, А.Ф. Черданцев, А.С. Шляпочников и др.); учение о квалификации преступлений и применении уголовного закона (Л.Л. Кругликов, В.Н. Кудрявцев, Ю.В. Грачева, Н.И. Пикуров, А.И. Рарог, С.Д. Шапченко и др.). В исследовании также были учтены труды Р.У. Ахмедова, Р.С. Джинджолия, М.Г. Жилкина, Т.В. Кашаниной, Е.В. Кобзевой, М.И. Ковалева, Б.Н. Коробца, Д.Н. Левина, О.Е. Фетисова, Е.А. Фролова, О.С. Шумилиной, Д.Р. Касимова и других авторов, оказавшие значительное влияние на разработку теоретических и методологических основ диссертации.

Нормативную базу диссертационного исследования составили Конституция Российской Федерации, акты уголовного, уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, уголовное и процессуальное законодательство Республики Армения, а также международно-правовые документы и иные официальные источники, имеющие значение для раскрытия содержания оценочных признаков и их применения на практике.

Эмпирическую основу исследования составили результаты документальных, социологических и статистических исследований.

При подготовке диссертационного исследования суммарно было проанализировано 148 судебных решений, в том числе:

- 97 апелляционных и кассационных судебных актов судов общей юрисдикции Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации за 2022–2024 гг., демонстрирующих практические подходы к квалификации и перекваликации составов с оценочными признаками;

- 51 постановление Кассационного суда Республики Армения, принятое до 2022 года, использованное для сравнительного анализа с целью выявления устойчивых доктринальных и практических подходов.

В текст диссертации непосредственно включены только некоторые судебные акты, касающиеся вопросов конструирования, толкования и применения оценочных признаков состава преступления.

В орбиту аргументации вовлечены итоги изучения актов официального толкования: 12 постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащих правовые позиции по вопросам толкования и применения отдельных составов преступлений, содержащих оценочные признаки; 7 постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, 3 постановления Конституционного суда Республики Армения и 4 постановления Европейского Суда по правам человека, затрагивающих вопросы правовой определённости, предсказуемости правоприменения и допустимости оценочных формулировок закона.

В основе исследования также – результаты экспертного опроса 142 прокуроров[1] (из них 95 из Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 47 из Генеральной прокуратуры Республики Армения); анкетирование включало 23 вопроса. Для проведения экспертного опроса в Генеральной прокуратуре Республики Армения анкета была составлена на армянском языке (см. Приложение 3)[2]. По содержанию вопросы полностью идентичны анкете, использованной для опроса прокуроров Генеральной прокуратуры Российской Федерации (см. Приложение 2)[3]. Обработка данных проведена методами сводки, группировки и сравнительного анализа (Россия / Армения) с последующим визуальным представлением результатов в таблицах и диаграммах.

Эмпирическую базу исследования дополняют результаты статистического анализа информации Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2021 – 2024 годы, отражающие динамику и состояние судимости, а также отдельные сведения о работе судов общей юрисдикции.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в формулировании и обосновании авторского подхода к содержанию, конструированию, интерпретации и применению оценочных признаков составов преступлений:

- обоснована допустимость закрепления оценочных признаков в уголовно-правовых нормах при условии соблюдения определенных принципов;

- системно раскрыты причины использования оценочных признаков в уголовном законодательстве, их содержание, функции, структурные особенности и правовая природа, с учётом социокультурных и аксиологических факторов;

---

[1] Выбор прокуроров в качестве респондентов для экспертного опроса обусловлен их процессуальной ролью: именно они неизбежно осуществляют квалификацию деяния как на досудебных стадиях, так и в суде. В отличие от других участников процесса, для прокуроров квалификация является постоянной и обязательной функцией, а от её результатов зачастую зависит, поступит ли дело в суд. Следовательно, именно прокуроры обладают целостным видением проблемы - от стадии возбуждения уголовного дела до вынесения приговора.

Это делает их мнения наиболее репрезентативными для выявления проблем применения оценочных признаков.

[2] См.: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSd_KVtreH2OncW7FinIF4I-7RH_sbIhZlRi0gxdEnlT1nydog/viewform?usp=header

[3] См.: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSdlmkX_uUV-H4XwfvQ7_nxlrcYqhzhrnURwFhIZobWFrGIvNw/viewform?usp=header

- в научный оборот введено понятие «интерпретационной сбалансированности» при работе с оценочными признаками, как единства между правовой определённостью и социокультурной адаптивностью;

- выделены и аргументированы основные закономерности (правила) толкования оценочных признаков, включая: запрет на расширительное толкование, необходимость обращения к историко-нормативному контексту, опору на доктринальные и судебные источники, допустимость интеграции внеправовых критериев и категорий;

- разработана научно обоснованная типология проблем, возникающих при квалификации и переквалификации преступлений с оценочными признаками, предложены конкретные пути их разрешения.

Кроме того, о научной новизне проведенного исследования свидетельствуют и **основные положения, выносимые на защиту:**

1. Оценочный признак состава преступления – это указанный в уголовно-правовой норме признак одного из элементов состава преступления, описанный посредством понятия, которое обладает содержательной неопределённостью и открытым смысловым объёмом. Содержание данного понятия конкретизируется исключительно в правоприменительной ситуации (в процессе квалификации деяния) через социально-правовую оценку обстоятельств дела, направленную на установление соответствия конкретного факта типологически значимому общественно опасному поведению, при обязательном соблюдении юридических границ, прямо закреплённых в уголовном законе, а также с учётом тех социально-криминологических ориентиров, которые формируются судебной практикой и доктриной в целях конкретизации и адаптации оценочных признаков к условиям правоприменительной деятельности.

2. Оценочные понятия, используемые для описания признаков состава преступления, обладают комплексом устойчивых сущностных характеристик, определяющих специфику их нормативного функционирования. К числу таких характеристик относятся:

- *конструктивная неопределённость*, выражающаяся в преднамеренной абстрактности правовой формулировки, направленной на обеспечение гибкости уголовного регулирования;

- *целенаправленная вариативность содержания*, допускающая нормативное наполнение признака на основе правовой оценки, согласующейся с целями уголовного закона;

- *ситуативная адаптивность,* проявляющаяся в зависимости содержания оценочного признака от конкретного уголовно-правового контекста;

- *интерпретационная открытость при нормативной замкнутости,* означающая, что свобода правовой оценки допустима только в рамках закона и судебной практики;

- *юридико-смысловая промежуточность*, при которой оценочный признак соединяет фактическую основу дела с уголовно-правовой моделью;

- *нормативная типичность,* обеспечивающая интуитивную и ценностно-устойчивую идентификацию признака в правовой системе;

- *институционально зависимая конкретизация*, выражающаяся в определяющем значении правовых позиций судебных органов в раскрытии содержания оценочного признака;

- *сравнительно-оценочная природа,* отражающаяся в сравнительно-оценочной природе самого юридического суждения, предполагающего наличие шкалы ценностей, меры и сопоставимости.

3. Оценочные признаки состава преступления являются важным инструментом стратегического развития уголовного законодательства, ориентированным на соблюдении принципов справедливости, законности и правовой определённости в условиях трансформирующейся правовой реальности. Они выполняют широкий спектр значимых функций, обеспечивая гибкость, адаптивность и ценностную обоснованность уголовного законодательства. В классификационном отношении система функций оценочных признаков включает в себя три группы:

- *Нормативно-регулятивные функции:* законодательная экономия и системность регулирования; устранение правовых пробелов; разграничение уголовной и административной ответственности; имплементация международных правовых стандартов.

- *Правоприменительные функции:* трансформация эмпирических фактов в юридически значимые признаки; стимулирование развития правоприменительной практики и уголовно-правовой науки.

- *Социально-адаптивные функции:* адаптация уголовного закона к динамике социальных отношений и угрозам современной преступности; ранняя правовая реакция на новые формы девиантного поведения, гармонизации права с моральными нормами.

4. Оценочные признаки в уголовном праве позволяют создать пространство для обоснованного и допустимого правоприменительного риска, и усмотрения, обеспечивая возможность учитывать индивидуальные обстоятельства конкретного случая. Однако границы этого риска не беспредельны. Легитимность использования оценочных признаков ограничена соблюдением ряда обязательных условий:

- допустимость исключительно в тех случаях, когда формально-догматическое изложение уголовно-правовых норм не позволяет адекватно учесть специфику конкретных общественно опасных деяний;

- доступность смыслового содержания для правоприменителя и субъекта уголовной ответственности;

- наличие официальных механизмов конкретизации, обеспечивающих единообразие правоприменения, включая правовые позиции высших судебных инстанций;

- институциональный контроль за единообразием применения (разработка методических рекомендаций и мониторинг правоприменительной практики);

- мотивированное и предсказуемое применение, детальное разъяснение содержания, системная взаимосвязь с иными нормативными предписаниями.

При соблюдении этих условий правовая определенность и оценочные категории не противоречат друг другу, а напротив, взаимно дополняют друг друга, формируя гибкий и одновременно устойчивый механизм правового регулирования.

5. Интерпретация уголовно-правовых норм, содержащих оценочные признаки состава преступления, подчиняется совокупности закономерностей, отражающих специфику их содержания, функционирования и развития.

К числу закономерностей, характеризующих социально-криминологическое содержание оценочных признаков, относятся:

- интеграция экстраправовых стандартов, выражающаяся в необходимости учитывать моральные, профессиональные и социокультурные ориентиры при сохранении принципа законности;

- морально-нравственная обусловленность, предполагающая включение этических норм в интерпретационный процесс как способ верификации справедливости правового вывода;

- ситуативная обусловленность толкования, при которой значение оценочного признака формируется исключительно в контексте конкретного уголовно-правового дела;

- опора на доктрину и судебную практику, обеспечивающая системность, предсказуемость и научную обоснованность правоприменительной деятельности;

- динамичность и эволютивность толкования, обеспечивающая гибкость уголовного закона в условиях изменяющейся социальной реальности;

- междисциплинарность толкования, допускающая привлечение научных знаний из смежных отраслей для уточнения содержания оценочных категорий.

К числу закономерностей, характеризующих специально-юридическое содержание оценочных признаков, относятся:

- нормативная ограниченность толкования, предполагающая строгое соблюдение границ уголовно-правовой нормы и недопустимость её расширительного или субъективистского истолкования;

- системно-нормативная конкретизация через системное сходство, основанная на сопоставлении с легально определёнными и близкими по смыслу категориями;

- историко-правовая обусловленность, требующая анализа исторической эволюции признака и его нормативных источников;

- запрет интерпретационной неопределённости, исключающий толкование одного неопределённого понятия через иное столь же неопределённое.

Соблюдение указанных закономерностей позволяет достичь необходимого баланса между принципами правовой определённости и справедливости, а также исключить произвольное расширительное толкование норм уголовного закона.

6. Судебная практика, как один из ключевых факторов, формирующих содержание оценочных признаков состава преступления, должна эволюционировать в ответ на объективные потребности правоприменения, вызванные динамикой социальных, технологических и криминологических процессов. В условиях социальной и правовой трансформации изменчивость судебной практики является неизбежной. Однако ее легитимность может быть обеспечена только при условии институционального контроля, обеспечивающего разграничение между объективно необходимыми корректировками правоприменительных подходов и изменениями, продиктованными политической конъюнктурой или субъективными оценками. Судебная практика не должна использоваться в качестве инструмента реализации краткосрочных уголовно-политических целей. В связи с этим обоснованной представляется необходимость институционализации мониторинга изменений в судебной практике, направленного на своевременное выявление отклонений от устоявшихся правовых позиций и коррекцию уголовного законодательства на основании объективно выявленных проблем.

7. Одним из наиболее значимых рисков при использовании оценочных признаков является неопределённость границ криминализации, способная порождать произвольное расширение или сужение основания уголовной ответственности. Включение таких признаков в конструкцию основного состава

преступления создаёт неоправданный риск неопределённости самого факта преступности деяния, что подрывает стабильность уголовного законодательства и ведёт к фрагментарности правоприменительной практики. По этой причине оценочные признаки не должны использоваться в конструкции основных составов преступлений. Оптимальной является модель, при которой оценочные признаки используются в квалифицированных и привилегированных составах, где они служат инструментом дифференциации уголовной ответственности и позволяют учитывать характер, степень общественной опасности, обстоятельства совершения деяния. Предложенный подход способствует формированию сбалансированной уголовно-правовой политики, в которой оценочные признаки используются как средство уточнения и углубления правовой оценки, а не как условие признания деяния преступным.

8. Современная правоприменительная практика демонстрирует, что толкование и установление оценочных признаков состава преступления является одним из наиболее сложных этапов в процессе квалификации преступлений, поскольку именно они порождают спектр типовых квалификационных проблем, негативно влияющих на правовую определённость, единообразие судебных решений и реализацию принципов справедливости и индивидуализации уголовной ответственности.

Результаты обобщения судебной практики позволяют выделить и систематизировать девять ключевых проблем, связанных с уголовно-правовой квалификацией оценочных признаков, среди которых: неустойчивость границ между мотивационными категориями; неопределённость форм соучастия; формализация таких признаков, как «существенный вред» и «значительный ущерб»; игнорирование комплексной переоценки состава при нормативной трансформации; аксиологическая неопределённость при разграничении продолжаемого преступления и множественности деяний; размытость границ между составообразующими и квалифицирующими оценочными признаками; трудности в разграничении видов неосторожной вины; произвольное исключение смягчающих обстоятельств, основанных на оценочных признаках.

Для обеспечения правовой определённости, единообразия правоприменения и исключения произвольной переквалификации, необходимы: конкретизация критериев разграничения между продолжаемым преступлением и множественностью деяний; формирование юридически значимых параметров для квалификации оценочных мотивационных признаков; запрет формального толкования признаков «значительный ущерб» и «существенный вред»; нормативное и доктринальное разграничение составообразующих и квалифицирующих оценочных признаков, с обязательным установлением доказательственного стандарта подтверждения наступления квалифицирующих последствий, признание недопустимости подмены реально наступивших тяжких последствий гипотетическими категориями.

9. При нормативной трансформации состава преступления, обусловленной изменением уголовного закона, правоприменительная деятельность должна сопровождаться обязательной комплексной переоценкой всех оценочных признаков, входящих в структуру состава преступления, с учётом обновлённой нормативной и аксиологической среды.

Формальный подход, при котором утраченные квалифицирующие признаки заменяются иными оценочными признаками без надлежащего анализа их фактической релевантности и доказательной основы, недопустим, поскольку искажает суть гуманистической функции ретроактивного действия более мягкого закона и нарушает принципы законности, справедливости и соразмерности уголовной ответственности.

Нормативная трансформация не может ограничиваться технической переквалификацией – она требует содержательного, структурного анализа всей совокупности признаков состава преступления, включая аксиологическую природу, фактический контекст и изменённые критерии уголовно-правовой оценки.

Следовательно, разработка и внедрение методологического подхода к правовой оценке состава преступления в условиях изменения законодательства является необходимым условием обеспечения правовой определённости,

недопустимости произвольного толкования оценочных признаков и предсказуемости квалификационной практики.

Научно-практическая значимость исследования заключается, прежде всего, в развитии и углублении теоретико-правового представления об оценочных признаках состава преступления. В работе системно обосновано понимание их правовой природы, содержания, функционального значения в механизме уголовно-правового регулирования. Особое внимание уделено закономерностям (принципам) их толкования, а также выявлению рисков и противоречий, возникающих при квалификации и переквалификации преступлений, описанных с использованием оценочных признаков. Представленные в диссертации выводы и положения вносят вклад в развитие уголовно-правовой доктрины, формируют методологическую основу для последующего научного осмысления гибких нормативных конструкций.

Практическая значимость исследования состоит в разработке предложений, направленных на повышение правовой определённости и единообразия судебной практики: нормативной конкретизации оценочных признаков, уточнении критериев их разграничения, обосновании необходимости институционального мониторинга правоприменения, а также создании методических ориентиров для квалификации преступлений с оценочными признаками. Полученные результаты могут быть использованы при подготовке проектов нормативных правовых актов, судебных разъяснений, в образовательном процессе, а также в практической деятельности следователей, прокуроров, судей и адвокатов.

Апробация результатов исследования. Основные научные результаты (положения и выводы) нашли свое отражение в четырех научных статьях, которые опубликованы в рецензируемых научных изданиях, включенных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, чем также подтверждается достоверность проведенного исследования.

Результаты диссертационного исследования были апробированы на ряде научных мероприятий различного уровня. В частности, на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов–2024» (Ереван, 22 ноября 2023 г.). Отдельные аспекты диссертационного анализа, касающиеся методологии правоприменения, функций уголовного права и квалификационных проблем, получили развитие в рамках: Круглого стола с международным участием «Криминальные вызовы и новые криминалистические решения» (Москва, 5 апреля 2024 г.); Всероссийской научной конференции с международным участием «Современное международное сотрудничество органов прокуратуры: проблематика конвергенции и диверсификации функций» (Москва, 5 апреля 2024 г.); XXI Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Москва, 25-26 января 2024г.); Всероссийской научно-практической конференции «Деятельность органов прокуратуры Российской Федерации» (Москва, 27-28 февраля 2024г.); Международных круглых столов «Преступления в сфере экономики: российский и зарубежный опыт» (Москва, 24 октября 2024г., 24 октября 2025 г.). Участие в этих мероприятиях способствовало профессиональной дискуссии, а также позволило соотнести полученные результаты с актуальными тенденциями развития уголовно-правовой науки.

Практикоориентированные выводы работы, отражающие особенности толкования оценочных признаков составов преступлений, внедрены в работу прокуроров Республики Армения, что подтверждается Актом внедрения предоставленным Заместителем генерального прокурора Республики Армения от 10 октября 2025 года.

Степень достоверности полученных результатов обеспечивается обоснованным выбором методологических подходов, применением совокупности общенаучных, частно-научных и специальных юридических методов исследования, логической последовательностью анализа, использованием репрезентативного массива судебной практики, а также опорой на положения

действующего законодательства и научные труды ведущих специалистов в области уголовного права и общей теории права.

Надёжность выводов подтверждается сопоставлением теоретических положений с материалами практики квалификации и переквалификации преступлений, содержащих оценочные признаки, включая акты Верховного Суда Российской Федерации, Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека и решений судов общей юрисдикции.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения, библиографического списка и четырех приложений.

ГЛАВА 1.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1.1. Конституционно-правовая легитимация допустимого использования оценочных признаков состава преступления

Допустимость использования оценочных признаков в уголовном законодательстве тесно связана с конституционными принципами правового государства, верховенства закона и правовой определенности. М.Ю. Козлова обоснованно полагает, что принцип определенности «…основан на верховенстве права и обеспечивает конституционный принцип равенства и справедливости; предполагает стабильность правового регулирования; исключает возможность неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного применения норм права, обеспечивает единообразную правоприменительную практику, дает гарантии государственной защиты граждан; дает возможность участникам соответствующих правоотношений в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, а также приобретенных прав и обязанностей»[4].

Эти теоретические рассуждения в полной мере разделяет Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ, КС РФ). Приведем несколько его принципиальных суждений на этот счет: «правовая определенность как элемент нормативного содержания принципа правового государства означает, что из сферы правового регулирования необходимо устранять двойственные, амбивалентные нормы с неопределенным юридическим смыслом»[5]; ограничение в конституционно значимых целях прав и свобод человека и гражданина «должно быть для поддержания правовой определенности нормативного регулирования

---

[4] См.: Козлова М.Ю. Принцип правовой определенности (на примере антимонопольного законодательства) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2011. № 2 (15). С. 108-113.

[5] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 174-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2012. – № 4.

выражено в федеральном законе ясно, четко и недвусмысленно»[6]; равенство граждан может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания толкования правовой нормы всеми правоприменителями[7]; необходимо, чтобы участники правоотношений «могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в том, что приобретенное ими на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и будет реализовано, т.е. в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действенности их государственной защиты»[8].

Вместе с тем опыт законотворчества и развитие юридической техники привели к однозначному выводу: детальная регламентация каждого аспекта человеческого поведения невозможна по причине чрезмерного многообразия возможных жизненных ситуаций.

В современных условиях неопределенность стала имманентным свойством реальности, неустранимым фактором. Жизнь предлагает нам жить в условиях неопределенности и риска, не предлагая при этом альтернативы. Соответственно, научиться выживать в условиях неопределенности – наша биологическая и социальная задача. Уже только поэтому стратегии преодоления негативных издержек неопределенности в сфере права должны быть разнообразны[9].

В этом контексте стоит отметить, что Конституционный Суд РФ в одном из своих постановлений указал, что: «Требование определенности правового регулирования, обязывающее законодателя формулировать правовые предписания с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину (объединению

---

[6] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30.03.2012 № 9-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования «Звениговский муниципальный район» Республики Марий Эл» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 15. – Ст. 181.

[7] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2012 № 29-П «По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 2446 и части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Г. Круглова, А.В. Маргина, В.А. Мартынова и Ю.С. Шардыко» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 51. – Ст. 7323.

[8] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2005 № 11-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры «Дом культуры им. Октябрьской революции», открытого акционерного общества «Центронефтехимремстрой», гражданина А.А. Лысогора и Администрации Тульской области» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 48. – Ст. 5123.

[9] См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Очерки криминальной рискологии. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2021., – С. 35-36.

граждан) сообразовывать с ними свое поведение – как запрещенное, так и дозволенное, не исключает использования оценочных или общепринятых понятий, значение которых должно быть доступно для восприятия и уяснения субъектами правоотношений либо непосредственно из содержания нормативного положения или из системы взаимосвязанных положений, рассчитанных на применение к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций, либо посредством выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний, в частности с помощью даваемых судами разъяснений; именно судебная власть, действующая на основе принципов самостоятельности, справедливого, независимого, объективного и беспристрастного правосудия, по своей природе в наибольшей мере предназначена для решения споров на основе законоположений, в которых законодатель использует в рамках конституционных предписаний оценочные понятия»[10].

Конституционный Суд РФ в анализируемом постановлении сформулировал важную правовую позицию, согласно которой требование правовой определенности не исключает использования оценочных категорий. Тем не менее, Суд подчеркивает, что использование оценочных категорий должно соответствовать определенным критериям, обеспечивающим их предсказуемость и совместимость с принципом nullum crimen sine lege (нет преступления без закона).

В данном постановлении Суд обращает особое внимание на необходимость обеспечения доступности понимания уголовных норм субъектами правоотношений. Однако Суд также признает, что данное требование не означает абсолютной детализированности каждой нормы. В ряде случаев правовая определенность достигается не только за счет текста уголовного закона, но и путем системного толкования норм в совокупности с разъяснениями высших судебных инстанций. Суд акцентирует внимание на том, что судебная власть, действующая на основе принципов независимости, беспристрастности и справедливости, по

[10] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 N 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева».

своей природе предназначена для разрешения споров, возникающих из применения законоположений, содержащих оценочные категории.

Таким образом, анализируемое постановление Конституционного Суда РФ позволяет сформулировать несколько ключевых выводов. Во-первых, использование оценочных признаков в уголовном законодательстве не противоречит принципу правовой определенности, если их содержание может быть усвоено субъектами либо непосредственно из текста нормы, либо посредством правоприменительной практики. Во-вторых, судебная власть играет ключевую роль в устранении неопределенности уголовных норм, обеспечивая их толкование и конкретизацию.

В данном контексте необходимо подчеркнуть, что подход Конституционного Суда РФ соответствует международным стандартам правоприменения, в частности практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ)[11].

В одном из постановлений ЕСПЧ указал: «Норма не может считаться «законом», если она не сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину сообразовывать с ней свое поведение: он должен иметь возможность – пользуясь при необходимости советами – предвидеть, с разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой данное действие. Эти последствия не обязательно предвидеть с абсолютной определенностью: опыт показывает, что это недостижимо. Более того, хотя определенность весьма желательна, она может сопровождаться чертами окаменелости, тогда как право должно обладать способностью идти в ногу сменяющимися обстоятельствами. Соответственно, во многих законах неизбежно используются термины, которые в большей или меньшей степени расплывчаты: их толкование и применение – задача практики»[12].

---

[11] В связи с прекращением участия России в Совете Европе, прекращении действия в отношении нее ряда европейских конвенций и выходе из-под юрисдикции ЕСПЧ (Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 10. – Ст. 1566) обращение к практике Европейского Суда по правам человека носит по преимуществу справочный характер.

[12] См.: Постановление от 26 апреля 1979 г. по делу «Санди Таймс против Соединенного Королевства» (жалоба № 6538/74) // Европейский суд по правам человека. База данных HUDOC. – URL: https://hudoc.echr.coe.int/ (дата обращения: 23.11.2024).

В этом контексте стоит упомянуть научную позицию М.В. Бавсуна, которая вносит важный вклад в критическое осмысление проблемы гипердетализации уголовного закона. Согласно мнению исследователя, «Текст уголовного закона стал более подробным, но он не оказался проще, пытаясь дать ответы на все возникающие на практике вопросы. Скорее, наоборот, материя стала сложнее, причем во всем и, прежде всего, в технике, а соответственно, в понимании, усвоении, запоминании и, что самое главное, в применении. Чрезмерная определенность как принцип формирования законодательного материла выступила в роли средства деконструкции того, за счет чего происходил отказ от наработанных ранее средств формирования и восприятия правовых норм. Между тем ожидаемые результаты оказались иными. Правоприменитель внезапно стал играть роль субъекта правоотношения, действующего в рамках строго заданного алгоритма, при полном отсутствии даже малейшей возможности выхода за его пределы. Таким образом, деградация стала итогом деконструкции, которая, по идее, должна была выступить в роли прорыва в системе старых догм и стереотипов, в структуре уже накопленного столетиями опыта. Но она же проявляется сегодня и в роли следствия такой деконструкции, потому как, вскрыв и полностью нарушив прежний порядок, в остатке мы имеем гиперопределенность как факт, при отсутствии каких-либо перспектив ее развития как идеи»[13].

Ключевой тезис автора заключается в том, что попытка создать предельно детализированное уголовное законодательство привела к его усложнению, а не к упрощению. Этот процесс деконструкции правил, наработанных правоприменительной практикой, по мнению автора, не привел к ожидаемому повышению эффективности, а, напротив, породил новые сложности в понимании, толковании и применении норм. В попытках гиперопределенности законодатели создают избыточные регулятивные конструкции, которые на практике оказываются неэффективными и ограничивают возможности правоприменителя адаптировать норму к конкретной ситуации. Следовательно детализированное

[13] См.: Бавсун М.В. Гиперопределенность уголовного закона как причина и следствие его деконструкции // Онтология и аксиология права: тезисы докладов и сообщений Девятой междунар. науч. конф. (Омск, 25−26 октября 2019 г.) / отв. за вып. Д.В. Попов. – Омск: Омская академия МВД России, 2019. – С. 23.

регулирование не всегда гарантирует правовую определенность, а наоборот, может создавать избыточную регламентацию, которая парадоксальным образом приводит к снижению предсказуемости правоприменительной практики.

Автор так же подчеркивает, что результатом деконструкции уголовного закона стало превращение правоприменителя в автоматический инструмент, действующий по жесткому алгоритму, без возможности оценки конкретных обстоятельств дела. Этот тезис подтверждает, что формальная определенность норм должна сочетаться с возможностью их гибкого толкования в рамках судебной практики. Следовательно оценочные категории являются механизмом компенсации последствий гиперопределенности.

Д.В. Попов, анализируя трансформации современного правотворчества, указывает, что в условиях кризиса биополитической стратегии государства правовая система сталкивается с феноменом «правовых осцилляций» –колебаний между чрезмерной регламентацией и правовой неопределённостью, вызванных реактивным характером нормотворчества и утратой концептуальной целостности законодательства. В такой ситуации возрастает значимость оценочных понятий как средств восстановления гибкости и смысловой адаптивности уголовного закона. Однако при отсутствии устойчивой институциональной и концептуальной рамки их применение становится уязвимым к волюнтаризму. В этой связи правовая интерпретация оценочных признаков требует не только нормативной и доктринальной определённости, но и способности учитывать динамику общественных ориентиров и воспринимать неопределённость не как изъян, а как конститутивный элемент современного правового регулирования[14].

Вместе с тем одно из постановлений ЕСПЧ гласит, что требование правовой определенности не означает абсолютной точности формулировок закона, а лишь обязывает законодатель обеспечивать такую степень ясности норм, которая позволит субъекту соразмерять с ними свое поведение. Соответственно, в

[14] См.: Попов Д. В. Неопределенность права в контексте неопределенности биополитической стратегии в современном мире / Д. В. Попов. — Текст: непосредственный // Онтология и аксиология права: тезисы докладов и сообщений Девятой международной научной конференции. — Омск: Омская академия МВД России, 2019. — С. 48–54.

уголовном праве допустимо использование оценочных категорий, но при этом они должны быть сформулированы таким образом, чтобы их толкование оставалось в пределах разумной предсказуемости[15]. Так же ЕСПЧ в одном из постановлений подчеркнул, что развитие уголовного права посредством судебного толкования является неотъемлемой частью правовой традиции и не нарушает принцип правовой определенности, если такие изменения соответствуют существу преступления и могут быть разумно предвидены субъектами уголовного преследования[16].

Согласно другому постановлению: «Формулировать нормы права с абсолютной точностью может быть трудной задачей… определенная степень гибкости нормы может быть даже желательной, с тем чтобы позволить национальным судам разрабатывать свое законодательство в свете своего мнения о том, какую меру подлежит применить в интересах правосудия»; «…как бы четко ни была составлена правовая норма, ее применение затрагивает неизбежный элемент судебного толкования, поскольку всегда будет иметь место необходимость разъяснения вызывающих сомнение вопросов и приспособление к конкретным обстоятельствам. Наличие сомнения в отношении пограничных фактов само по себе не делает правовую норму непредвидимой в ее применении. Подобным образом и тот факт, что такая правовая норма может иметь более чем одно толкование, не означает, что она не соответствует требованию «предсказуемости» по смыслу Конвенции»[17].

Анализ решений ЕСПЧ свидетельствует о том, что определенность в понимании ЕСПЧ не сводится исключительно к детализированному и исчерпывающему законодательному регулированию, а предполагает баланс между формальной точностью норм и возможностью их разумного толкования в судебной

---

[15] См.: Постановление от 25 мая 1993 г. по делу «Коккинакис против Греции» (жалоба № 14307/88) // Европейский суд по правам человека. База данных HUDOC. – URL: https://hudoc.echr.coe.int/ (дата обращения: 23.11.2024).

[16] См.: Постановление от 22 января 1995 г. по делу «C. R. против Соединенного Королевства» (жалоба № 20166/92) // Европейский суд по правам человека. База данных HUDOC. – URL: https://hudoc.echr.coe.int / (дата обращения: 23.11.2024).

[17] См.: Постановление от 17 февраля 2004 г. по делу «Маестри против Италии» (жалоба № 39748/98) // Европейский суд по правам человека. База данных HUDOC. – URL: https://hudoc.echr.coe.int / (дата обращения: 23.11.2024).

практике. Это приводит к новому теоретическому обоснованию природы оценочных категорий: они не являются проявлением неопределенности в праве, а, напротив, выступают механизмом его конкретизации в судебной практике. Вместе с тем ЕСПЧ закрепил принцип, согласно которому использование оценочных признаков в уголовном законодательстве допустимо только при условии, что их толкование остается в границах разумной предсказуемости[18].

ЕСПЧ также подчеркивает, что наличие разночтений в интерпретации правовой нормы само по себе не делает ее непредсказуемой. Это подтверждает, что правовая система должна обладать достаточной степенью динамичности, а уголовное право – интегративными механизмами, позволяющими учитывать изменяющиеся обстоятельства правоприменения. Следовательно оценочные категории в уголовном праве не только допустимы, но и необходимы для эффективного регулирования преступности в условиях социальной трансформации. При этом их допустимость в уголовном праве определяется не только самим фактом их закрепления в нормах закона, но и системой судебных механизмов, обеспечивающих их предсказуемое применение.

Еще одно постановление Конституционного Суда РФ гласит: «В то же время требование правовой определенности, обязывая излагать законодательство с достаточной точностью, не исключает использования оценочных или общепринятых понятий, значение которых должно быть доступно для восприятия и уяснения субъектами правоотношений непосредственно из содержания конкретного нормативного положения или же из системы взаимосвязанных положений, рассчитанных на применение к неограниченному числу правовых ситуаций, либо с выявлением более сложной взаимосвязи правовых предписаний, в частности в разъяснениях судов. Судебная же власть, руководимая принципами самостоятельности, справедливого, независимого и беспристрастного правосудия (статьи 10, 118 и 120 Конституции Российской Федерации), по природе своей

[18] См.: Бегоян Л.А. Конституционные и доктринальные основания допустимости оценочных признаков в уголовном праве / Л. А. Бегоян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 11. – С. 1-4.

предназначена для разрешения споров и дел в том числе на основе норм, изложенных с применением оценочных понятий.

Понятие «существенное нарушение прав и законных интересов», как и всякое оценочное понятие, получает содержание в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и при надлежащем толковании законодательных терминов в правоприменительной практике. Из того же исходит и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, который в постановлении от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» отметил, что выводы относительно квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, ее части либо пункту должны быть мотивированы судом. Признавая подсудимого виновным в совершении преступления по признакам, относящимся к оценочным категориям (например, тяжкие последствия, существенный вред, наличие корыстной или иной личной заинтересованности), суд не должен ограничиваться ссылкой на соответствующий признак, а обязан привести в описательно-мотивировочной части приговора обстоятельства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака»[19].

Особую важность в рассматриваемом постановлении приобретает положение о том, что оценочные категории не могут применяться механически, без соответствующего анализа обстоятельств дела. Данная позиция Конституционного Суда РФ подчеркивает, что суд, применяя оценочные признаки, обязан раскрывать обстоятельства, подтверждающие их наличие. Это требование направлено на обеспечение правовой предсказуемости, исключение субъективного усмотрения и защиту принципов равенства перед законом. Судебная практика, не основанная на четком обосновании применения оценочных признаков, ставит под угрозу принципы законности и справедливости, что делает необходимым строгое соблюдение требований Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда

[19] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2021 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. В. Величенко» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 22. – Ст. 3715. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384903/ (дата обращения: 23.11.2024).

Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ, ВС РФ) о детальном мотивировании судебных решений.

Анализ постановлений Конституционного Суда РФ позволяет сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, оценочные категории допустимы в уголовном праве при условии их мотивированного и предсказуемого применения, что требует детального толкования в судебной практике. Во-вторых, суды обязаны обосновывать свои решения при применении оценочных признаков, раскрывая их содержание в контексте конкретного дела. В-третьих, использование оценочных категорий оправдано необходимостью адаптации уголовного законодательства, однако их применение должно быть ограничено рамками правовой предсказуемости, исключающими риск произвольного толкования.

В одном из постановлений Конституционным Судом РФ была сформулирована также следующая позиция: «оценка степени определенности содержащихся в законе понятий должна осуществляться исходя не только из самого текста закона и используемых в нем формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний, а регулятивные нормы, устанавливающие те или иные правила поведения, не обязательно должны содержаться в том же нормативном акте, что и нормы, устанавливающие юридическую ответственность за их нарушение»[20].

В этом решении Конституционный Суд РФ сформулировал ключевой принцип, согласно которому оценка степени определенности правовых понятий не может ограничиваться только текстом конкретного нормативного акта, а должна осуществляться исходя из их места в системе нормативных предписаний. Это положение имеет важное теоретическое и практическое значение для правоприменительной деятельности, поскольку подчеркивает системный характер законодательства и необходимость учета всей нормативной базы при интерпретации правовых норм, содержащих оценочные признаки.

---

[20] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 г. № 710-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Е. В. Гончаровой на нарушение её конституционных прав статьёй 201 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 5.

Суд в данном постановлении подчеркивает, что нормы, устанавливающие правила поведения, не обязательно должны содержаться в том же нормативном акте, что и нормы, устанавливающие юридическую ответственность за их нарушение. Данный вывод имеет особую значимость для уголовного законодательства, поскольку предполагает, что оценочные признаки, используемые в диспозициях норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), могут получать свое конкретное наполнение через нормы других отраслей права, регулирующих соответствующие общественные отношения.

Этот тезис подтверждается практикой правоприменения, например, в отношении статьи 201 УК РФ (Злоупотребление полномочиями). Вопрос о том, что именно считается злоупотреблением, нельзя решить исключительно в пределах данной статьи, поскольку он требует анализа норм корпоративного, антимонопольного и гражданского законодательства.

Анализируемое постановление Конституционного Суда РФ подтверждает, что использование оценочных признаков в уголовном законодательстве допустимо при условии их системной интерпретации и учета правоприменительной практики, т.е. они не противоречат принципу правовой определенности, если их смысл может быть установлен через взаимосвязь с другими нормами законодательства.

Рассматривая проблемы конституционной легитимации оценочных понятий в сравнительно-правовом аспекте, заметим, что доктринальные подходы, сформулированные российской практикой и впитавшие в себя основные идеи европейских стандартов, в целом подтверждаются и в иных национальных правовых системах. Обратимся для примера к опыту Армении и проанализируем некоторые постановления Конституционного суда Республики Армения, касающиеся допустимости оценочных понятий в уголовном праве.

Так, Конституционный суд Республики Армения (далее – Конституционный Суд РА, КС РА) в постановлении от 15 ноября 2019 года ПКС-1488[21] отметил, что,

[21] См.: Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 15 ноября 2019 г. № ПКС-1488. – URL: https://www.arlis.am/hy/acts/136491 (дата обращения: 23.11.2024).

учитывая многообразие жизненных вопросов и невозможность законодательного регулирования всех ситуаций, требование определенности законодательных и подзаконных норм не исключает закрепления в законах и подзаконных нормативных правовых актах неопределенных правовых понятий. Однако такие понятия обязательно должны сопровождаться адекватным и, в идентичных случаях, единообразным толкованием, без которого невозможно признать предсказуемость данных положений».

Также Конституционный суд РА в своем постановлении от 12 октября 2021 года ПКС-1613[22], указал, что содержание отдельных понятий, используемых в законах, а также круг их характерных признаков уточняются не только в результате законодательной деятельности, но и в судебной практике.

Даже при максимально четкой формулировке правовой нормы судебное толкование не исключается. Необходимость разъяснения правовых положений и их адаптации к изменяющимся обстоятельствам, развивающимся общественным отношениям всегда существует. Следовательно, определенность и точность законодательного регулирования не могут быть абсолютизированы – даже недостаточная ясность может быть восполнена судебными толкованиями».

Особого внимания заслуживает постановление Конституционного Суда РА от 26 марта 2021 года по делу о конституционности статьи 300.1 Уголовного кодекс Республики Армения[23] (далее – УК РА), в котором подчёркнуто, что использование в уголовном законе оценочных признаков допустимо лишь при условии их применения в соответствии с принципами правовой определённости, предсказуемости и соразмерности. Суд указал, что такие категории, как «фактическая отмена конституционной нормы» или «прекращение её действия в правовой системе», не обладают строгим нормативным содержанием и потому требуют раскрытия в судебной практике. При этом неопределённость оценочных признаков не исключает их легитимности, но обязывает правоприменителя давать

[22] См.: Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 12 октября 2021 г. № ПКС-1613. – URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1613.pdf (дата обращения: 23.11.2024).

[23] См.: Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 26 марта 2021 г. № ПКС-1586. – URL: https://www.arlis.am/hy/acts/151190 (дата обращения: 23.11.2024).

мотивированное и узкое толкование, исключающее произвольное расширение уголовной ответственности. Данное постановление демонстрирует, что конституционные гарантии прав личности и принцип *nullum crimen sine lege* служат ключевыми ограничителями в использовании оценочных категорий, а судебное толкование становится главным инструментом их конкретизации и правомерного применения[24].

Из вышеуказанных постановлений Конституционного Суда РА, следует, что даже при максимально точной формулировке закона судебное толкование неизбежно. Данный тезис опровергает традиционное представление о правовой определенности как о состоянии, исключающем необходимость интерпретации норм.

Более того судебное толкование оценочных терминов в большинстве случаев – это процесс их замещения более формализованными понятиями, фиксирующими юридическое значение явлений и предметов. В основе этого процесса та же закономерность – переход от правовой неопределенности к правовой определенности, что представляется важной особенностью правоприменения. Важным этапом перехода от неопределенности к предсказуемости является формализация оценочных категорий, при которой правоприменительная практика трансформирует неопределенные правовые понятия в конкретные юридические конструкции.

В этом контексте Т.В. Кашанина пишет, что оценочные понятия выступают средством контроля за допустимостью границ формальной определенности, чтобы последняя из блага не превратилась в социальное зло (функция «смягчения» формальной определенности права). Это положение заслуживает особого внимания, поскольку в нем раскрывается диалектическое взаимодействие правовой определенности и оценочных категорий. Таким образом, оценочные категории не являются источником правовой неопределенности, а напротив – выполняют стабилизирующую функцию, предотвращая чрезмерное сужение границ уголовно-

[24] См.: Бегоян Л.А. Конституционные и доктринальные основания допустимости оценочных признаков в уголовном праве / Л. А. Бегоян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 11. – С. 1-4.

правового регулирования. Следовательно концепция двойственной природы формальной определенности подтверждает, что оценочные категории не противопоставляются правовой определенности, а напротив, являются инструментом контроля за ее границами[25].

Таким образом, оценочные понятия со временем превращаются во вполне формализованные правоприменительные категория, что устраняет неопределенность и делает уголовное законодательство более предсказуемым. Их толкование судами играет ключевую роль в переходе от неопределенности к предсказуемости, обеспечивая предсказуемость уголовного законодательства в условиях изменяющихся общественных отношений.

На основе проведенного анализа допустимости оценочных понятий в уголовном праве, включая изучение судебных решений и научных позиций, можно сформулировать следующие основные выводы:

В условиях нарастающей неопределенности современного общества требование предельно детализированных и исчерпывающих правовых норм как единственного инструмента социального регулирования представляется не только неэффективным, но и бесперспективным.

Динамичность общественных отношений, усложнение социальной, экономической и технологической среды требуют от правовой системы способности к адаптации, что невозможно в условиях излишне жесткой нормативной регламентации. Уголовное право, будучи инструментом регулирования наиболее опасных общественных конфликтов, не может существовать в изоляции от этих вызовов, а потому должно обладать механизмами, позволяющими учесть изменчивость социально-правовой реальности. Именно по этой причине нормативные конструкции, содержащие оценочные категории, становятся необходимым элементом уголовного законодательства.

При этом детализированное регулирование не всегда гарантирует правовую определенность, а в ряде случаев, напротив, создает избыточную регламентацию,

---

[25] См.: Бегоян Л.А. Сравнительный анализ практики применения оценочных признаков в уголовном праве России и Армении / Л. А. Бегоян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 10. – С. 89-94.

которая парадоксальным образом может привести к снижению предсказуемости правоприменительной практики. Чрезмерная формализация норм приводит к механическому правоприменению, что ограничивает способность судов учитывать специфику каждого конкретного случая. Это подтверждает необходимость сохранения определенного уровня нормативной гибкости, достигаемого посредством оценочных категорий.

В этом контексте внимания заслуживает проблема так называемых «квазиоценочных признаков». Речь идет о случаях, когда законодатель формально использует в диспозиции статей оценочные формулы («крупный размер», «особо крупный ущерб» и др.), но одновременно закрепляет их точное количественное выражение в примечаниях к норме. В результате данные конструкции утрачивают свой подлинно оценочный характер и фактически превращаются в признаки точного значения. С точки зрения законодательной техники подобное решение является внутренне противоречивым, поскольку само назначение оценочного признака состоит в том, чтобы избежать жесткой конкретизации и тем самым учесть все многообразие жизненных ситуаций[26]. Превращение оценочных категорий в «квазиоценочные» нивелирует их гибкость и подрывает возможность индивидуализации уголовно-правовой оценки, а на практике ведет к тому, что суды сводят анализ к механической проверке соответствия формализованным критериям, что искажает саму идею оценочных признаков в уголовном праве[27].

Как подчеркивает ЕСПЧ, наличие разночтений в интерпретации правовой нормы само по себе не делает ее непредсказуемой, а судебное толкование таких норм является неотъемлемым инструментом их адаптации к правоприменительной практике. Более того, судебное толкование представляет собой процесс формализации оценочных понятий, в рамках которого правоприменители замещают неопределенные термины более четкими и конкретными юридическими конструкциями.

---

[26] См.: Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2005. – 189 с.

[27] См.: Бегоян Л.А. Сравнительный анализ практики применения оценочных признаков в уголовном праве России и Армении / Л. А. Бегоян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 10. – С. 89-94.

В этой связи можно утверждать, что уголовно-правовая норма, содержащая оценочные признаки, должна формировать пространство для осмысленного и мотивированного правоприменительного усмотрения. Недопустимо превращение суда в механический инструмент, лишенный возможности оценивать специфику каждой конкретной ситуации. Судья, обладающий полномочиями на индивидуализированное правоприменение, не должен ограничиваться простым сопоставлением совершенного общественно опасного деяния с текстом уголовного закона и механическим назначением предусмотренного наказания. Напротив, правоприменение должно предполагать аналитический процесс, в ходе которого суд устанавливает, соответствует ли фактическая ситуация не только формальному составу преступления, но и его социально-правовой сущности.

Таким образом, оценочные категории выступают механизмом компенсации последствий гиперопределенности и позволяют правоприменителям учитывать изменчивость общественных реалий без ущерба для принципа правовой предсказуемости. Этот процесс закономерно переходит от правовой неопределенности к правовой определенности, что является важнейшей функцией судебной практики. В результате оценочные понятия становятся необходимым инструментом балансирования между нормативной жесткостью закона и необходимостью его адаптации к конкретным обстоятельствам, что позволяет обеспечить эффективность уголовного законодательства в условиях высокой степени неопределенности современного общества.

Более того, современное уголовное право постепенно переходит от исключительно императивных методов регулирования к более гибким механизмам, включающим модельные нормы, рекомендательные правовые акты и расширение правотворческих субъектов. Введение таких инструментов связано с осознанием того, что жестко детализированные нормы не всегда могут адекватно учитывать специфику динамичных общественных отношений.

Таким образом, в современных условиях оценочные понятия перестают восприниматься как источник неопределенности и становятся инструментом

правового регулирования, способствующим балансу между стабильностью уголовного законодательства и его адаптивностью к меняющимся реалиям.

Стоит отметить, что результаты экспертного опроса показывают, что как в российской, так и в армянской правоприменительной практике преобладает нейтральное отношение к институту оценочных признаков (российская Федерации (далее – РФ) – 47,4%, Республика Армения (далее – РА) – 45,7%). Это свидетельствует о признании их двойственной природы: с одной стороны, они обеспечивают гибкость и компенсируют пробелы законодательства, с другой – создают риск правовой неопределённости и произвольного толкования.

В месте с тем, в России, как и в Армении, доминирует подход, согласно которому оценочные признаки допустимы только в отдельных случаях (62,2%). Это подтверждает общее понимание необходимости ограниченного применения. Однако по сравнению с РФ, доля тех, кто считает их полностью допустимыми, в Армении выше (20%), что может объясняться реформированием законодательства и большей открытостью к использованию гибких инструментов регулирования.

Кроме этого, и в России, и в Армении оценочные признаки воспринимаются прежде всего как инструмент, частично способствующий балансу между принципом правовой определённости и необходимостью адаптивности уголовного права (РФ – 55,8%, РА – 46,8%). Однако различия проявляются в степени доверия: армянские прокуроры чаще полагают, что оценочные признаки в полной мере обеспечивают данный баланс (17% против 5,3% в РФ), тогда как российские в большей мере акцентируют внимание на угрозе снижения правовой определённости (27,4% против 23,4%).

Правовая норма, отвечая на неопределенность общественных отношений и стремясь их упорядочить, сама по себе также должна сохранять определенный уровень гибкости. Однако следует подчеркнуть, что речь идет не о правовой неопределенности в негативном смысле, приводящей к произволу. Такая гибкость не должна восприниматься как угроза принципу законности, а напротив, она становится его важнейшим инструментом реализации. Следовательно использование оценочных понятий требует установления четких критериев,

обеспечивающих предсказуемость правоприменения и исключающих произвольное толкование, выделим некоторые из них:

Во-первых, использование оценочных признаков в уголовном законодательстве должно быть обусловлено необходимостью обеспечения гибкости правоприменения и адаптации уголовного закона к динамично меняющимся общественным отношениям. Применение оценочных понятий допустимо исключительно в тех случаях, когда формально-догматическое изложение уголовно-правовых норм не позволяет адекватно учесть специфику конкретных общественно опасных деяний.

Во-вторых, допустимость оценочных понятий обусловлена их доступностью для восприятия субъектами уголовно-правовых отношений. Это означает, что значение таких категорий должно быть понятным либо непосредственно из содержания нормы, либо через систему взаимосвязанных правовых положений, либо посредством официальных разъяснений судебных органов. Оценочные признаки не должны создавать неопределенность, делающую невозможным прогнозирование правовых последствий.

В-третьих, обязательным критерием допустимости оценочных понятий является наличие институционального механизма их конкретизации. Судебная власть, обладающая компетенцией по толкованию уголовного законодательства, играет ключевую роль в устранении правовой неопределенности. Однако реализация данной функции требует соблюдения принципов независимости, беспристрастности и справедливости, а также обеспечения единообразия правоприменительной практики.

В-четвертых, допустимость оценочных понятий обусловлена требованием их мотивированного и предсказуемого применения. Это означает, что использование таких категорий не может быть произвольным, а должно основываться на четких правовых аргументах, закрепленных в судебной практике. Судебные решения, в которых применяются оценочные признаки, должны включать развернутое обоснование, подтверждающее их наличие в конкретной ситуации.

В-пятых, правоприменительная практика должна обеспечивать детальное разъяснение содержания оценочных признаков в контексте конкретного уголовного дела. Судебное толкование не может носить формальный характер, а должно учитывать все значимые обстоятельства дела. Судьи обязаны раскрывать фактические данные, позволяющие квалифицировать деяние с учетом содержащихся в уголовной норме оценочных признаков.

В-шестых, необходима институциональная система контроля за правоприменением оценочных категорий, включающая надлежащие стандарты судебного мотивирования, разработку методических рекомендаций и мониторинг правоприменительной практики. Это требование направлено на предотвращение субъективного усмотрения судей, устранение неоправданных расхождений в судебных решениях и снижение риска различного толкования одних и тех же оценочных категорий в схожих правовых ситуациях.

В-седьмых, оценочные понятия допустимы в уголовном праве при условии их системной интерпретации, что предполагает необходимость учета их места в общей системе нормативных предписаний. Это означает, что правоприменитель должен исходить не только из буквального текста конкретной нормы, но и анализировать ее содержание в контексте иных правовых положений, регулирующих соответствующие общественные отношения. Данный критерий подтверждает, что правовая определенность достигается не только через детализированное изложение норм в уголовном законодательстве, но и через их логическую взаимосвязь с нормами иных отраслей права.

Исходя из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что сочетание позитивной определенности уголовно-правовой нормы с разумным судейским усмотрением формирует тот баланс, который необходим для справедливого правоприменения. Оценочные категории в уголовном праве позволяют создать пространство для обоснованного и допустимого правоприменительного риска, обеспечивая возможность учитывать индивидуальные обстоятельства конкретного случая. Однако границы этого риска не безграничны.

Следовательно, оценочные понятия выполняют роль нормативного фильтра, позволяющего отличать допустимый риск, связанный с поиском справедливого и обоснованного решения, от недопустимого риска, выражающегося в произвольном толковании норм. Это подтверждает, что правовая определенность и оценочные категории не противоречат друг другу, а напротив, взаимно дополняют друг друга, формируя гибкий и одновременно устойчивый механизм правового регулирования.

§ 1.2. Теоретико-методологические подходы к пониманию оценочных признаков состава преступления

При исследовании природы оценочных конструкций в уголовном праве принципиально важным представляется разграничить оценочные категории, понятия и признаки, поскольку в научной литературе и правоприменительной практике они нередко используются как синонимы, что проблематично с позиций обеспечения терминологической точности.

Оценочная категория – это общее правовое представление или идея, лежащая в основе уголовного закона. Они отражают ценности, которые законодатель стремится защитить. Они могут не иметь прямого текстуального выражения в законе, однако служат источником легитимации и направленности уголовно-правовой политики.

Под оценочными понятиями принято понимать абстрактные правовые конструкции, закреплённые в нормативных предписаниях и содержащие незавершённое, открытое по содержанию обозначение социально значимых явлений, подлежащих конкретизации в процессе правоприменения. Они представляют собой понятия общего характера, с помощью которых законодатель отражает типизированные состояния, процессы, действия или последствия, не прибегая к их исчерпывающему нормативному описанию.

В то же время оценочные признаки состава преступления, в свою очередь, являются структурными компонентами уголовно-правовых норм, входящими в элементы состава преступления (объект, субъект, объективная или субъективная сторона) и представляют собой те характеристики, которые формально закреплены

в законе, но требуют дополнительной оценки в процессе квалификации. Оценочный признак может быть выражен через оценочное понятие, но не исчерпывается им, поскольку действует в рамках строго определённой уголовно-правовой конструкции и играет роль квалификационного критерия.

В настоящем исследовании, в целях соблюдения терминологической согласованности, приоритет отдается термину «оценочные признаки состава преступления», поскольку именно он наиболее полно отражает предмет диссертационного анализа – особенности их конструирования, толкования и применения в структуре состава преступления. Вместе с тем, в тексте могут использоваться и иные обозначения (оценочные понятия, категории), с оговоркой, что основной акцент делается на их значение в рамках уголовно-правовой квалификации и правоприменительной деятельности. Такое допущение обосновано тем, что указанные явления в доктрине уголовного права тесно взаимосвязаны и в ряде случаев совпадают по содержанию, отличаясь преимущественно уровнем абстрактности, функциональной ролью и степенью нормативной детализации.

В доктрине уголовного права отсутствует общепризнанное определение оценочных понятий, что, в свою очередь, порождает множество теоретических дискуссий[28].

Одним из первых исследователей, затронувших проблематику оценочных понятий в уголовном праве, является С. И. Вильнянский. В своей трактовке он предлагает обозначать оценочными те понятия, которые «дают суду возможность свободной оценки фактов и учета индивидуальных особенностей конкретного случая при обязательном в то же время применении закона»[29]. Эта формулировка, несмотря на сжатость, охватывает сразу несколько ключевых характеристик оценочных конструкций, выдвигаемых в современных исследованиях.

---

[28] См.: Бегоян Л. А. Содержание и признаки оценочных понятий в уголовном законодательстве Российской Федерации / Л. А. Бегоян // Криминалистъ. – 2025. – № 1(50). – С. 3-8.

[29] См.: Вильнянский С. И. Применение норм советского права // Учёные записки Харьковского юридического института. – Харьков: Изд-во Харьковского юридического института, 1956. – Вып. 7. – С. 3–16.

Прежде всего, С. И. Вильнянский подчеркивает двойственную природу оценочных понятий: с одной стороны, они предоставляют пространство для свободной оценки, а с другой – эта свобода осуществляется внутри правового поля, в рамках обязательного применения закона. Такая позиция позволяет избежать как крайностей релятивизма, так и формалистического отказа от оценки, подчеркивая взаимодополнение усмотрения и законности, а не их противопоставление.

Кроме того, С. И. Вильнянский фокусирует внимание на роли суда как основного субъекта конкретизации оценочного понятия. Суд, по его мнению, должен не просто применять норму, но и встраивать в неё особенности конкретного случая, адаптируя общую норму к индивидуальной жизненной ситуации без утраты её правового смысла.

Таким образом, подход С. И. Вильнянского может быть охарактеризован как судоцентричный и сбалансированно-нормативный. Эта позиция, несмотря на лаконичность, концептуально близка к современному пониманию соотношения законности и усмотрения, и потому сохраняет свою теоретическую и практическую актуальность.

Существенный интерес представляет подход А. С. Шляпочникова. В его рассуждениях о составе преступления и его элементах содержится важное методологическое наблюдение, согласно которому законодатель нередко использует такие элементы, «содержание которых раскрывается в зависимости от конкретных обстоятельств дела». Хотя на первоначальном этапе автор не дает этим элементам наименования, он указывает на их конкретные формы, включая такие формулировки, как «злостность», «мелкий ущерб», «тяжкие последствия» и иные сходные конструкции, требующие индивидуализированной правовой оценки[30].

Впоследствии, развивая свою позицию, А. С. Шляпочников прямо называет указанные категории оценочными понятиями и подчеркивает их системное присутствие как в Общей, так и в Особенной частях уголовного законодательства[31].

---

[30]См.: Шляпочников А. С. Толкование советского уголовного закона. – М.: Госюриздат, 1960. – С. 69.

[31] См.: Шляпочников А. С. Некоторые вопросы логического толкования закона (на материалах нового уголовного законодательства) // Межвузовская научная конференция на тему: «Социалистическая законность, толкование и применение советских законов» (тезисы докладов). – Киев: Издательство Киевского университета, 1961. – С. 30.

Особо значимым представляется акцент автора на функциональной роли оценочных понятий: по его мнению, они играют важную роль не только в процессе квалификации преступлений, но и при определении формы реализации уголовной ответственности, а также меры наказания. Данная точка зрения позволяет выявить двойственную правовую природу оценочных понятий: с одной стороны, они выступают в качестве конструктивных элементов состава преступления, с другой – служат средствами индивидуализации уголовной ответственности.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что А. С. Шляпочников одним из первых обратил внимание на месторасположение оценочных понятий в системе уголовного законодательства, установив, что они не ограничиваются только какой-либо одной частью закона.

С точки зрения теоретико-прикладного значения, позиция А. С. Шляпочникова важна тем, что она не только фиксирует наличие оценочных конструкций в уголовном праве, но и предлагает обоснование их функциональной целесообразности, что нашло развитие в более поздних концепциях.

Знаковым этапом в развитии доктрины оценочных признаков в уголовном праве стала монографическая работа В. Н. Кудрявцева, в которой был осуществлён первый в отечественной науке комплексный теоретико-правовой анализ данной категории. Исследователь предложил концептуальное разграничение признаков состава преступления на «постоянные» и «переменные», отнеся к последним так называемые оценочные признаки. Под последними он понимает те элементы уголовно-правовой нормы, содержание которых формируется не исключительно на основании закона и подзаконных актов, а также с учётом конкретных обстоятельств дела[32] и уровня правосознания конкретного правоприменителя – следователя, прокурора или судьи[33].

---

[32] См.: Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. – М.: Госюриздат, 1963. – С. 120.

[33] Позиция В. Н. Кудрявцев относительно важности правосознания интерпретатора при толковании оценочных понятий осталась неизменной и подчеркивалась им в последующих работах по квалификации преступлений (см., например: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юридическая литература, 1972. – С. 134, 138; Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., – М.: Юристъ, 2004. – С. 115, 118 и др.).

Л. Д. Гаухман соглашаясь с приведенным определением оценочных признаков, представляет необходимым возразить констатируемому положению об отнесении оценочных признаков к одной из разновидностей переменных признаков поскольку, по его мнению оценочные и переменные признаки – это самостоятельные и разные правовые категории и что суть оценочных признаков как таковых не изменяется на протяжении действия данного уголовного закона и их содержание раскрывается юристом субъективно, исходя из его личных знаний, опыта, приверженности к той или иной теоретической концепции уголовного права, интересов, социально-психологической позиции и т. д., и, как следствие, неоднозначно[34].

Однако, подход В. Н. Кудрявцева отличается системностью и многоуровневым пониманием правовой действительности. В отличие от своих предшественников, ученый не ограничивается констатацией вариативности смысла оценочных формулировок, а предлагает целостную модель толкования таких признаков. Важным методологическим вкладом автора является акцент на субъектном составе интерпретаторов: В. Н. Кудрявцев чётко определяет, кто именно – следователь, прокурор, судья – осуществляет наполнение оценочных признаков конкретным содержанием. Это уточнение, с одной стороны, указывает на практическую применимость оценочных категорий, а с другой – отражает институциональный характер формирования правовой оценки.

Не менее значимо и то, что автор обосновывает границы допустимого усмотрения при интерпретации оценочных признаков. По его мнению, пределами такого усмотрения выступают: 1. текст уголовного закона, 2. воля законодателя, выраженная в историко-политическом контексте принятия нормы, 3. объективные и достоверные обстоятельства дела, 4. взаимосвязь оцениваемого признака с иными правовыми институтами.

Следовательно, концепция В. Н. Кудрявцева представляет собой эволюционный виток в теоретической разработке вопроса: от эмпирического

[34] См.: Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. - Москва, 2001, С. 54-55.

наблюдения за существованием оценочных признаков – к их системной классификации, нормативной легитимации и институционализации границ правоприменительного усмотрения. Его подход стал опорной базой для последующих исследований в данной области и до сих пор сохраняет значимость как в теоретическом, так и в практическом аспекте.

Существенный вклад в осмысление природы оценочных понятий в праве внес А. С. Пиголкин, подход которого отличается акцентом на интерпретационные аспекты этих категорий. Исходной точкой его рассуждений выступает наблюдение о том, что существует ряд терминов, используемых в нормативных актах, значение которых не может быть раскрыто исключительно на основе теоретического, отвлеченного толкования. Как указывает ученый, применимость подобных терминов в каждом конкретном случае зависит от «жизненных условий» и «окружающей обстановки»[35], что свидетельствует о высоком уровне контекстуальной зависимости при их применении.

Данная позиция подчеркивает особенность оценочных понятий как правовых конструкций, содержание которых невозможно исчерпывающе и однозначно определить вне конкретной жизненной ситуации. Тем самым А. С. Пиголкин фактически указывает на ограниченность формально-догматического метода при толковании оценочных категорий и подчеркивает необходимость учета эмпирических, социокультурных и субъективных факторов, влияющих на правоприменение.

Развивая свою мысль, автор в дальнейшем вводит понятие «оценочные термины», классифицируя правовые термины в зависимости от способа их обозначения и наполнения. Он отмечает, что определение значения таких терминов в значительной степени связано с субъективным фактором, в том числе с профессиональной подготовкой, жизненным опытом и знаниями правоприменителя[36].

---

[35] См.: Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. – М.: Госюриздат, 1962. – С. 69.

[36] См.: Пиголкин А. С. Юридическая терминология и пути ее совершенствования // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1971. – Вып. 24. – С. 23.

Таким образом, концепция А. С. Пиголкина сосредоточена на двух взаимосвязанных характеристиках оценочных понятий: их зависимости от конкретных жизненных обстоятельств и необходимости субъективного, экспертного наполнения через призму профессионального восприятия. Подобный подход позволяет рассматривать оценочные понятия не только как правовую, но и как социальную категорию, требующую комплексной интерпретации с учетом многообразия факторов, воздействующих на смысловое наполнение нормы.

Значительный вклад в разработку теоретических основ оценочных понятий в праве внес А. Ф. Черданцев, рассмотревший данную категорию в контексте юридической терминологии и понятийного аппарата. В своей диссертационной работе он использует термин «оценочные термины», под которыми понимает такие лексико-юридические конструкции, содержание и объём которых изменяются в зависимости от социально-политических и экономических условий[37]. Особенность подхода Черданцева заключается в том, что он акцентирует внимание на динамическом характере оценочных терминов, обусловленном изменением оснований социальной оценки тех или иных явлений.

Таким образом, в отличие от В. Н. Кудрявцева, сосредоточенного преимущественно на правоприменительном аспекте, А. Ф. Черданцев рассматривает оценочные категории сквозь призму социальной и аксиологической изменчивости, при этом связывая их правовую сущность с социокультурными трансформациями, происходящими в обществе. Его подход предполагает, что ни содержание, ни предметная область (объём) обозначаемых оценочных понятий не являются фиксированными и неизменными: напротив, они эволюционируют вслед за изменением представлений общества о социальной значимости или опасности соответствующих явлений.

Следует также отметить, что в концепции А. Ф. Черданцева аксиологическая детерминация оценочных терминов не сводится исключительно к влиянию политических или экономических факторов. Он справедливо указывает на

---

[37] См.: Черданцев А. Ф. Основные проблемы теории толкования советского права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1972. – С. 9.

многоаспектность таких влияний, подчеркивая, что обозначаемые оценочными терминами явления обладают «разнообразными эмпирическими свойствами». Это, в свою очередь, делает невозможным закрепление их окончательной, универсальной дефиниции на уровне закона и требует гибкого, адаптивного подхода к их толкованию.

Данная точка зрения поднимает проблему границ нормативной фиксации оценочных понятий: чем больше эмпирической и социальной изменчивости содержит явление, тем менее применимы к нему строго фиксированные юридические рамки. Черданцев, по сути, подводит к выводу о неизбежности нормативной неопределенности в правовом регулировании, в особенности – в уголовном праве, где подобные термины зачастую играют роль квалифицирующих или отграничивающих признаков.

В совокупности изложенное позволяет охарактеризовать подход А. Ф. Черданцева как преимущественно социологический и аксиологический, в отличие от догматико-правового или институционального. Он дополняет общую картину научных взглядов, показывая, что оценочные понятия невозможно понимать исключительно в рамках юридического формализма – они поддаются полному уяснению только в тесной связи с изменяющейся правовой, социальной и культурной реальностью.

Особое место в системе научных взглядов на природу оценочных понятий занимает позиция Е. А. Фролова, который предлагает оригинальный и в определенной степени методологически обособленный подход к их характеристике. В отличие от большинства авторов, сосредотачивающихся на проблемах неопределенности содержания, источников конкретизации или субъектов правоприменения, Е. А. Фролов акцентирует внимание прежде всего на структуре и логике содержания оценочного понятия, выделяя его качественно отличительные черты по сравнению с иными правовыми конструкциями.

Согласно позиции исследователя, специфическим признаком всякого оценочного понятия является наличие суждения о количественных и качественных характеристиках предмета относительно других предметов, то есть оценочное

понятие всегда предполагает сравнительную категориальность. Таким образом, в отличие от обычного понятия, которое отвечает на вопрос *«что есть предмет?»*, оценочное понятие, согласно Е. А. Фролову, отвечает также на вопрос *«какой есть предмет по сравнению с другими?»*. Эта сравнительно-оценочная функция является, по его мнению, конституирующим элементом, позволяющим четко разграничить оценочные понятия от всех прочих[38].

Данный подход, несомненно, отличается высокой степенью категориальной строгости и демонстрирует попытку выявить онтологическое основание оценочных конструкций в праве. Он указывает не просто на вариативность или неопределенность содержания, а на то, что сущностная особенность оценочных понятий состоит в сравнительно-оценочной природе самого юридического суждения, предполагающего наличие шкалы ценностей, меры и сопоставимости.

Интересной представляется и критическая полемика Е. А. Фролова с В. Н. Кудрявцевым. В отличие от В. Н. Кудрявцева, который подчеркивал, что содержание оценочного признака может варьироваться в зависимости от субъекта правоприменения (следователь, прокурор, суд), Е. А. Фролов полагает, что сущность оценочного понятия остается неизменной независимо от того, кем оно применяется – субъект не влияет на его категориальную природу. Это свидетельствует о стремлении автора к онтологической объективизации оценочного понятия и отказу от релятивизма, в то время как другие ученые, включая Кудрявцева, допускают субъектно-опосредованное наполнение смысла правовой конструкции.

Таким образом, позиция Е. А. Фролова усиливает теоретико-понятийный аспект научной дискуссии, предлагая философско-логическое обоснование оценочных понятий как особой разновидности юридических конструкций, обладающих внутренней сравнительно-оценочной логикой. Его подход не столько описывает, сколько объясняет феномен оценочных категорий, придавая дискуссии

[38] См.: Фролов Е. А. Стабильность закона и соотношение формально-определенных и оценочных понятий в уголовном праве // Проблемы советского уголовного права и криминологии: межвуз. сб. науч. тр. / Свердловский юрид. ин-т. Свердловск: СЮИ, 1973. Вып. 28. С. 42–44.

глубину методологической рефлексии и создавая условия для более точного разграничения понятийного аппарата уголовного права.

Существенный вклад в развитие представлений об оценочных признаках в уголовном праве внес А. В. Наумов, предложивший одну из наиболее лаконичных, но емких дефиниций. В соответствии с его позицией, под оценочными понятиями в уголовно-правовых нормах следует понимать признаки состава преступления, содержание которых определяется не самим законом или нормативным актом, а правосознанием правоприменителя, исходя из конкретных обстоятельств конкретного дела[39]. Данная трактовка подчеркивает нормативно-незаполненный характер оценочных формулировок, оставляющих пространство для интерпретации и конкретизации при правоприменении.

Важно отметить, что Наумов, хотя и допускает значительный объем усмотрения, фактически ограничивает его рамками профессионального правосознания. Тем самым автор акцентирует внимание на ключевом методологическом признаке оценочных понятий – их зависимость от субъективного, но институционально оформленного восприятия, основанного на юридическом опыте и правовой культуре субъекта правоприменения.

Несколько иную перспективу демонстрируют М. И. Ковалев и Е. В. Ильюк, подходы которых в совокупности можно охарактеризовать как конструктивистские и плюралистические по своей природе.

Так, М. И. Ковалев рассматривает оценочные элементы как постулаты, которые допускают внесение различных суждений в зависимости от позиции интерпретатора[40]. Здесь уже содержание нормы в значительной степени детерминируется внутренней логикой правоприменителя, при этом не предполагается однозначности в результатах толкования. Это приближает точку зрения автора к идеям юридического плюрализма и даже определенного

[39] См.: Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики): учебное пособие. – Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1973. – С. 97.

[40] См.: Ковалев М. И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 68–74.

релятивизма, согласно которым правовая норма может приобретать разное содержание в зависимости от интерпретативного контекста.

Позиция Е. В. Ильюк также строится на признании интерпретативной активности правоприменителя. Она указывает, что при отсутствии четко выраженных признаков, составляющих содержание оценочного понятия, именно правоприменитель выявляет и формирует эти признаки, опираясь на конкретику дела[41]. Это утверждение констатирует наличие когнитивного пробела в тексте закона, восполняемого в правоприменительной практике.

Совокупный анализ указанных точек зрения позволяет выделить важную методологическую тенденцию: все исследователи сходятся в признании правоприменительной интерпретации как ключевого условия функционирования оценочных понятий, однако различаются в степени допустимой неопределенности и уровне свободы интерпретации. Если А. В. Наумов ограничивает эту свободу рамками профессионального правосознания, то М. И. Ковалев и Е. В. Ильюк демонстрируют большую открытость к вариативности трактовок, включая субъективные и социально-контекстуальные аспекты.

В этом контексте стоит отметить, что неограниченное усмотрение сопряжено с риском отступления от воли законодателя. Так, по мнению М. Б. Костровой, в случае применения оценочных понятий создается ситуация, когда усмотрение правоприменителя преобладает над принципом законности, согласно которому преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законом[42]. Данная точка зрения исходит из традиционной формально-догматической установки, предполагающей, что любая неопределенность в тексте закона создает риск произвола. Следовательно, применение оценочных понятий влечет за собой системное напряжение между гибкостью правоприменения и юридической определенностью[43].

---

[41] См.: Ильюк Е. В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона: специальность 12.00.08: автореф. дис.канд. юрид. наук / Ильюк Елена Вадимовна. Свердловск, 1989. С. 17.

[42] См.: Кострова М. Оценочная лексика в уголовном законе: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2001. № 2. С. 19–23.

[43]См.: Бегоян Л. А. Содержание и признаки оценочных понятий в уголовном законодательстве Российской Федерации / Л. А. Бегоян // Криминалистъ. – 2025. – № 1(50). – С. 3-8.

Г. Т. Ткешелиадзе, напротив, утверждает, что, когда речь идет об оценочных понятиях преступления, усмотрение суда вовсе исключается. Квалифицируя преступление, суд не стоит перед выбором при раскрытии оценочных признаков. Похищено ли имущество в крупном или особо крупном размере – это вопрос факта, а не судебного усмотрения. Является ли определенный поступок развратом или не является – это должно быть доказано. Поэтому Г. Т. Ткешелиадзе исключает любую возможность усмотрения в процессе выявления и уточнения оценочных понятий[44]. Данная позиция характеризуется жестким доказательственным подходом, в рамках которого оценочное понятие приравнивается к фактическому признаку, подлежащему объективному установлению[45].

По мнению А. И. Рарога и Ю. В. Грачевой, позиция Г. Т. Ткешелиадзе уязвима, поскольку процесс выявления оценочных понятий не исключает волю законодателя, а наоборот, направлен на ее правильное понимание, что, в свою очередь, предполагает свободу усмотрения правоприменителя[46]. Они подчеркивают, что именно через усмотрение правоприменителя осуществляется корректное понимание законодательно закрепленного оценочного термина. Более того, отказ от усмотрения вовсе не устраняет неопределенность, а скорее маскирует ее, создавая видимость объективного толкования при наличии реальной интерпретационной неопределенности.

Таким образом, анализ данной группы позиций, в свою очередь, демонстрирует наличие двух полюсов в научной дискуссии: с одной стороны – опасения чрезмерного усмотрения (М. Б. Кострова), с другой – отрицание самого усмотрения (Г. Т. Ткешелиадзе). Между ними находится умеренный конструктивный подход, представленный А. И. Рарогом и Ю. В. Грачевой, который, на наш взгляд, является наиболее сбалансированным и методологически оправданным.

---

[44] См.: Ткешелиадзе Г. Т. Судебная практика и уголовный закон. Тбилиси: Мецниереба, 1975. 1975. – С. 45–47.

[45] См.: Бегоян Л. А. Содержание и признаки оценочных понятий в уголовном законодательстве Российской Федерации / Л. А. Бегоян // Криминалистъ. – 2025. – № 1(50). – С. 3-8.

[46] См.: Рарог А. И., Грачева Ю. В. Понятия, основания, признаки и значение судейского усмотрения в уголовном праве // Государство и право. 2001. С. 90–98.

Важный теоретический вклад в развитие учения об оценочных понятиях принадлежит Т. В. Кашаниной, которая предлагает развернутое и достаточно универсальное определение данного феномена. По её мнению, оценочное понятие представляет собой выраженное в норме права предписание, закрепляющее наиболее общие признаки, свойства, качества, связи и отношения социально значимых объектов (предметов, действий, процессов), которое при этом сознательно не подлежит детальной конкретизации со стороны законодателя. Такая неопределенность, как подчеркивает исследователь, носит не дефектный, а функциональный характер, поскольку предполагает последующую конкретизацию в процессе правоприменения[47].

Наиболее значимым аспектом позиции Т. В. Кашаниной является акцент на регулятивной роли оценочных понятий, благодаря которой они служат связующим звеном между абстрактной нормой и индивидуализированным регулированием общественных отношений. Тем самым автор демонстрирует, что оценочные категории обладают высокой степенью нормативной пластичности, позволяющей им «встраиваться» в конкретные жизненные ситуации и обеспечивать эффективное правовое регулирование без необходимости внесения постоянных изменений в законодательство.

В предлагаемой Т. В. Кашаниной дефиниции подчеркивается, что оценочные конструкции не только допускают, но и предполагают активную роль правоприменителя, наделяя его обязанностью по конкретизации нормы на основании совокупности юридически значимых обстоятельств.

Следовательно, подход Т. В. Кашаниной можно охарактеризовать как функционально-нормативный, в котором оценочные понятия рассматриваются как осознанный и управляемый инструмент законодательной техники, направленный на обеспечение адекватного правового реагирования на вариативные и сложно структурированные социальные процессы.

---

[47] См.: Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве: дис. канд. юрид. наук. – Свердловск, 1974. – С.63

В дальнейшем Н. А. Лопашенко, так же, как и М. И. Ковалев характеризует оценочную категорию как неопределенную в Уголовном кодексе и изначально допускающую различные варианты ее трактовки. При этом она подчеркивает, что такая неопределенность не является ошибкой законодательной техники, а представляет собой объективное свойство определенной части уголовно-правовых норм[48]. Подобный подход сближает ее позицию с мнением Т. В. Кашаниной в части признания функциональной неопределенности, однако Лопашенко делает акцент именно на множественности возможных правовых интерпретаций, подчеркивая не только динамичность, но и конкурентность правовых смыслов.

Значимым этапом в формировании отечественной уголовно-правовой доктрины об оценочных понятиях стало диссертационное исследование В. В. Питецкого, которое, как справедливо отмечается в научной литературе, стало первым специализированным трудом, целиком посвящённым данной проблематике в уголовном праве. Исследователь формулирует собственное определение оценочных понятий, под которыми он понимает такие правовые конструкции, «содержание которых непосредственно раскрывается в процессе применения правовых норм в пределах зафиксированной законом общности путем оценки обстоятельств конкретного случая на основе правосознания субъекта, применяющего закон»[49].

Позиция В. В. Питецкого выделяется многослойностью подхода к интерпретации оценочных понятий. Во-первых, автор акцентирует внимание на опосредованной природе правового содержания этих категорий: они не раскрываются заранее и в отрыве от практики, а получают свое нормативное наполнение исключительно в рамках конкретного правоприменительного акта. Во-вторых, Питецкий делает акцент на ограниченности усмотрения, указывая, что раскрытие содержания оценочного понятия происходит не произвольно, а строго в рамках правовой общности, заданной самим уголовным законом.

---

[48] См.: Лопашенко Н. А. Уголовная политика. Москва: Волтерс Клувер, 2009. С.137

[49] См.: Питецкий В. В. Оценочные понятия в советском уголовном праве: автореф. дис. канд. юрид. наук. – Свердловск, 1979. – С. 7.

Не менее важным является и третий элемент его конструкции – правосознание правоприменителя, которое выступает тем когнитивно-нравственным фильтром, через который происходит адаптация абстрактной нормы к обстоятельствам конкретного случая. В данном аспекте прослеживается преемственность с концепцией В. Н. Кудрявцева, однако В. В. Питецкий подчеркивает именно непосредственную роль правосознания как элемента индивидуализации нормативного содержания. Это правосознание, по мысли автора, не является произвольным и субъективистским, но должно быть профессионально выработанным и правовой культурой ограниченным.

Таким образом, концепция В. В. Питецкого предлагает устойчивую методологическую рамку, позволяющую рассматривать оценочные понятия как интерпретативные инструменты, действующие в пределах правовой нормы и обеспечивающие эффективную трансформацию обобщенного законодательного предписания в индивидуализированный акт правоприменения.

Определённый вклад в развитие доктрины оценочных понятий в уголовном праве вносит С. Д. Шапченко, подход которого представляет собой попытку соотнести данную категорию не только с проблемой юридической техники или интерпретации, но и с более широкими вопросами социальной значимости и нормативной ценностной нагрузки уголовно-правовых норм. В своей концепции он определяет оценочные понятия как общие представления, используемые законодателем для непосредственного выражения социальной значимости в праве, придающие тем самым оценочный компонент правовой норме[50].

Ключевым в его определении является положение о том, что применение нормы, содержащей оценочное понятие, предполагает возможность самостоятельной оценки конкретного случая со стороны правоприменителя, а также осуществление индивидуального поднормативного регулирования. Это означает, что оценочное понятие выступает не просто элементом описательной части нормы, а выполняет институциональную функцию трансляции

[50] См.: Шапченко С. Д. Оценочные признаки в составах конкретных преступлений: автореф. дис.канд. юрид. наук. – Киев, 1988. – С. 12.

общественных ценностей в юридическую плоскость. Таким образом, оценочные понятия в трактовке Шапченко становятся не только интерпретативным инструментом, но и механизмом актуализации правовой идеологии в процессе применения нормы.

Следует также отметить, что позиция С. Д. Шапченко основывается на том, что оценочное понятие несет в себе социально-культурный смысл, который правоприменитель должен уметь «распаковать» и применить с учетом особенностей конкретного случая. Тем самым автор придаёт правоприменителю не просто функцию интерпретатора, но соавтора конкретного акта индивидуального регулирования, что существенно усиливает значимость его правосознания и профессиональной подготовки.

Таким образом, в трактовке С. Д. Шапченко оценочные понятия выступают как ценностно-нагруженные универсалии, опосредующие переход от законодательной абстракции к индивидуализированному уголовно-правовому воздействию. Такой подход делает акцент на социальной функции уголовного закона и подкрепляет тезис о необходимости соблюдения баланса между законностью, ценностной определенностью и свободой интерпретации в рамках конкретного правоприменения.

Существенное развитие теория оценочных понятий получила в трудах С. С. Безрукова, который под оценочными подразумевает «…относительно определенные понятия, используемые законодателем при невозможности детального урегулирования ряда схожих обстоятельств и служащие для обозначения абстрактных правовых явлений, содержание которых имеет незамкнутую структуру, всегда оставаясь открытым, и может быть установлено лишь посредством самостоятельной оценки конкретной правоприменительной ситуации со стороны лица, применяющего закон»[51]. Данная характеристика подчеркивает функциональную необходимость оценочных категорий,

[51] См.: Безруков С. С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: дис. канд. юрид. наук. – Омск, 2001. – С. 37.

обусловленную ограниченностью языка права при попытке охватить всё многообразие социально-правовых реалий.

Ключевым в концепции С. С. Безрукова является утверждение о том, что оценочные понятия обозначают абстрактные правовые явления, содержание которых обладает открытой, незамкнутой структурой. Это положение отражает отказ от представления о правовой норме как о статичном и завершенном тексте; напротив, оценочное понятие здесь выступает как динамическая единица, поддающаяся актуализации и конкретизации в зависимости от контекста правоприменительной ситуации.

Особое внимание заслуживает указание С. С. Безрукова на то, что установление содержания оценочного понятия возможно только посредством самостоятельной оценки со стороны лица, применяющего закон. Это позволяет говорить о признании объективно неизбежного усмотрения в сфере действия оценочных конструкций.

Таким образом, концепция С. С. Безрукова фокусируется на структурно-открытом характере оценочных понятий, их предназначении для компенсации нормативной неопределенности в условиях разнообразия фактических обстоятельств, а также на необходимости профессионального усмотрения как инструмента конкретизации нормы. Это позволяет охарактеризовать его подход как структурно-функциональный, в котором оценочные категории рассматриваются не как исключение из нормативного порядка, а как системный элемент гибкого и адаптивного уголовного законодательства.

Одним из наиболее теоретически насыщенных и методологически сложных является подход, предложенный М. Г. Жилкиным. Он, в частности, определяет уголовно-правовые оценочные понятия как обобщенные модели, которые описываются в законе с помощью специальных уголовно-правовых терминов, при этом они являются бесконечными по объему и неясными по содержанию, количественно-качественные характеристики которых уточняются правоприменителем путем оценки конкретной ситуации на основании

выработанных уголовно-правовой доктриной, судебно-следственной практикой и опосредованных в уголовном законодательстве объективных критериев».[52]

Уже в данной формулировке заложены ключевые характеристики, отличающие оценочные понятия от иных правовых категорий. Прежде всего, подчеркивается их онтологическая незавершенность, выражающаяся в невозможности установить четкие и окончательные количественно-качественные границы содержания. Это делает оценочные понятия перманентно открытыми, требующими постоянного уточнения в контексте правоприменения. Подобная «открытая структура» понятий характеризуется как реакция на сложность и изменчивость социальной реальности, которую невозможно зафиксировать с помощью исключительно формально-определенных терминов.

Отдельного внимания заслуживает идея автора о том, что уточнение количественно-качественных характеристик, присущих оценочным понятиям, осуществляется правоприменителем на основании совокупности источников юридического смысла. Это, в частности, уголовно-правовая доктрина, судебно-следственная практика и объективные критерии, опосредованные в уголовном законодательстве. Тем самым М.Г. Жилкин предлагает многоуровневый интерпретационный механизм, который сводит к минимуму риск произвольного усмотрения. Усмотрение правоприменителя, согласно его позиции, должно быть структурировано и нормативно ориентировано, что отличает его подход от релятивистских и субъективистских моделей.

Также принципиально важно, что М.Г. Жилкин понимает оценочные понятия не как лингвистические или технические конструкции, а как отраженные в сознании модели предметов и явлений, обладающие правовым значением. Такой подход придаёт понятию не только юридическую, но и психолого-понятийную глубину, открывая возможность их анализа в контексте когнитивных механизмов правового мышления.

---

[52] См.: Жилкин М. Г. Уголовно-правовая оценка последствий преступлений в сфере экономической деятельности: дис. канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 42.

В целом концепция М. Г. Жилкина представляет собой модель, в которой оценочные понятия рассматриваются как юридически значимые когнитивные структуры, подлежащие конкретизации в рамках выработанных правовых стандартов и судебной практики. Подобный подход позволяет рассматривать оценочные категории как производные от нормативной системы, но не замкнутые в ней, что делает их применимыми к бесконечному числу конкретных жизненных ситуаций без потери нормативной легитимности.

К числу исследователей, стремящихся к емкой, формализованной и прикладной дефиниции оценочных понятий, относится О. С. Шумилина, которая предлагает лаконичное, но концептуально насыщенное определение. Согласно её подходу, оценочное понятие – это понятие, содержащееся в уголовно-правовой норме, которое подлежит конкретизации правоприменителем при оценке фактов, детерминирующих применение нормы[53].

В данной формулировке акцент перенесён на практико-ориентированный аспект функционирования оценочных понятий: они рассматриваются не как абстрактные категории или теоретические конструкции, а как инструмент уголовно-правовой квалификации, тесно связанный с анализом фактической стороны деяния. Такая постановка вопроса делает дефиницию О. С. Шумилиной особенно актуальной для прикладного правоприменения, поскольку она чётко указывает: оценочное понятие начинает функционировать не на уровне законодательной формулировки, а на стадии индивидуального применения нормы к фактической ситуации.

Особое внимание в определении уделяется детерминации применения нормы через факты – то есть оценочные понятия не просто уточняют значение закона, а выступают промежуточным звеном между правовой нормой и реальными обстоятельствами, влияющими на квалификацию. Подобный подход сближает концепцию Шумилиной с функционально-нормативной школой (например, Т. В.

[53] См.: Шумилина О. С. Оценочные понятия в Уголовном кодексе Российской Федерации и их использование в правоприменительной деятельности: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 57.

Кашаниной), но делает её более практически направленной и процедурно детализированной.

Таким образом, подход О. С. Шумилиной акцентирует внимание на значении оценочных понятий для процесса правоприменения и конкретизации уголовно-правовых норм, тем самым укрепляя представление об этих категориях как об обязательном компоненте квалификационного мышления и механизме индивидуализации ответственности.

Значимую и оригинальную концепцию оценочных признаков предлагает Е. В. Кобзева, чья научная позиция отличается как структурной строгостью, так и функциональной направленностью. В отличие от многих авторов, акцентирующих внимание преимущественно на неопределенности содержания и роли правосознания правоприменителя, Е. В. Кобзева формулирует институционально-прикладной подход, согласно которому оценочные признаки представляют собой не конкретизированные в законе уголовно-правовые понятия, не описывающие предмет в его целостности, а лишь отражающие его свойства или отношения[54].

Этот тезис существенно расширяет границы традиционного восприятия оценочных признаков как исключительно субъективно наполняемых категорий. Е. В. Кобзева настаивает на их функциональной инструментальности, подчеркивая, что оценочные признаки не просто открыты для интерпретации, но изначально сконструированы как средства отражения частных сторон правового объекта, значимых для уголовно-правовой квалификации. Таким образом, она выдвигает важную дифференцировку: оценочный признак – это не средство общей характеристики явления, а способ юридического выражения его ключевых, правово-релевантных характеристик.

Важным методологическим вкладом Е. В. Кобзевой является также утверждение о том, что оценочные признаки следует рассматривать не как правовую аномалию или допустимую неопределенность, а как системные элементы механизма уголовно-правовой квалификации, выполняющие

[54] См.: Кобзева Е. В. Оценочные признаки в уголовном законе: дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – С.152

инструментальную функцию. Тем самым автор предлагает перевод категории оценочности в область профессионального инструментария, подчеркивая необходимость анализа этих признаков с учетом их роли в структуре уголовного закона и логике правоприменения.

Таким образом, подход Е. В. Кобзевой отличается высокой степенью теоретической проработанности и может быть охарактеризован как структурно-функциональный, в котором оценочные признаки понимаются как специализированные юридические конструкции, обеспечивающие целенаправленную детализацию состава преступления на основе выявления его наиболее значимых признаков, подлежащих нормативной юридической оценке[55].

Интересную методологическую перспективу в осмыслении природы оценочных понятий предлагает А. В. Миронов. В отличие от большинства исследователей, акцентирующих внимание на неопределенности содержания, вариативности толкования и правоприменительном усмотрении, А. В. Миронов смещает фокус к онтологической функции оценочного понятия. Он трактует его как абстрактную правовую конструкцию, обозначающую тип или модель определённого социально-правового явления[56]. Это позволяет рассматривать оценочные понятия не просто как инструменты конкретизации, а как категориальные схемы, упрощающие и обобщающие восприятие социально значимых процессов через призму юридической оценки.

Особенность данного подхода заключается в том, что оценочные понятия, по сути, выполняют роль категорий второго порядка – они не столько описывают единичные случаи, сколько фиксируют устойчивые паттерны общественной опасности, вреда, девиации, подлежащие уголовно-правовому реагированию. Например, такие понятия, как «тяжкие последствия», «аморальное поведение», «особая жестокость» – это не просто признаки конкретных составов, но и

---

[55] См.: Бегоян Л. А. Содержание и признаки оценочных понятий в уголовном законодательстве Российской Федерации / Л. А. Бегоян // Криминалистъ. – 2025. – № 1(50). – С. 3-8.

[56] См.: Миронов А. В. Оценочные понятия в избирательном законодательстве Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. – Владивосток, 2004. – С. 71

репрезентации типизированных правонарушающих моделей поведения, требующих индивидуализированной оценки.

Таким образом, подход А. В. Миронова можно охарактеризовать как концептуально-типологический, в рамках которого оценочные понятия трактуются как высокоуровневые юридические обобщения, упрощающие навигацию в правовой действительности и обеспечивающие классификацию сложных социальных феноменов. Такой взгляд усиливает понимание оценочных категорий не только как интерпретационно значимых, но и как смыслообразующих элементов правовой системы.

Оригинальный и методологически значимый взгляд на сущность оценочных понятий предлагает А. Г. Диденко. В его определении подчёркивается, что оценочное понятие – это такая правовая конструкция, при помощи которой законодатель предоставляет субъектам реализации правовых норм возможность самостоятельно определять меру, отделяющую одно правовое состояние от другого, либо правовое состояние от неправового[57]. Таким образом, автор делает акцент на градуирующую и разграничительную функцию оценочного понятия в механизме правового регулирования.

Прежде всего, следует отметить, что в предложенном подходе оценочное понятие рассматривается как пороговая категория, функционирующая на границе между разными правовыми состояниями. Такая трактовка придаёт понятию не только оценочный, но и предельно-регулятивный характер, поскольку оно становится инструментом юридического разграничения допустимого и запрещённого, правомерного и противоправного. Это сближает позицию А. Г. Диденко с логико-юридическими подходами Е. А. Фролова, но в более акцентированной прикладной плоскости.

Во-вторых, автор явно выходит за рамки исключительно судебного или уголовно-правового правоприменения и включает в анализ все формы реализации норм права – от использования и исполнения до соблюдения и применения. Тем

[57] См.: Диденко А.Г. Оценочные понятия в гражданском законодательстве. Избранное (постсоветский период). Алматы, 2004. С. 26.

самым оценочные понятия, по его мнению, приобретают универсальную регуляторную значимость, охватывая как поведение правоприменителя, так и поведение участников правоотношений. Это особенно ценно для уголовного права, где не только суд, но и следователь, дознаватель, прокурор, а нередко и сам субъект (например, при оценке пределов необходимой обороны), сталкиваются с необходимостью определить границу между различными правовыми состояниями.

Таким образом, концепция А. Г. Диденко представляет собой градуально-регулятивный подход к оценочным понятиям, в рамках которого последние выступают в качестве средства нормативного разграничения состояний, при этом обладая потенциалом объективации через конкретную юридическую ситуацию. Его определение особенно значимо в свете задач уголовного права, где определение границ допустимого часто оказывается решающим в вопросах квалификации, ответственности и справедливости наказания.

Существенным вкладом в развитие теории оценочных понятий в уголовном праве является позиция Б. Н. Коробца, который, развивая предшествующие научные подходы, предлагает собственное определение данной категории, подчеркивая её структурную незавершенность и необходимость правоприменительной конкретизации. Согласно его определению, оценочные понятия – это такие понятия с открытой структурой, которые используются законодателем при конструировании уголовно-правовой нормы, но не определены в законе с достаточной степенью конкретности, что требует их наполнения содержанием через оценку фактических обстоятельств[58].

Данная формулировка делает акцент на дефиците нормативной завершенности, который, с точки зрения Коробца, является не дефектом, а преднамеренной особенностью уголовно-правового регулирования. Понятие с «открытой структурой» – это категория, не имеющая исчерпывающего легального содержания, и именно эта открытость делает ее пригодной для применения в изменяющихся социальных контекстах. Тем самым автор подчеркивает

[58]См.: Коробец Б. Н. Оценочные понятия в российском уголовном праве (социальная обусловленность и юридическая сущность): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 18-19.

адаптивный потенциал оценочных понятий, позволяющий законодателю не фиксировать исчерпывающий перечень случаев, а оставлять пространство для правоприменительной интерпретации.

Следует отметить, что Б. Н. Коробец фокусирует внимание на когнитивной роли правоприменителя, подчеркивая его активную роль в процессе наполнения нормы содержанием. Он указывает, что именно оценка фактических обстоятельств конкретного деяния выступает основанием для интерпретации смысла оценочного понятия. Такой подход соответствует современным тенденциям понимания правоприменения, как не только юридико-технического, но и ценностно-оценочного процесса, в котором правоприменитель выступает в качестве субъекта юридического познания.

Таким образом, концепция Б. Н. Коробца находится в смысловом единстве с позициями С. С. Безрукова, М. Г. Жилкина и О. С. Шумилиной, однако отличается большей структурной чёткостью в выделении признака «открытости» как системной характеристики оценочного понятия.

К числу исследователей, стремящихся к формированию прикладной и одновременно нормативно сбалансированной дефиниции оценочных понятий, относится О. С. Степанюк. Предлагаемое ею определение звучит следующим образом: оценочное понятие уголовного закона – это понятие, содержащееся в уголовно-правовой норме и конкретизируемое правоприменителем при уголовно-правовой оценке фактов, детерминирующих применение нормы[59]. Данная формулировка, при внешней лаконичности, обладает значительной методологической насыщенностью и позволяет рассматривать оценочное понятие как неотъемлемую часть правоприменительного механизма.

Ключевой акцент в этом подходе делается на взаимосвязь между нормой и фактической стороной дела: оценочное понятие активизируется и приобретает конкретное содержание именно в момент соотнесения правовой нормы с обстоятельствами конкретной ситуации. Такая трактовка сближает позицию О. С.

[59] См.: Степанюк О. С. К вопросу о формулировке определения оценочного понятия уголовного закона // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2007. – № 1. – С. 195-201.

Степанюк с определениями, предложенными О. С. Шумилиной и Т. В. Кашаниной, где также подчеркивается практическая роль оценочных понятий как инструментов индивидуализации правовой оценки.

Отличительной особенностью позиции О. С. Степанюк является акцент на детерминирующей роли фактов: оценочное понятие не формируется в отрыве от конкретики, но наоборот – зависит от совокупности обстоятельств, имеющих правовое значение. При этом правоприменитель выступает не как произвольный интерпретатор, а как субъект, связывающий норму с реальностью через акт правовой квалификации, строго в пределах, очерченных законом.

Таким образом, подход О. С. Степанюк можно охарактеризовать как прикладной и контекстно-ориентированный, акцентирующий внимание на правоприменительном характере оценочного понятия и его связи с оценкой конкретной правовой ситуации.

Ценный вклад в развитие теоретического понимания оценочных понятий внесла Д. Н. Левина, предложившая емкое и концептуально выверенное определение. Согласно её формулировке, оценочное понятие – это закреплённое в нормах права обобщённое понятие, отражающее наиболее общие свойства различных предметов, действий, процессов, при этом сознательно не конкретизируемое законодателем, чтобы предоставить субъекту правоприменения возможность свободной оценки в рамках конкретной правовой ситуации[60].

Наиболее существенным элементом данной концепции является утверждение о специально заложенной правовой неопределенности как конструктивном приёме законодательной техники. Это сближает подход Д. Н. Левиной с позициями Т. В. Кашаниной и С. Д. Шапченко, где подчеркивается нормативная осмысленность открытости оценочных понятий. Вместе с тем, в отличие от них, Д. Н. Левина делает акцент на возможности свободной оценки, вводя в понятийный аппарат дискуссии термин «свобода» применительно к интерпретации.

---

[60] См.: Левина Д. Н. Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий: дис. … канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2007. – С. 35.

Однако эта свобода, как можно заключить из контекста рассуждений исследовательницы, не является произвольной, а реализуется в рамках конкретной правоприменительной ситуации и подчиняется общим требованиям правопорядка. Таким образом, свобода толкования у правоприменителя существует в пределах цели нормы и правовой конструкции, что исключает релятивизм и обеспечивает соблюдение принципов справедливости и законности.

Дополнительным содержательным элементом определения является указание на то, что оценочные понятия фиксируют наиболее общие свойства объектов регулирования, тем самым выступая универсальными средствами юридического обобщения.

В целом, концепция Д. Н. Левиной может быть охарактеризована как целевое нормативное допущение свободы интерпретации, встроенное в систему правовых норм с целью обеспечения их применимости к разнообразным жизненным ситуациям.

Особую теоретическую значимость представляет комплексный подход к пониманию оценочных понятий, предложенный О. Е. Фетисовым. Его определение отличает многоуровневая структура и попытка интеграции различных аспектов правового регулирования – от нормативного до социологического. Согласно позиции автора, оценочное понятие представляет собой санкционированное нормой права либо возникающее в процессе правоотношений социально значимое явление, которое имеет своей целью общую характеристику наиболее общих свойств разнообразных объектов регулирования (предметов, действий, процессов и пр.), при этом умышленно не конкретизируется законодателем или даже субъектами правоотношений[61].

Данный подход выделяется, во-первых, широтой охвата сущности оценочного понятия, охватывая не только нормативные конструкции, но и фактические правовые реалии, возникающие между субъектами.

---

[61] См.: Фетисов О. Е. Оценочные понятия в праве: проблемы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – С. 45.

Во-вторых, заслуживает внимания выделение инструментальной цели включения оценочных понятий в правовую ткань. Автор справедливо указывает, что такие категории предоставляют расширенные полномочия субъектам правоприменения, создавая пространство для учета индивидуальных особенностей дела при сохранении границ, установленных правом.

В-третьих, О. Е. Фетисов акцентирует внимание на необходимости соблюдения функционального предназначения нормативного предписания, что служит естественным ограничителем усмотрения правоприменителя. Подчеркивается, что свобода оценки возможна, но она всегда должна быть целенаправленной и нормативно обоснованной, направленной на реализацию задач конкретной правовой нормы. Такая позиция укрепляет концептуальную связь между оценочными понятиями, задачами уголовного закона и механизмами индивидуализации правовой ответственности.

Таким образом, подход О. Е. Фетисова представляет собой интегративно-функциональную модель, в которой оценочные понятия рассматриваются как динамические правовые инструменты, соотнесенные как с ценностными основаниями правопорядка, так и с конкретными механизмами реализации уголовной ответственности. Его определение охватывает как нормативную, так и социологическую плоскость, позволяя учитывать многослойную природу оценочных категорий и их значение в контексте правоприменительной деятельности.

Существенный вклад в развитие теории оценочных признаков в уголовном праве вносит Р. У. Ахмедов, предложивший весьма точную и структурно выверенную дефиницию, отражающую как нормативно-логическую, так и процессуально-прикладную природу исследуемой категории. Согласно позиции автора, оценочные признаки – это понятия, прямо упомянутые в уголовном законе, но не определенные им, которые используются как в нормах Общей части, так и

при описании конкретных составов преступлений и оказывают влияние на их квалификацию[62].

Ключевой акцент в концепции Р. У. Ахмедова сделан на двойственную характеристику оценочных признаков: с одной стороны, они закреплены на уровне позитивного права (упомянуты в нормативном тексте), но, с другой – не обладают легальной дефиницией, а потому требуют самостоятельного осмысления со стороны правоприменителя. Это делает их, по сути, полуформализованными конструкциями, чья юридическая значимость реализуется только в процессе применения к конкретным фактическим обстоятельствам.

Примечательно, что автор прямо указывает на источники легитимной интерпретации, указывая, что толкование и определение границ оценочного признака должно осуществляться на основе разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Таким образом, Р. У. Ахмедов вводит в конструкцию оценочного признака элемент институционального контроля над усмотрением, что позволяет ограничить риск правоприменительного произвола и обеспечить единообразие толкования.

В итоге определение, предложенное Р. У. Ахмедовым, можно охарактеризовать как нормативно-институциональную модель, при которой оценочный признак функционирует на стыке между неполнотой позитивного регулирования и обязательной судебной интерпретацией. Подобный подход удачно соединяет свободу правоприменителя с его обязанностью ориентироваться на официально установленные стандарты понимания.

С. П. Богданович формулирует свою дефиницию оценочных понятий преимущественно применительно к вещному и обязательственному праву, предложенный им подход представляет методологический интерес и для уголовно-правовой доктрины. В его определении оценочные понятия рассматриваются как закреплённые в источниках нормативного или поднормативного регулирования формально неопределённые положения, охватывающие определённую

[62] См.: Ахмедов Р. У. Оценочные признаки хищения и его форм в уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 30.

совокупность явлений правовой действительности. При этом они предполагают дальнейшую конкретизацию правоприменителем через толкование применительно к складывающейся жизненной ситуации[63].

Несмотря на гражданско-правовую специфику, данное определение содержит важные универсальные признаки, присущие оценочным категориям и в уголовном праве. Прежде всего, Богданович подчеркивает формальную неопределенность как обязательную характеристику оценочного понятия – черту, признаваемую большинством ученых и в уголовно-правовом дискурсе (В. Н. Кудрявцев, С. С. Безруков, М. Г. Жилкин и др.). Это неопределённость рассматривается не как недостаток, а как структурное качество, обеспечивающее гибкость и адаптивность нормы.

Во-вторых, значимым элементом подхода С. П. Богдановича является указание на необходимость учёта вариативности содержания оценочной нормы, обусловленной как фактическими обстоятельствами, так и – в контексте гражданского оборота – волеизъявлением его участников. В уголовном праве аналогичную вариативность можно соотнести с индивидуальными особенностями совершённого деяния, личности виновного и последствий преступного поведения, что подтверждает применимость данного подхода к уголовно-правовым реалиям.

Особый интерес представляет и упомянутое автором требование учитывать пределы и принципы отрасли права, в рамках которой осуществляется оценка. Эта идея напрямую коррелирует с принципами уголовного права – законности, справедливости, вины и гуманизма – как ограничителями правоприменительного усмотрения при конкретизации оценочного признака.

Фундаментальный и одновременно прагматически ориентированный подход к определению оценочных понятий предлагает Г. Е. Агеева. Согласно её позиции, оценочное понятие – это правовая конструкция, выражающая в абстрактной форме дефиницию, положение или иное наименование правозначимых объектов, через указание на их обобщенные, наиболее типичные признаки, зафиксированные в

[63] См.: Богданович С. П. Оценочные понятия в вещном и обязательственном праве: дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2012. – С. 95-96

массиве правовых норм, с целью обеспечения гибкости, полноты правового регулирования и устойчивости правовых отношений[64].

Данная концепция интересна тем, что объединяет в себе системно-догматический и функционально-целевой подходы. Во-первых, оценочное понятие трактуется как специальная конструкция юридической мысли, представляющая собой не случайное или стихийное средство законодательной техники, а структурированное средство правового описания сложных или многовариантных объектов регулирования. Во-вторых, Агеева подчёркивает абстрактность и типичность как ключевые характеристики оценочных понятий: последние не стремятся охватить индивидуальное во всей полноте, но фиксируют наиболее типичные черты, достаточные для обобщённой правовой реакции.

Заслуживает особого внимания целевая направленность данной дефиниции. Автор явно подчеркивает, что включение оценочных понятий в законодательный массив обусловлено необходимостью гибкости, адаптивности и полноты регулирования. Это сближает её позицию с точками зрения Т. В. Кашаниной, С. Д. Шапченко и Е. В. Кобзевой, однако при этом в концепции Агеевой особенно акцентируется системная роль оценочных понятий в обеспечении стабильного и поступательного развития правовых отношений.

Значительно усложнённый с лингвистико-правовой точки зрения подход к определению оценочных понятий предлагает Д. Р. Касимов, предлагая более строгие и формализованные критерии их идентификации. В отличие от большинства исследователей, которые акцентируют внимание на функциональной или содержательной открытости оценочных признаков, Касимов подходит к вопросу с позиций нормативно-семантической конкретности и юридико-языковой применимости.

В соответствии с его позицией, оценочным может быть признано только такое слово или словосочетание, которое не имеет в уголовном законе либо иных нормативных правовых и подзаконных актах: 1) точного (ясного, не вызывающего

---

[64] См.: Агеева Г. Е. Оценочные понятия процессуального права: дис. … канд. юрид. наук. – Самара, 2014. – С. 124, 147 и др.

сомнений и разногласий) значения, 2) исчерпывающего по объему и параметрам определения, 3) ситуативной неизменности, то есть независимости от конкретных обстоятельств[65].

Иначе говоря, Д. Р. Касимов предлагает рассматривать оценочное понятие как абстрактную языковую конструкцию, лишённую нижнего нормативно установленного семантического предела, то есть такую, для которой не существует зафиксированных в нормативных источниках пределов допустимого толкования. Это свидетельствует о смещении акцента на семиотико-юридические основания неопределенности, что делает подход Д. Р. Касимова особенно ценным в рамках юридической лингвистики.

При этом автор предостерегает от механического приравнивания отсутствия дефиниции или вариативности значения к оценочному характеру понятия. Он подчеркивает, что открытость объема, многозначность, отсутствие нормативной дефиниции и ситуативная изменчивость – хотя и часто сопутствуют оценочным понятиям, не являются достаточными основаниями для их отнесения к этой категории.

В целом, подход Д. Р. Касимова можно охарактеризовать как нормативно-семантический, ориентированный на выявление объективных языковых признаков оценочных понятий через анализ их лексической определенности, степени нормативной закреплённости и стабильности словоупотребления. Он предлагает методологический фильтр, позволяющий отделить истинные оценочные конструкции от просто неточных, обобщенных или неоднозначных выражений, используемых в праве.

Таким образом, данный подход расширяет границы научного осмысления оценочных категорий, включая в сферу анализа инструменты юридической семантики и лексикографии, и предлагает четкие критерии нормативной неопределенности, способной трансформироваться в оценочную.

---

[65] См.: Касимов Д.Р. Теоретико-прикладные аспекты оценочных понятий в уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. – Ижевск, 2024.- С. 207

Сравнительный анализ подходов различных авторов к пониманию природы оценочных понятий и их признаков (см. обобщенное представление в Приложении 1) позволяет выделить несколько доминирующих теоретических направлений, каждое из которых раскрывает разные аспекты исследуемой правовой категории. Эти подходы формируют многоуровневую систему представлений, охватывающую понятийную сущность, правовую функцию, структурные особенности и пределы интерпретации оценочных признаков в уголовном праве.

Во-первых, большинство авторов (А. С. Шляпочников, В. Н. Кудрявцев, В. В. Питецкий, Р. У. Ахмедов) сходятся в том, что оценочные признаки – это категории, не определенные законодателем с должной степенью конкретности и подлежащие правоприменительной конкретизации. Их содержание формируется в зависимости от конкретных обстоятельств дела, через активную интерпретационную деятельность субъекта, применяющего закон. Некоторые исследователи (А. В. Наумов, В. В. Питецкий, А. С. Пиголкин, А. Ф. Черданцев) подчеркивают зависимость этой конкретизации от правосознания правоприменителя, его профессионального уровня, опыта, культурных и социологических ориентиров.

Во-вторых, целый ряд авторов (А. Ф. Черданцев, Миронов, М. Г. Жилкин, С. С. Безруков, Б.Н. Коробец, Д. Н. Левина) акцентируют внимание на структурной и онтологической открытости оценочных признаков и рассматривают их как понятия с незамкнутой логической структурой, допускающие множественность интерпретаций и изменяющиеся в зависимости от социального контекста. При этом Д. Р. Касимов подчёркивает, что сама по себе вариативность толкования, отсутствие дефиниции или открытый характер объёма понятия не являются достаточными признаками оценочности – необходимо наличие нормативно неурегулированного семантического предела, что позволяет выделить оценочную категорию из иных правовых конструкций. Вместе с тем, согласно позиции Е. А. Фролова, центральным критерием является не только неопределенность, но и сравнительно-оценочная природа понятий: оценочный

признак всегда предполагает суждение о качестве и степени явления по сравнению с другими, сходными явлениями.

В-третьих, отдельные исследователи предлагают функционально-инструментальный подход (Т. В. Кашанина, С. Д. Шапченко, О. С. Шумилина, Е. В. Кобзева), при котором оценочные признаки осмысляются как осознанный элемент законодательной техники, направленный на обеспечение гибкости нормы и возможности индивидуализации уголовной ответственности. Они подчеркивают нормативную целенаправленность включения таких категорий в закон, а не их спонтанное или неизбежное появление. Подобная позиция ориентирована на раскрытие правового смысла оценочного признака как части механизма квалификации, связующего норму с конкретикой жизненной ситуации.

В-четвертых, важную роль в научной дискуссии играют представители ценностно-нормативного и системного подхода (Г. Е. Агеева, О. Е. Фетисов, С. П. Богданович, В. Н. Кудрявцев, А. И. Рарог). Они рассматривают оценочные признаки как правовые конструкции, выражающие в обобщённой форме социальную значимость явлений, на которые направлено уголовно-правовое регулирование. Оценочные понятия, согласно их взглядам, призваны не только наполнить норму конкретным содержанием, но и сохранить её устойчивость в условиях изменяющейся социальной и правовой действительности. В этом контексте усмотрение правоприменителя не только допустимо, но и необходимо для верного уяснения воли законодателя.

В-пятых, в ряде концепций (Р. У. Ахмедов, О. Е. Фетисов, М. Г. Жилкин) акцент делается на институциональных и нормативных ограничителях усмотрения: оценивая факты, правоприменитель должен руководствоваться не только законом и обстоятельствами дела, но и системой правовых ориентиров – разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, судебной практикой, общей целью уголовного закона.

На основе проведённого анализа научных подходов, а также сопоставления теоретических и прикладных аспектов функционирования оценочных признаков в

уголовном праве, представляется возможным выделить основные сущностные характеристики оценочных признаков состава преступления:

1. Конструктивная неопределённость: оценочные признаки являются не дефектом, а сознательной правовой конструкцией, включённой законодателем для обеспечения гибкости правового регулирования, а не как следствие неполноты правовой формулировки.

2. Целенаправленная вариативность содержания: смысл оценочного признака не просто допускает, а предусматривает возможность его наполнения через правовую оценку, ориентированную на достижение целей уголовного закона и восстановление социальной справедливости.

3. Ситуативная адаптивность: оценочный признак активизируется только в контексте конкретной уголовно-правовой ситуации, его содержание не может быть универсализировано вне зависимости от фактической базы дела.

4. Интерпретационная открытость при нормативной замкнутости: признак допускает свободу оценки, однако эта свобода реализуется в пределах, установленных законом, судебной практикой и системными принципами уголовного права (законность, справедливость, вина и др.).

5. Юридико-смысловая промежуточность: оценочный признак находится между нормой и фактом, выполняя роль «смыслового фильтра», через который конкретное поведение соотносится с абстрактной уголовно-правовой моделью.

6. Нормативная типичность: признак, несмотря на отсутствие формального определения, отражает устойчивую уголовно-правовую реакцию на определённый тип поведения или последствий, обладая ценностной стабильностью и смысловой интуитивной распознаваемостью в правовом сообществе.

7. Институционально зависимая конкретизация: определяющее значение в наполнении признака имеет не только правоприменитель, но и интерпретации, санкционированные институциональными центрами (разъяснения Пленума ВС РФ, правовые позиции КС РФ и др.).

8. Сравнительно-оценочная природа: сущностная особенность понятий состоит в сравнительно-оценочной природе самого юридического суждения, предполагающего наличие шкалы ценностей, меры и сопоставимости.

Итак, на основе всего вышеуказанного, можно сделать вывод, что оценочный признак состава преступления – это указанный в уголовно-правовой норме признак одного из элементов состава преступления, описанный посредством понятия, которое обладает содержательной неопределённостью и открытым смысловым объёмом. Содержание данного понятия конкретизируется исключительно в правоприменительной ситуации (в процессе квалификации деяния) через социально-правовую оценку обстоятельств дела, направленную на установление соответствия конкретного факта типологически значимому общественно опасному поведению, при обязательном соблюдении юридических границ, прямо закреплённых в уголовном законе, а также с учётом тех социально-криминологических ориентиров, которые формируются судебной практикой и доктриной в целях конкретизации и адаптации оценочных признаков к условиям правоприменительной деятельности.

ГЛАВА 2.
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 2.1. Функциональные возможности оценочных признаков состава преступления

Современное уголовное законодательство, руководствуясь требованиями законности и правовой определенности, тем не менее, содержит довольно много норм, содержащих оценочные понятия. Проблемам их конструирования и применения посвящено достаточно много научных исследований. Обращаясь к научным достижениям в исследуемой области, необходимо отметить неоднозначность научных позиций и в целом дискуссионный характер вопроса об использовании оценочных признаков в УК РФ[66].

Ряд авторов отмечают объективную необходимость использования оценочных понятий в законе, подчеркивая их возможность обеспечивать гибкость уголовно-правового регулирования[67]. Такой точки зрения придерживается, в частности, В.Н. Кудрявцев, который отмечает, что использование оценочных понятий в законодательстве неизбежно. Они полезны при условии, что определяются по мере необходимости и правильно применяются на практике[68]. Аналогичную позицию поддерживает Я.М. Брайнин[69]. По мнению И.Я. Козаченко, именно оценочные концепции придают закону гибкость и позволяют правоприменителю обеспечить принцип персонализации наказания в пределах, установленных законом[70].

Считаем, что наивысшая степень эффективности уголовного законодательства достигается только в том случае, если все его нормы способны в

---

[66] См.: Бегоян Л. А. Оценочные понятия в уголовном праве: дискуссии и решения / Л. А. Бегоян // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2024. – Т. 30, № 4(95). – С. 358-361.

[67] См.: там же

[68] См.: Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификаций преступлений. – М.: Госюриздат, 1963. – С. 134-143.

[69] См.: Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. – М.: Юрид. Лит., 1967. – С. 211.

[70] См.: Козаченко И.Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья: обусловленность, структура, функции, виды. Изд-во Том. ун-та, 1987. – С. 161.

полной мере обеспечивать функционирование социальных процессов, регулируемых правом. В этом контексте надо отметить, что реалии современной жизни, характеризующиеся быстрым развитием технологий, изменением социальной, экономической и политической обстановки, требуют гибкости от уголовного законодательства.

Оценочные категории, такие как «существенный ущерб», «значительный вред», «общественная опасность», позволяют правоприменителям учитывать широкий спектр обстоятельств, что особенно актуально в условиях быстрого развития цифровых технологий и появления новых форм преступности. Преступления в киберпространстве, включая кибермошенничество, незаконное использование персональных данных и кибертерроризм, не подпадают под традиционные уголовно-правовые конструкции, что требует гибкого подхода и интеграции оценочных категорий в уголовно-правовые нормы.

К.Д. Николаева утверждается, что содержание уголовного законодательства не автономно, а напрямую зависит от социально-политической и экономической обстановки, в которой оно формируется и применяется. Под «обстановкой» автор понимает не просто фон, а системообразующий фактор, включающий в себя господствующие производственные отношения и общественные ожидания в конкретный исторический период[71]. Эта мысль согласуется с современным пониманием гибкости уголовного закона, одной из форм проявления которой являются оценочные категории.

Современное уголовное право, как отмечают М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкин, функционирует в условиях глубокой социальной неопределённости, порождаемой изменчивостью экономических, политических и ценностных структур. Неопределённость среды неизбежно трансформируется в неопределённость права, что требует переосмысления роли уголовной политики

[71] См: Николаев, К. Д. Обстановка как внешний системообразующий фактор уголовного права / К. Д. Николаев // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии: Материалы международной научно-практической конференции, Барнаул, 15–16 июня 2023 года / Под редакцией Ю.В. Анохина. – Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2023. – С. 34-36.

как инструмента, способного обеспечивать предсказуемость и управляемость уголовно правового регулирования. Уголовная политика в условиях неопределённости должна не устранять её полностью, а адаптивно интегрировать, вырабатывая решения, опирающиеся на прогностический анализ, высокую вариативность и способность учитывать трансформации социальной среды в реальном времени[72].

Законодатель не может оперативно реагировать на каждое изменение посредством внесения новых формально определенных норм, что неизбежно приводит к использованию оценочных понятий как инструмента, позволяющего правоприменителям учитывать новые обстоятельства и явления. Как справедливо отмечает Е.А. Фролов «в обстановке часто меняющихся условий общественной жизни, существенных изменений экономической и политической ситуации сфера использования оценочных понятий неизбежно должна быть достаточно широкой, ибо законодатель объективно не способен своевременно учесть все это и внести соответствующие коррективы в общеобязательные нормы поведения»[73].

На основе вышеизложенного, полагаем, что традиционный подход к правотворчеству, основанный на формальной детализации норм, в современных условиях оказывается недостаточно эффективным. А.В. Демин отмечает, что стремление законодателя снизить уровень неопределённости посредством постоянной новеллизации законодательства зачастую не достигает своих целей, а напротив, приводит к девальвации законодательного процесса и порождает дополнительные правовые споры[74].

Этот тезис подчёркивает одну из ключевых причин формирования оценочных понятий в уголовном праве – необходимость поиска более

---

[72] См.: Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Уголовная политика как преодоление неопределенности в уголовном праве / Онтология и аксиология права: материалы IX Международной научной конференции. – Омск, 25–26 октября 2019 г. Омская академия МВД России / отв. за вып. Д. В. Попов. – Омск, 2019. – С. 36–39.

[73] См.: Фролов Е.А. Стабильность закона и соотношение формально определенных и оценочных понятий в уголовном праве // Проблемы совершенствования советского уголовного права и криминологии: Сб. уч. трудов. Вып. 28. Свердловск, 1973. – С. 38.; Питецкий В.В. Позитивные и негативные свойства оценочных понятий // Эффективность уголовного права на современном этапе: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 54. Свердловск, 1977. С. 106. и др.

[74] См.: Демин А.В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления: дис. д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2014. – С. 4 – 5.

эффективных механизмов правового регулирования, способных учитывать динамичность общественных отношений без чрезмерного усложнения нормативных предписаний. Вместе с тем, оценочные категории выполняют важную функцию оптимизации правоприменительного процесса. Как показывает практика, чрезмерная детализация уголовных норм может затруднять их применение, создавая ненужные бюрократические барьеры. Как отмечает А.С. Рясина, оценочные категории выполняют функцию законодательной экономии, сокращая объем правовых норм и делегируя правоприменителю возможность адаптировать закон к конкретным обстоятельствам. Включение оценочных понятий в текст нормативного акта избавляет законодателя от перечисления всех проявлений общественной жизни, имеющей правовое значение[75].

Следующей положительной особенностью оценочных понятий является то, что они позволяют правоприменителю учитывать специфику фактических обстоятельств дела, обеспечивая соответствие уголовно-правовой нормы реальной жизненной ситуации. М.Ф. Лукьяненко отмечает, что «правовые нормы с оценочными понятиями, обладая субъективной варьируемостью, зависимостью от конкретных ситуаций, как бы «достраиваются» применяющими их лицами применительно к какой-то конкретной ситуации»[76]. Следует обратить внимание на следующий аспект, подчёркиваемый автором: оценочные понятия обладают так называемым ситуативным значением. Именно ситуативная значимость позволяет оценочным понятиям выступать в качестве инструмента адаптации правовых норм к конкретным обстоятельствам. Таким образом, оценочные понятия одновременно реализуют принцип диспозитивности в праве.

С.Д. Шапченко, в свою очередь, оценочные понятия определяет как общие представления, используемые законодателем для непосредственного выражения социальной значимости в праве и вносящие тем самым в правовые нормы оценочный момент, в результате чего применение этих норм предполагает

---

[75] См.: Рясина А.С. Оценочные категории в российском праве: современные подходы. С. 35.

[76] См.: Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. – М.: Статут, 2010. – С. 75.

возможность самостоятельной оценки конкретного случая со стороны правоприменителей и осуществлении на ее основе индивидуального поднормативного регулирования общественных отношений[77]. Одним из центральных аспектов, указанных в данном определении, является возможность самостоятельной оценки конкретного случая со стороны правоприменителя и осуществлении индивидуального поднормативного регулирования. Как следует из концепции С.Д. Шапченко, данное регулирование позволяет правоприменителю адаптировать общие нормы к конкретным жизненным обстоятельствам, что способствует индивидуализации уголовной ответственности. Это, в свою очередь, обеспечивает реализацию принципов справедливости и гуманизма.

С.С. Алексеев обращает внимание, что оценочные понятия «ориентированы на то, чтобы судебные органы конкретно, с учетом особенностей той, или иной ситуации, оценили фактическую обстановку и конкретизировали общую формулу закона»[78].

В контексте вышеуказанного, считаем, что, придавая юридическое значение обстоятельствам конкретного дела, правоприменитель, опираясь на оценочные понятия, фактически наполняет их содержанием, трансформируя фактические обстоятельства в юридически значимые факты. Этот процесс представляет собой сложный когнитивно-правовой акт, в рамках которого обстоятельства, изначально не обладающие самостоятельным правовым значением, приобретают статус юридических фактов, обладающих нормативной силой и способных порождать, изменять или прекращать правоотношения.

Юридическая квалификация обстоятельств дела посредством оценочных категорий предполагает их включение в нормативную конструкцию с целью определения правовых последствий, соответствующих сущности правонарушения и степени его общественной опасности. Таким образом, оценочные понятия выполняют важнейшую функцию трансформации эмпирических данных в

---

[77] См.: Шапченко С.Д. Оценочные признаки в составах конкретных преступлений: Автореф. Дис. … канд. Юрид. Наук. Киев, 1988. С. 12. // В кн. Кобзева Е.В. Указ. Соч. С. 12.

[78] См.: Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. – М., 1999. – С. 105.

правовую действительность, обеспечивая реализацию принципов законности, справедливости и индивидуализации правоприменения.

Необходимо отметить, что данный процесс требует не только формального соответствия обстоятельств установленным критериям, но и комплексного учета правовых, морально-нравственных и социальных аспектов. В этом контексте стоит отметить, что современные вызовы, связанные с новыми морально-этическими дилеммами, такими как развитие биотехнологий и искусственного интеллекта, требуют переосмысления традиционных подходов уголовного права. В этих условиях оценочные категории позволяют учитывать моральные аспекты деяний, формируя правоприменительную практику с учетом общественных ценностей и культурных традиций.

Как указывает Т.В. Кашанина, одной из причин введения оценочных категорий в правовую материю является органическое взаимодействие права и морали, что проявляется через нравственное содержание права. Это утверждение подчеркивает важность взаимосвязи между нормами права и моральными принципами, особенно в тех случаях, когда общественные отношения, по своей природе глубоко нравственные, в силу их значимости приобретают правовое закрепление. В данном контексте можно согласиться с позицией автора, что такие отношения становятся правовыми отношениями с ярко выраженным нравственным содержанием.

Особое внимание следует обратить на метод правового регулирования таких отношений. Законодатель, как отмечает Т.В. Кашанина, прибегает к использованию оценочных понятий, поскольку полная конкретизация этих отношений оказывается затруднительной, особенно по сравнению с отношениями имущественного и материального характера[79]. При этом Д.Н. Левина называет такие понятия «морально-оценочными»[80], а Л.В. Смирнов вводит термин «оценочные понятия морали»[81].

---

[79] См.: Кашанина Т.В. Оценочные понятия в советском праве: дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. С. 32.

[80] См.: Левина Д.Н. Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий: автореф. дис. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 10.

[81] См.: Смирнов Л.В. Использование категории морали как прием законотворческой техники //

Полагаем, что сама природа нравственных категорий, таких как разумность, добросовестность, справедливость, предполагает их адаптивность и многогранность, что делает невозможным их исчерпывающее определение. Мораль обладает «вездесущим, всепроникающим характером», регулируя взаимоотношения людей в самых различных сферах общественной жизни. На наш взгляд, оценочные категории являются связующим звеном между моральными и правовыми системами, выполняя важную функцию интеграции нравственных принципов в правовую ткань, выступая инструментом согласования права с моралью.

В этом контексте стоит отметить, что данные проведенного опроса также подтверждают, что практики воспринимают оценочные признаки как рабочий механизм гармонизации уголовного права с морально-нравственными нормами общества: в РФ 76,1% и в РА 83,0% респондентов отметили, что такая гармонизация имеет место (преимущественно «в определённой мере»). Это указывает на признание оценочных формул в качестве ценностных фильтров квалификации – они позволяют учитывать этически нагруженные характеристики, не выпадая из рамок законности. Одновременно значимая «несогласная» доля (24% РФ и 17% РА) акцентирует необходимость жёстких гарантий правовой определённости: привязка к тексту закона и официальным разъяснениям, единые критерии и развёрнутая мотивировка. Тем самым подтверждается концепция «интерпретационной сбалансированности»: моральные стандарты допустимы как инструмент внутризаконного уточнения, а не как альтернатива принципу законности.

Следующей немаловажной причиной введения оценочных категорий в правовую материю является необходимость разграничения оснований уголовной и административной ответственности. Во-первых, оценочные признаки позволяют учитывать такие критерии, как «существенный вред», «значительный ущерб» и «систематическое нарушение», что дает возможность отграничивать преступные

Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей: в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 469–470.

действия от административных правонарушений. Например, в экономической сфере они помогают различать умышленные преступные действия, связанные с уклонением от уплаты налогов, от технических ошибок, вызванных недостаточной компетентностью налогоплательщика. В этом контексте особенно важно отметить концептуальный сдвиг, предложенный А.Н. Трайниным, который трансформировал понятие состава преступления в нормативную модель, отделённую от конкретного деяния[82]. Эта трансформация обусловила необходимость включения оценочных признаков как инструмента, соединяющего абстрактную норму с разнообразием социальных ситуаций. Эту линию продолжили А.А. Нечепуренко и В.В. Бабурин, утверждая, что уголовно-правовой анализ должен охватывать не только преступления, но и иные уголовно-значимые формы поведения – включая правомерное причинение вреда и действия невменяемых[83]. В этой доктрине оценочные категории играют роль нормативного фильтра, обеспечивая тонкую дифференциацию поведения в пограничных случаях – между преступным и непреступным, между уголовным и административно наказуемым. Следовательно, они являются не только допустимыми, но и необходимыми конструктивными элементами уголовного закона, обеспечивающими гибкость и адаптивность правового реагирования в условиях расширения понятийного поля уголовной ответственности.

Во-вторых, оценочные признаки способствуют реализации принципа соразмерности наказания. Они позволяют правоприменителю гибко подходить к определению меры юридической ответственности, исходя из характера и последствий совершенного деяния. В этом контексте оценочные понятия помогают корректно квалифицировать правонарушения и исключить случаи необоснованного привлечения лица к уголовной ответственности.

Кроме того, оценочные признаки позволяют учитывать субъективные признаки правонарушения, такие как форма вины, мотивы и цели совершенного

---

[82] См.: Трайнин А.Н. Учение о составе преступления по советскому уголовному праву. – М., 1957. – С. 59–60

[83] См.: Бабурин, В. В. Уголовно-правовое деяние: понятие и значение для характеристики предмета и метода российского уголовного права / В. В. Бабурин, А. А. Нечепуренко // Алтайский юридический вестник. – 2021. – № 4(36). – С. 77-81.

деяния, что особенно важно при рассмотрении дел в сфере коррупции, предпринимательской деятельности и охраны окружающей среды. В уголовном праве оценочные признаки позволяют различать умышленного причинение вреда от деяний, совершенных вследствие грубой неосторожности, что помогает определить целесообразность применения уголовной или административной ответственности.

Глобализация и интернационализация так же способствуют введению оценочных понятий в уголовное право. Международные стандарты, закреплённые в универсальных и региональных правовых актах, оказывают непосредственное влияние на формирование национального законодательства. Стандартизация уголовных норм в международном масштабе требует учета национальных особенностей правоприменения и специфики социально-экономической ситуации каждой страны. В данном контексте оценочные категории играют важную роль в адаптации национальных правовых систем к международным требованиям, сохраняя при этом их суверенитет и правовую идентичность.

Высокий уровень латентности преступности, особенно характерный для таких сфер, как экономическая деятельность, коррупция, экологические правонарушения и преступления в сфере должностных полномочий, объективно затрудняет выявление, доказывание и квалификацию деяний. В подобных ситуациях использование исключительно формализованных правовых конструкций нередко оказывается недостаточным для адекватной уголовно-правовой реакции. В этой связи оценочные признаки играют важную компенсаторную роль, позволяя правоприменителю учитывать косвенные, комплексные и сложно поддающиеся формализации обстоятельства, свидетельствующие о преступном характере поведения.

Так, оценочные категории, например такие как «значительный ущерб», «в особо крупном размере», «иные тяжкие последствия», «нецелевое расходование», «злоупотребление доверием», «необоснованное обогащение», позволяют в рамках квалификации учитывать не только буквальные признаки деяния, но и его латентные проявления, выявляемые посредством анализа совокупности

фактических обстоятельств, экономических аномалий или этико-правовых несоответствий. Благодаря этому создаются условия для расширенного охвата криминально значимых явлений, которые ранее могли бы оставаться вне поля уголовного преследования в силу их правовой неочевидности.

Следовательно, функция преодоления латентности реализуется через нормативную гибкость оценочных признаков. Тем самым, оценочные признаки выступают не только как инструмент типизации, но и как средство уголовно-правового реагирования на латентную и эволюционирующую преступность.

Данные опроса прокуроров подтверждают, что функция преодоления латентности преступности действительно воспринимается профессиональным сообществом как значимое направление использования оценочных признаков. При этом подавляющее большинство респондентов – как в России (64,6%), так и в Армении (66%) – отмечают, что такая функция реализуется лишь частично, что отражает как позитивный потенциал оценочных категорий, так и объективные ограничения их применения.

Рост глобальных угроз, связанных с международным терроризмом и экстремизмом, также требует применения гибких уголовно-правовых инструментов. Включение в уголовное законодательство оценочных категорий, таких как «угроза национальной безопасности» и «экстремистская деятельность», позволяет адекватно реагировать на новые угрозы и принимать меры превентивного характера.

Наконец, нельзя не учитывать влияние экономических кризисов и санкционных режимов на уголовное право. Современные экономические реалии порождают новые формы преступности, связанные с обходом санкций, финансовыми махинациями и экономическим саботажем. Применение оценочных категорий, таких как «экономическая целесообразность» и «нарушение экономических интересов государства», способствует более эффективному реагированию на данные вызовы.

Наряду с этим, в науке отчетливо представлен и противоположный подход, сторонники которого предлагают либо сократить оценочные понятия,

используемые в уголовном праве, либо вовсе отказаться от них. В частности, ученые пишут о существующей в подобной ситуации очевидной угрозе различного, в т.ч. противоречивого и даже противоправного толкования, что влечет за собой неправильную квалификацию, а вслед за ней – ряд других негативных последствий, вплоть до вынесения обвинительного приговора в отношении невиновного лица[84].

В данном контексте интересны научные труды Е.В. Кобзевой, которая обращает внимание на совокупность различных угроз, возникающих в связи с наличием оценочных понятий. Описывая данное явление, она приводит острое слово «произвол», тем самым акцентируя внимание на крайне широком, непозволительном толковании уголовно-правовых норм. В конечном итоге, автор отмечает, что применение оценочных признаков допустимо только при наличии крайней необходимости[85].

Равным образом М.И. Бару считал, что с точки зрения эффективности правового регулирования и идеи законности чем меньше оценочных понятий, тем лучше, так как индивидуальная (субъективная) оценка может и не совпадать, а иногда – выйти за пределы той оценки, которую имел в виду законодатель, устанавливая норму, содержащую оценочное понятие[86].

Возражая М.И. Бару, С.В. Петраков отмечает, что при толковании оценочных категорий сложно сказать, вышел ли правоприменитель за пределы той оценки, которую имел ввиду законодатель[87]. Во-первых, при толковании оценочных категорий правоприменитель руководствуется собственной оценкой, а не оценкой законодателя. Во-вторых, затруднительно ответить на вопрос о том, какую оценку имел в виду сам законодатель, если счел необходимым использовать такой инструментарий юридической техники, как оценочные категории. Поскольку невозможно предусмотреть наперед все возможные ситуации, которые могут

---

[84] См.: Ушакова В.В. Роль оценочных понятий в конструировании норм уголовного законодательства Барнаул: Издательство Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2020. – С. 172.

[85] См.: Кобзева Е. В. Оценочные признаки в уголовном законе. – Саратов, 2004. – С. 16

[86] См.: Бару М.И. Оценочные понятия в трудовом законодательстве// Советское государство и право. Изд-во Наука – 1970, С. 104 -198.

[87] См.: Бегоян Л. А. Оценочные понятия в уголовном праве: дискуссии и решения / Л. А. Бегоян // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2024. – Т. 30, № 4(95). – С. 358-361.

возникнуть в юридической практике, то ошибочным будет утверждать, что законодатель их знал и, таким образом, заранее определил границы оценки таких категорий. Если допустить обратное, то тогда можно сделать предположение, что М.И. Бару относит законодателей к сторонникам механистического детерминизма, полагающих, «что все существующее полностью предопределено прошлым, точно так же, как будущее предопределено настоящим. Однако если бы все возможности были даны раз и навсегда и никаких новых возможностей в развитии не могло бы возникнуть, тогда миру грозило бы неизбежное истощение возможностей»[88]. Для законотворческого процесса это означало бы полное предвидение всех возможных ситуаций и создание на основе этого знания целого комплекса казуистических норм, исключающего из правотворческого процесса оценочные категории, а из практики применения – усмотрение и субъективизм. Но такое будущее для права опровергается самой практикой, как критерием истинности тех или иных знаний.

Анализируя противоположные точки зрения М.И. Бару и С.В. Петракова, можно отметить, что М.И. Бару аргументирует свою позицию исходя из принципа законности и необходимости минимизации субъективного усмотрения правоприменителя. С его точки зрения, чем меньше оценочных категорий, тем выше предсказуемость и единообразие правоприменительной практики. Однако такой подход, несмотря на его очевидные достоинства с точки зрения правовой определённости, представляется излишне формалистичным и ограниченным. С.В. Петраков, напротив, предлагает более реалистичный и гибкий подход.

Считаем, что позиция С.В. Петракова является более обоснованной с точки зрения динамичного характера общественных отношений и необходимости адаптации уголовного права к изменяющимся условиям. Исключение оценочных категорий из уголовного законодательства привело бы к излишней казуистичности норм, что затруднило бы их применение в новых, нестандартных ситуациях. В реальной правоприменительной практике правовые нормы должны обладать

[88] См.: Спиркин А.Г. Основы философии: Учебное пособие для вузов. – М., 1988. – С. 215.

определённой степенью гибкости, обеспечиваемой именно оценочными категориями.

Кроме того, подход С.В. Петракова учитывает философские и методологические аспекты законотворчества. Отказ от оценочных категорий предполагал бы полную детерминированность правовой реальности, что противоречит природе права как социального феномена, постоянно адаптирующегося к изменяющимся условиям. Как отмечают В.Б. Гончаров и В.В. Кожевников, оценочные понятия требуют применения социологического метода толкования, что подтверждает их связь с социальными реалиями[89]. Это объясняется тем, что уголовное законодательство призвано регулировать не только юридические, но и социально-этические аспекты поведения, что делает невозможным жёсткое формализованное определение всех аспектов преступления.

Позицию М.И. Бару поддерживает С.В. Расторопов, отмечая, что такие оценочные понятия, как «особая жестокость», «издевательства», «мучения», «пытка», из числа квалифицирующих признаков преступлений против здоровья и убийства следует исключить до тех пор, пока законодатель не будет в состоянии определить их в самом законе[90]. В.В. Ткаченко и С.В. Ткаченко указывают, что в уголовном законе нельзя оперировать терминами, не поддающимися точному определению[91].

Еще одна опасность, которую отмечают специалисты в контексте применения оценочных признаков, – это их отрицательное влияние на криминализацию деяний, поскольку активный уклон в сторону использования оценочных категорий может привести к тому, что границы криминализации станут чересчур аморфными, расплывчатыми. В этой связи необходимо процитировать Н.А. Лопашенко, которая пишет: «Законодатель «рассыпал» оценочные признаки везде, где только можно, и часто – там, где, по-моему, нельзя. Речь, конечно же, об

---

[89]См.: Гончаров В.Б., Кожевников В.В. Проблема усмотрения правоприменяющего субъекта в правоохранительной сфере // Государство и право. 2001. № 3. С. 54.

[90] См.: Растропов С. В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств: моногр. 2-е изд., Москва, 2006. – С. 344

[91] См.: Ткаченко В. В., Ткаченко С.В. Уголовная ответственность за убийство. Изд-во ИНФРА-М., 2014. – 75 с.

оценочных признаках, влияющих на криминализацию, таких, например, как «значительный ущерб». Различное их истолкование приводит к тому, что рамки (границы) криминализации оказываются подвижными и сужаются или, наоборот, расширяются. Поэтому применение таких терминов в уголовном законе недопустимо. Оно противоречит принципу законности, поскольку границы преступного реально устанавливаются не законом, а конкретным правоприменителем»[92].

Едва ли в споре о допустимости или недопустимости, полезности или опасности оценочных признаков можно поставить окончательную точку. Однако мы полагаем, что полное исключение оценочных понятий и их замена четкими понятиями крайне проблематичны. В противоположность рискам произвольного толкования закона, отказ от оценочных признаков создает не менее опасный риск пробела в праве[93].

Законодатель и учёные воспринимают норму права в её формальном виде, без субъективного анализа конкретной ситуации. Это утверждение подчёркивает важную причину формирования оценочных категорий, связанную с необходимостью адаптации права к многообразию общественных отношений, которые невозможно исчерпывающе предусмотреть на стадии правотворчества. Правотворческая деятельность, даже при учёте всех доступных научных и практических данных, не способна охватить всё многообразие жизненных ситуаций. Поэтому в случае закрепления норм исключительно четкими формулировками рано или поздно правоприменитель может столкнуться с ситуацией, решение которой в уголовном кодексе будет отсутствовать.

С.В. Петраков правильно пишет, что проблема преодоления и восполнения пробелов является еще более острой, чем правоприменительное усмотрение, поскольку последнее связано с применением нормы, пусть и относительно определенной, а при пробеле норма вообще отсутствует, и сложность кроется как

---

[92] См.: Кириллов М.А., Неганов Д.А., Савельев В.В. Оценочные признаки в уголовном законодательстве: вопросы теории и практики // Вестник Российского университета кооперации. – 2020. – № 1 (39). – 2020. – С. 131-134.

[93] См.: Бегоян, Л. А. Оценочные понятия в уголовном праве: дискуссии и решения / Л. А. Бегоян // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2024. – Т. 30, № 4(95). – С. 358-361.

в законности использования способов его преодоления, так и в поиске нормы, регулирующей схожие обстоятельства[94].

Изложенное позволяет говорить об амбивалентном характере оценочных понятий, их многогранности и сложности, а также невозможности однозначного решения вопроса об их допустимости или недопустимости в уголовном законе[95].

На основе всего вышеизложенного, попробуем выделить основные функции оценочных признаков в уголовном праве:

1.Функция адаптации уголовного законодательства к изменяющимся общественным отношениям. Современное общество характеризуется динамичным развитием социально-экономических процессов, цифровизацией и усложнением преступных посягательств. Оценочные категории позволяют уголовному законодательству учитывать многообразие жизненных ситуаций, возникающих в процессе правоотношений, и обеспечивают его способность отвечать на вызовы времени без необходимости частого внесения изменений в нормативную базу. Благодаря этому достигается баланс между стабильностью уголовного законодательства и его способностью адаптироваться к новым вызовам, таким как транснациональная преступность, киберугрозы и новые формы преступлений.

2. Функция законодательной экономии и системности правового регулирования. Использование оценочных категорий позволяет избежать чрезмерного детализирования уголовно-правовых норм и перегруженности законодательных актов. Это способствует созданию гибкой и функциональной правовой системы.

3. Функция трансформации эмпирических данных в правовую действительность. Является одной из ключевых функций оценочных понятий в уголовном праве, обеспечивающей связь между фактическими обстоятельствами преступления и их юридической квалификацией. Данная функция заключается в

---

[94] См.: Петраков С. В. Оценочные формулировки в законотворчестве и судопроизводстве: моногр. Спб., 2013. - С.38.

[95] См.: Бегоян, Л. А. Оценочные понятия в уголовном праве: дискуссии и решения / Л. А. Бегоян // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2024. – Т. 30, № 4(95). – С. 358-361.

способности оценочных категорий превращать фактические обстоятельства конкретного дела, выявляемые в процессе уголовного судопроизводства, в юридически значимые факты, влекущие правовые последствия.

4. Функция разграничения уголовной и административной ответственности. Оценочные категории выполняют ключевую функцию в дифференциации уголовной и административной ответственности, помогая избежать неоправданной криминализации и обеспечивая справедливый баланс между различными формами правовой ответственности.

5. Функция гармонизации уголовного права с моральными и этическими нормами. Уголовное право, являясь социальным регулятором, не может существовать вне моральных и нравственных ценностей общества. Оценочные понятия позволяют интегрировать в уголовно-правовую материю такие социально-этические категории, как «справедливость», «разумность», «добросовестность» и «общественная опасность», что способствует обеспечению соответствия уголовного законодательства моральным ориентирам общества. Тем самым оценочные категории выполняют функцию легального отражения моральных принципов в правоприменительной практике.

6. Функция интеграции международных стандартов в национальное уголовное законодательство. В условиях глобализации, интернационализации преступности и гармонизации правовых стандартов оценочные категории становятся эффективным инструментом адаптации национального законодательства к требованиям международных договоров и конвенций.

7. Функция устранения правовых пробелов. Оценочные категории позволяют компенсировать недостатки законодательной техники, обеспечивая возможность правоприменителю самостоятельно интерпретировать норму в условиях отсутствия четкого нормативного регулирования. Это особенно актуально при возникновении новых форм преступности, когда законодатель не успевает своевременно реагировать на изменяющиеся условия.

8. Функция реагирования на риски криминализации новых форм поведения. Современное уголовное право сталкивается с постоянным появлением новых форм

преступного поведения, связанных с развитием технологий, экономических процессов и трансформацией общественных отношений. Оценочные категории позволяют учитывать изменяющиеся обстоятельства преступного поведения и предотвращать его путем правоприменительной практики, направленной на раннее выявление потенциальных правонарушений.

9. Функция стимулирования развития правоприменительной практики и уголовно-правовой доктрины. Оценочные понятия способствуют эволюции судебной практики, формируя новые подходы к квалификации преступных деяний и развитию доктрины уголовного права. Они предоставляют правоприменителю возможность учитывать изменяющиеся общественные реалии, создавая предпосылки для модернизации законодательства. Оценочные понятия стимулируют дискуссии в правовой науке о допустимых пределах усмотрения правоприменителей.

Стоит отметить, что сравнительный анализ восприятия функций оценочных признаков показывает, что их ключевая роль заключается в устранении пробелов законодательства (РФ – 47,4%, РА – 52,2%). Однако, российские прокуроры в большей мере связывают оценочные признаки с адаптацией уголовного права к новым формам преступности (21,6%), тогда как для армянских коллег главным становится стимулирование судебной практики (39,1%). Это различие отражает специфику правовой среды: в России актуализируются вызовы цифровизации и сложных экономических схем, а в Армении – потребность в институциональной стабилизации практики после законодательной реформы 2022 года. Таким образом, функции оценочных признаков демонстрируют не только универсальность, но и национальную специфику их проявления.

На основании проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы:

На сегодняшний день оценочные признаки выступают важным, хоть и спорным, элементом уголовного законодательства РФ. На наш взгляд, отказ от негативного отношения к оценочным понятиям является необходимым шагом на пути к повышению эффективности уголовного права. Вместо того чтобы

стремиться к чрезмерной формализации, законодатель должен сконцентрироваться на выработке унифицированных методик и подходов к толкованию таких понятий.

Современное уголовное право развивается в условиях глобализации, цифровизации и усложнения общественных отношений. Эти факторы порождают новые вызовы для правоприменительной системы, требуя от уголовного законодательства гибкости, адаптивности и справедливости. В таких условиях оценочные понятия становятся важнейшим инструментом правового регулирования, позволяющим учитывать специфику конкретных ситуаций и обеспечивать баланс между законностью и целесообразностью.

Оценочные признаки выполняют ряд значимых функций, среди которых важное место занимает адаптация уголовного законодательства к изменениям общественных отношений. Оценочные категории способствуют предотвращению устаревания норм и позволяют учитывать новые угрозы, такие как киберпреступность, терроризм и финансовые махинации. Они также выполняют функцию индивидуализации уголовной ответственности, позволяя учитывать личность правонарушителя, мотивы и обстоятельства совершенного деяния, способствуя разграничению уголовной и административной ответственности. Выполняют важную функцию трансформации эмпирических данных в правовую действительность, позволяя превращать фактические обстоятельства дела в юридически значимые факты, имеющие правовые последствия. Благодаря оценочным понятиям уголовное право становится более гибким и способным учитывать реальные условия конкретных ситуаций.

Использование оценочных признаков способствует оптимизации правоприменительного процесса, упрощая законодательное регулирование и снижая бюрократическую нагрузку на правоприменительные органы. Это позволяет законодательству охватывать широкий спектр ситуаций без необходимости частых изменений нормативных актов, способствуя так же устранению правовых пробелов. Еще одной важной функцией оценочных понятий является гармонизация уголовного права с моральными и этическими нормами, а

также функция стимулирования развития правоприменительной практики и уголовно-правовой доктрины.

Таким образом, оценочные признаки являются не только важным инструментом правоприменения, но и ключевым элементом стратегического развития уголовного законодательства. Однако для эффективного их применения необходима разработка методологических рекомендаций, направленных на минимизацию субъективизма и правовой неопределенности.

§ 2.2. Основные правила толкования оценочных признаков состава преступления

В свете ранее проведённого анализа представляется необходимым перейти к рассмотрению общих правил (можно сказать – закономерностей) толкования оценочных признаков.

Проведённый опрос сотрудников прокуратуры Российской Федерации и Республики Армения убедительно подтверждает повсеместный характер проблемы толкования оценочных признаков в уголовном праве. Так, среди российских прокуроров 38,5% указали, что сталкиваются с необходимостью их интерпретации регулярно, 43,8% – иногда, 14,6% – редко и лишь 3,1% заявили, что никогда не сталкивались с подобной задачей. В армянской выборке распределение оказалось ещё более показательно: 44,7% респондентов отметили регулярный характер такой деятельности, 44,7% – периодический, 10,6% – редкий, при этом отсутствовали ответы «никогда». Таким образом, более 80% российских и почти 90% армянских прокуроров признали необходимость постоянного или периодического толкования оценочных категорий. Эти данные позволяют сделать вывод, что оценочные признаки являются не исключением, а повседневным профессиональным вызовом для прокуроров обеих правовых систем.

Вместе с тем, открытый вопрос, адресованный прокурорам РФ и РА, позволил выявить наиболее проблемные оценочные признаки. В обеих юрисдикциях ключевые трудности связаны с неопределённостью категорий «существенный вред», «значительный ущерб» и «тяжкие последствия», которые

являются основными критериями для квалификации преступлений, но в то же время зависят от множества социально-экономических и фактических факторов. Российские прокуроры в большей степени акцентировали внимание на проблемах материального характера, указывая на сложность определения размеров ущерба и объективных последствий деяния. Армянские же респонденты чаще подчеркивали трудности интерпретации субъективных признаков – мотива, цели, психического отношения к деянию, а также нематериального вреда (морального и психологического). Таким образом, сравнительный анализ выявляет общее ядро проблем, связанное с неопределённостью последствий, и национальные различия: в России превалирует акцент на объективно-имущественных критериях, а в Армении – на субъективно-психологических и нематериальных аспектах.

В современной уголовно-правовой науке и правоприменительной практике толкование и квалификация оценочных признаков состава преступления, несмотря на тесную методологическую взаимосвязь, представляют собой качественно различные по своей природе юридические категории. Как справедливо отмечал В. Н. Кудрявцев, квалификация преступления представляет собой процесс юридического установления соответствия между фактическими обстоятельствами деяния и признаками состава, закреплёнными в уголовно-правовой норме. В случае с оценочными признаками квалификация предполагает не только установление совпадения между фактами и нормой, но и предварительное раскрытие содержания таких признаков посредством их толкования[96]. Эта мысль поддерживается также И. В. Андреевым, полагающим, что, в отличие от чётко определённых понятий, оценочные понятия требуют предварительного постижения сущности соответствующего социального явления, прежде чем будет установлено их наличие в конкретной ситуации[97].

Следовательно, толкование выступает как предварительный, познавательный этап правоприменительной деятельности, направленный на

---

[96] См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юридическая литература, 1972. – С. 8; Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – С. 5.

[97] См.: Андреев И.В. Теоретико-правовые основы квалификации преступлений: автореф. Дис., Омск, 2001, С. 68.

уяснение смысла уголовно-правовой нормы, содержащей оценочный признак, тогда как квалификация представляет собой практическую правовую процедуру соотнесения конкретного фактического поведения с уголовно-правовой нормой[98]. В то время как толкование ориентировано на выявление объективного содержания законодательно не конкретизированных признаков, квалификация осуществляется в рамках конкретного уголовного дела и направлена на индивидуализированную правовую оценку деяния. Объектом толкования выступает норма закона, тогда как объектом квалификации –конкретный случай. Кроме того, различаются цели указанных категорий: если задача толкования заключается в обеспечении единообразия и предсказуемости применения закона, то квалификация преследует цель формально закрепить правовую природу деяния в рамках конкретной уголовно-правовой нормы. Существенным является и различие в субъектном составе: если толкование может осуществляться как правоприменителем, так и научным сообществом или законодателем, то квалификация осуществляется исключительно правоприменительными органами – следователем, дознавателем, прокурором и судом – по отношению к конкретному лицу и деянию.

Таким образом толкование оценочного признака неотделимо от процесса квалификации, но не тождественно ему и представляет собой интеллектуально-волевую деятельность правоприменителя, включающую несколько взаимосвязанных элементов: субъект, объект, основание и критерии оценки. Субъект интерпретации (правоприменитель), объект (оценочное явление), основание (подход, ценностный критерий) и критерии (эталон).

В отличие от стабильных дескриптивных категорий, оценочные признаки обладают высокой степенью изменчивости, которая обусловлена как субъективным восприятием, так и контекстуальной зависимостью. При этом, «оценки изменяются не только от человека к человеку, но и у одного и того же человека с течением времени»[99]. Один и тот же признак может наполняться различным содержанием в зависимости от изменяющихся условий, правосознания

[98] См.: Марчук В. В. Понимание оценочных признаков при квалификации преступления // Юстиция Беларуси. – 2014. – № 7. – С. 24–28.

[99] См.: Ивин А.А., Основания логики оценок, М.: Мысль, 1970. – С. 33.

и общественной чувствительности к тем или иным формам поведения. В связи с этим центральной задачей субъекта, осуществляющего квалификацию преступления с оценочным признаком, является не только сопоставление фактической стороны деяния с законодательно закреплённой нормой, но и выяснение – что конкретно в данном контексте означает эта норма, то есть предварительное толкование её оценочного элемента.

Оценочные признаки, как известно, отражают не фиксированное качество объекта, а результат сопоставления конкретного явления с определённым эталоном или стандартом, которому это явление в большей или меньшей степени соответствует. При этом, как справедливо подчёркивается в научной литературе, стандарт, используемый в качестве критерия оценки, носит специфически неопределённый характер: в отличие от строго денотативных понятий, оценочные категории предполагают не только соотнесение с абстрактным представлением о норме, но и активное формирование этого представления самим субъектом толкования. Как справедливо указывает В. Н. Кудрявцев, в каждом случае лицо, осуществляющее толкование, не только сравнивает событие с определённым стандартом, но и в значительной степени формулирует само содержание этого стандарта, пусть и в рамках допустимого законом значения[100].

Таким образом, толкование оценочных признаков неизбежно носит динамичный, ситуативный и частично субъективный характер, что обуславливает необходимость выработки устойчивых интерпретационных ориентиров, способных минимизировать произвол и обеспечить единообразие практики. В этих условиях особую значимость приобретает систематическое и доктринально обоснованное выявление закономерностей толкования.

Учитывая тот факт, что толкование любой правовой нормы, в том числе содержащей оценочные признаки, начинается с буквального толкования, считаем необходимым обратиться к данному способу интерпретации. В случае буквального толкования объём интерпретации полностью соответствует тексту правовой

[100] См.: Кудрявцев В.Н., Общая теория квалификации преступлений, М., «Юридическая литература», 1972, С.8, Кудрявцев В.Н., Общая теория квалификации преступлений, 2-е изд., перераб. и дополн, М., «Юристъ», 2001, С. 5.

нормы, иначе говоря, речь идёт о ситуации, при которой словесная формулировка нормы совпадает с её действительным смыслом. В этой связи следует отметить, что в теоретической литературе существуют противоположные подходы относительно объёма буквального толкования.

По мнению Т. Н. Назаренко, оценочный признак не может быть истолкован буквально[101]. Принципиально противоположную точку зрения занимает А. Ф. Череданцев, который считает, что наличие оценочного признака в норме не может служить основанием ни для расширительного, ни для ограничительного толкования данной нормы[102].

В контексте вышеизложенного, полагаем, что норму, содержащую оценочные признаки, невозможно полноценно истолковать, опираясь исключительно на её текст. Необходимо учитывать ряд иных факторов, например, социально-экономические, политические и другие изменения в обществе, которые могут оказать значительное влияние на процесс толкования нормы.

Вместе с тем один из краеугольных принципов толкования оценочных признаков уголовно-правовых норм заключается в том, что интерпретация не может выходить за пределы нормативного содержания, уже заложенного в законе. Так, в соответствии с точкой зрения А. И. Рарога, правоприменитель обязан не изобретать новые смыслы, а корректно конкретизировать законодательную волю в рамках установленных правовых границ[103]. Это означает, что правоприменитель при столкновении с оценочной категорией – будь то «значительный вред», «особая дерзость» или «явное неуважение к обществу» – должен стремиться к уяснению уже имеющегося нормативного потенциала признака, а не к его произвольному расширению или наполнению новым содержанием, не вытекающим из системного, исторического или грамматического толкования закона. Иначе говоря, толкование должно быть интерпретативным, но не креативным: оно не должно создавать

---

[101] См.: Назаренко Т.Н. Неопределенность в российском праве: Дис.... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 45.

[102] См.: Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972, С. 156

[103] См.: Рарог А.И. Усмотрение правоприменителя при квалификации преступлений // Уголовное право. 2000. № 1. С.41.

новую норму, а лишь раскрывать смысл существующей, с опорой на законодательную волю и правовые традиции.

Нарушение этого принципа – через произвольное расширительное толкование оценочных признаков – чревато подменой правоприменения правотворчеством, что недопустимо в условиях действия принципа nullum crimen sine lege. Именно поэтому при работе с оценочными признаками правоприменитель должен стремиться к предельной юридической точности, выявляя содержательные границы признака не по своему усмотрению, а на основе правовых источников, практики высших судов и доктринального осмысления, не выходя за рамки объективно допустимого значения термина в правовом контексте. В этой связи заслуживает внимания критический анализ, представленный Ю. В. Чертковой, которая последовательно отвергает субъективистский подход, при котором суд, по сути, подменяет законодателя, произвольно наполняя оценочные понятия содержанием, не вытекающим из правовой системы[104]. Автор справедливо указывает на опасность подобного подхода, поскольку он ведёт к своеобразному ретроспективному правотворчеству – практике, при которой правоприменитель не устанавливает смысл уже существующей нормы, а создаёт новое обязательное содержание задним числом.

Во избежание подобных отклонений Ю. В. Черткова настаивает на необходимости системного и последовательного подхода к интерпретации оценочных признаков, согласно которому процесс правового уяснения должен строиться поэтапно и опираться на совокупность источников, обладающих юридической значимостью. В первую очередь, при наличии – с легального определения (например, если оно дано в самом Уголовном кодексе или в нормативных актах), далее – через анализ сопутствующих норм, в которых данный признак применяется, затем – через систему судебных толкований, включая позиции высших судебных инстанций, и, наконец, через доктринальную

[104] См.: Черткова Ю. В. Системный подход к толкованию оценочных правовых понятий / Ю. В. Черткова // Правотолкование и проблема судебного правотворчества : материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 10–12 октября 2019 года / Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. – Симферополь: Б. и., 2020. – С. 86-93.

интерпретацию, учитывающую ценностную природу признака и его социально-функциональный контекст.

Таким образом, толкование оценочных признаков требует не только юридической грамотности, но и методологической сдержанности, поскольку любая интерпретация, выходящая за пределы нормативной семантики признака, фактически подменяет волю законодателя и ведёт к нарушению принципа правовой определённости.

Однако, вместе с тем одной из существенных закономерностей, характеризующих современную методологию толкования уголовно-правовых оценочных понятий, выступает необходимость интеграции внеправовых (экстраправовых) стандартов оценки в структуру интерпретации. Оценочное понятие по своей сущности не существует в изолированной правовой среде, а потому не может быть адекватно интерпретировано исключительно на основе формально-юридического текста нормы. В условиях высокой абстрактности таких конструкций правоприменитель неизбежно обращается к широкому кругу внеюридических ориентиров, включающих в себя аксиологические, социокультурные, профессиональные и научные представления, которые наполняют оценочную категорию конкретным, прикладным содержанием[105]. Данная установка имеет методологически значимое значение для понимания природы уголовно-правового толкования, поскольку она исходит из того, что эффективное и справедливое применение норм с оценочными признаками требует обращения к выработанным в практике и доктрине критериям, отражающим общественно приемлемое представление о праве и справедливости. Эти критерии, хотя и не всегда прямо зафиксированы в законе, находятся в содержательном единстве с его духом, целями и системными принципами.

При этом особо подчёркивается, что использование таких внеправовых ориентиров допустимо исключительно в пределах, определяемых принципом законности: они не должны вести к произвольному или расширительному

[105] См.: Касимов Д. Р. Толковательная инференция в контексте разработки и интерпретации уголовно-правовых оценочных понятий: теоретический аспект / Д. Р. Касимов // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2019. – Т. 29, № 6. – С. 852-860.

толкованию, нарушающему нормативную структуру уголовного закона. В противном случае возникает риск подмены законодательной воли субъективными оценками, что противоречит основополагающим принципам правового государства. Следовательно, толкование оценочных признаков должно строиться на основе сбалансированной интеграции юридических и экстраюридических стандартов, способствующих как достижению правовой определённости, так и обеспечению соответствия правоприменительной практики современным социальным, культурным и профессиональным реалиям.

Одной из важнейших закономерностей, раскрывающей специфику толкования оценочных признаков в уголовном праве, выступает их ситуативная вариативность, то есть зависимость от конкретных обстоятельств дела. Как обоснованно отмечает Д. Р. Касимов, подобные признаки характеризуются ad hoc-характером, то есть их содержание формируется не абстрактно, а исключительно применительно к конкретной правовой ситуации. В этом аспекте оценочные категории не обладают изначальной нормативной определённостью, как это имеет место, например, в случае с количественно измеримыми элементами состава преступления. Напротив, их значение конституируется в рамках конкретного случая, исходя из всей совокупности юридически значимых обстоятельств, что придаёт процессу интерпретации оценочного признака контекстно-ситуативный и гибкий характер[106]. Именно детальное изучение обстоятельств, имеющих уголовно-правовое значение, позволяет правоприменителю определить ту сферу, в рамках которой необходимо искать критерии оценки соответствующего признака. От правильного выбора критерия в значительной степени зависит корректное применение уголовно-правовой нормы, содержащей оценочный признак, и правильная квалификация деяния.

[106] См.: Касимов Д. Р. К вопросу о выборе способов толкования уголовно-правовых оценочных понятий: аксиолого-прагматический (ценностно-деятельностный) подход / Д. Р. Касимов // Актуальные вопросы публичного права : Сборник трудов конференции XVIII Всероссийской научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 31 октября – 01 2019 года. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2019. – С. 299.

Таким образом, оценочные признаки требуют такого толкования, которое сочетает в себе ситуативную чувствительность и методологическую строгость, то есть отвечает одновременно условиям конкретного дела и требованиям правовой рациональности. Следовательно интерпретация оценочных категорий должна быть адаптивной, но в то же время нормативно детерминированной, обеспечивая равновесие между гибкостью и правовой определённостью.

Следующая закономерность, определяющая специфику толкования оценочных признаков в уголовном праве, является необходимость обращения к историко-нормативному контексту их формирования. Оценочное понятие не поддаётся полноценной интерпретации вне анализа его нормативного происхождения и исторической эволюции. Они формируются на пересечении правовой доктрины, правоприменительной практики и общественного правосознания, и потому несут в себе отпечаток историко-культурного синтеза, сложившегося в конкретных условиях времени.

Историческая реконструкция оценочного понятия позволяет не только объяснить его происхождение, но и предотвратить аксиологические и терминологические искажения, которые нередко возникают при его применении в новых институциональных условиях. Это особенно важно в тех случаях, когда терминология, использующаяся в современном уголовном праве, унаследована от прежних правовых систем. Так, такие понятия, как «безнравственность», «преступный умысел», «особая жестокость» сохраняют в себе следы прежних аксиологических и социокультурных представлений, без понимания которых существует риск их ошибочного применения. Из этого следует, что в процессе толкования оценочного признака правоприменитель должен учитывать динамику его семантического наполнения, то есть отслеживать, как менялось содержание соответствующего понятия на различных этапах социального, политического и правового развития.

Однако, результаты опроса показывают, что большинство прокуроров России (61,5%) и Армении (46,8%) считают, что толкование оценочных признаков практически не зависит от историко-правового контекста. Такая позиция отражает

приоритет актуальной правоприменительной практики и нормативного текста закона над ретроспективным анализом. Вместе с тем в России выше доля респондентов, полагающих, что историческая эволюция признаков имеет значительное значение (17,7% против 8,5% в Армении), это свидетельствует о сохранении традиции учитывать доктринальные и судебные наработки предшествующих периодов. Таким образом, историко-правовой контекст в восприятии практиков играет вспомогательную роль и используется преимущественно для уточнения содержания признака, тогда как ключевым критерием остаётся современное понимание и правоприменительная ситуация.

В рамках закономерностей толкования уголовно-правовых норм, содержащих оценочные признаки, особую значимость приобретает включение морально-нравственных ориентиров в процесс правовой интерпретации. Смысловое наполнение оценочных понятий формируется на стыке юридических конструкций и нравственных оснований, устойчиво воспроизводимых в правовой культуре. В этом контексте мораль рассматривается не как внешняя по отношению к праву категория, а как элемент интерпретационного механизма, обладающий самостоятельной методологической ценностью.

Нормы морали, этики и эстетики в подобных случаях выполняют двойственную функцию. Во-первых, они служат источником оценки свойств и характеристик, содержащихся в оценочном признаке, позволяя уточнить содержание таких понятий, как «жестокость», «развратность» или «безнравственность». Во-вторых, они выполняют верифицирующую функцию, обеспечивая соответствие полученного интерпретационного результата общественным представлениям о допустимом и справедливом.

Полученные результаты опроса показывают, что при толковании оценочных признаков большинство прокуроров как России (56,8%), так и Армении (46,8%) склонны признавать необходимость учета моральных и социокультурных ориентиров лишь в отдельных случаях. При этом более трети армянских респондентов (31,9%) и четверть российских (26,3%) считают такой учет принципиально важным, что отражает стремление интегрировать этические и

культурные ценности в процесс правоприменения. Вместе с тем значительная часть опрошенных в России (14,7%) и Армении (12,8%) выступают против подобного подхода, полагая его недопустимым, что указывает на сохраняющийся правовой формализм и опасения произвольности судебных решений. Сравнительный анализ подтверждает, что учет моральных и социокультурных факторов при толковании оценочных признаков воспринимается как необходимый элемент достижения справедливости, но при этом требует предельной осторожности, чтобы не подорвать принцип законности.

Особое место в разработке закономерностей интерпретации оценочных понятий занимает позиция А. Ф. Черданцева, последовательно отстаивающего необходимость учёта социально-исторической и политико-экономической изменчивости условий интерпретации. Как справедливо подчёркивает автор, содержание оценочных категорий подвержено трансформациям в зависимости от доминирующих общественно-политических установок, культурного контекста и характера государственной правовой политики.

Черданцев акцентирует внимание на динамическом характере толкования, под которым понимается нормативно-допустимая модификация содержания правовой нормы в зависимости от изменения общественного восприятия, политических условий или правоприменительной практики[107]. Таким образом, динамичность здесь выступает не просто как технический приём, а как институционально обусловленная закономерность толкования оценочных понятий.

В этом контексте на первый план выходит концепция эволютивного толкования (evolutive interpretation), разработанная в юриспруденции Европейского суда по правам человека и получившая широкое признание как в теории права, так и в правоприменительной практике[108].

Концепция «живого права» (living law)[109], лежащая в основе эволютивного подхода, отражает фундаментальную закономерность: право является не

---

[107] См.: Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972, С. 128:

[108] См.: Постановление от 8 июля 2019 г. по делу «Михалаке против Румынии» (жалоба № 54012/10, § 91) // Европейский суд по правам человека. База данных HUDOC. – URL: https://hudoc.echr.coe.int/ (дата обращения: 23.11.2024).

[109] См.: Чечулина А.А. Живой инструмент Европейской конвенции: продолжение дискуссии // Юридическое

статичной, а развивающейся системой, нормы которой подлежат истолкованию в контексте актуальных реалий и преобладающих общественных ценностей. Такая методологическая установка обусловлена тем, что каждое поколение формирует собственные стандарты правовой чувствительности и справедливости, что требует адаптивности юридических интерпретаций, особенно при работе с неопределёнными, открытыми категориями – например, «жестокость», «унижение достоинства», «тяжкие последствия». Кроме этого, система права, будучи продуктом своей эпохи, разрабатывается современниками, однако адресуется будущим поколениям, что неизбежно порождает потребность в её постоянной интерпретационной актуализации.

Особо значимо то, что эволютивное толкование при этом не отрицает принцип правовой определённости, а, напротив, стремится к его актуализации, подстраивая содержание нормы под изменившиеся условия, сохраняя при этом ее системную логику и правовую преемственность. Здесь проявляется методологически важная закономерность – интерпретационная адаптация, при которой норма функционирует в системе координат современного правопорядка, но не теряет своей нормативной структуры. Это означает следующее: оценочные признаки, будучи по своей природе открытыми и аксиологически нагруженными, требуют толкования, учитывающего не только буквальное содержание нормы на момент её принятия, но и актуальные морально-правовые ориентиры общества. Таким образом, в условиях социокультурной динамики эволютивное толкование становится механизмом, преодолевающим ограниченность формального подхода, обеспечивая живую связь между законом и современной правовой реальностью.

Не менее значимым требованием, обеспечивающим правовую определённость при толковании оценочных признаков, выступает запрет на интерпретацию одного неопределённого понятия через иное столь же неопределённое и оценочное. Такое толкование приводит к цепной неопределённости, когда каждое последующее понятие требует нового

образование и наука. 2019. № 9. С. 26–32.

истолкования, не приближая правоприменителя к ясному и нормативно зафиксированному смыслу правовой нормы.

Например, попытка раскрыть содержание признака «особая жестокость» таким понятиям, как «причинение физических или психических страданий», не устраняет неопределённости, а лишь смещает центр неопределённости с одного уровня на другой. Ведь сами по себе страдания – также категория оценочная, лишённая чётких количественных и качественных критериев в уголовном праве. В результате создаётся многоуровневая неопределённость, нарушающая принцип правовой ясности (legal clarity) и противоречащая требованиям предсказуемости уголовной ответственности.

Таким образом, допустимое толкование возможно лишь через устойчивые, определённые термины, обладающие правовой или языковой определённостью. Это обеспечивает не только методологическую прозрачность, но и сохраняет правовую определённость.

В контексте закономерностей толкования уголовно-правовых норм с оценочными признаками значимым правилом выступает закономерность зависимости правовой интерпретации от уровня развития доктрины и судебной практики. Эта закономерность предполагает, что точное и правомерное уяснение смысла оценочных категорий невозможно без опоры на достижения правовой науки и устойчивую интерпретационную практику. Как подчёркивает Т.В. Кашанина, ключевую роль в этом процессе играет доктринальное толкование, которое, являясь результатом системной научной рефлексии, обеспечивает содержательную устойчивость, категориальную определённость и концептуальную обоснованность оценочных понятий[110]. Сходную позицию развивает В.Н. Борков, интерпретируя уголовно-правовую доктрину как внутреннее содержательное измерение закона, обеспечивающее согласование между его формальной текстуальностью и материальной справедливостью. По его мнению, реализация принципа законности невозможна без оценки степени

[110] См.: Кашинина Т. В. Оценочные понятия в советском праве. дис., Свердловск, 1974, С. 145

общественной опасности деяния, осуществляемой как в процессе криминализации, так и в рамках судебной квалификации[111]. При этом оценочные признаки состава преступления наполняются содержанием не автономно, а в процессе институционального взаимодействия между текстом закона, правоприменительной практикой и доктриной.

Таким образом, данная закономерность требует, чтобы толкование оценочных понятий строилось как на теоретическом фундаменте правовой науки, так и на анализе сформированной судебной практики, что позволяет достичь баланса между научной строгостью и практической применимостью уголовно-правовой интерпретации.

Критерии уточнения содержания отдельных оценочных признаков необходимо искать также в различных сферах человеческой жизнедеятельности, а имеющиеся в этих сферах теоретические и практические интерпретации следует использовать в качестве основы при раскрытии содержания оценочных признаков. В связи с этим следует сослаться на позицию М. И. Ковалёва, согласно которой для обоснования применения конкретной нормы к общественно опасному деянию и для уточнения содержания оценочного признака необходимо использовать также понятия и определения, выработанные в других отраслях науки – таких как филология, философия, социология, физика, химия и другие[112].

Например, оценочное понятие «особая ценность» раскрывается не только исходя из денежной стоимости объекта, но также с учётом его роли и значения для истории, науки и культуры. Это, в свою очередь, предполагает, что правоприменитель должен учитывать подходы и основные правила, существующие в соответствующих сферах. Следует иметь в виду, что в подобных случаях, при отсутствии необходимых знаний о соответствующей сфере, правоприменитель, чтобы избежать возможных ошибок в процессе квалификации, должен обратиться за помощью к специалистам данной области.

---

[111] См.: Борков В. Н. Принцип законности и уголовно-правовая доктрина / В. Н. Борков // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2024. – № 3(110). – С. 19-29.

[112] См.: Ковалев М. И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе// Советское государство и право. 1973, С. 70:

В контексте закономерностей толкования уголовно-правовых норм с оценочными признаками может быть сформулировано так же следующее методологическое правило конкретизации через нормативное сходство: уточнение содержания оценочного признака допустимо посредством сопоставления с аналогичными или близкими по смыслу понятиями, уже раскрытыми в уголовном законодательстве.

Данная закономерность исходит из системного подхода к праву и предполагает, что при отсутствии прямого легального определения оценочного признака правоприменитель должен оперировать к уже закреплённым в законе дефинициям и категориям, обладающим нормативной схожестью. Это правило особенно актуально в случае понятий, значение которых можно вывести из контекста смежных норм. Так, например, если термин «насильственные действия сексуального характера» не имеет прямого определения в Уголовном кодексе, то он может быть уточнён путём сопоставления с легально определённым понятием «изнасилование», закреплённым в статье 131 УК РФ. В этом случае интерпретация основывается на нормативно верифицируемом сходстве.

Отдельным выражением данной закономерности является принцип контекстуальной аналогии, применимый к конструкциям с элементом «иные» – например, «иные тяжкие последствия». В таких случаях толкование должно происходить через отсылку к уже перечисленным в норме последствиям, приравниваемым по степени общественной опасности. Это обеспечивает соблюдение принципа правовой определённости и не допускает произвольного расширения содержания оценочного признака. Следовательно, данное правило направлено на ограничение субъективного усмотрения и укрепление объективности уголовно-правовой квалификации.

На основе всего анализа, сформулируем основные правила (закономерности) толкования оценочных признаков, и так:

1. Закономерность (правило) нормативной ограниченности толкования. Толкование оценочных признаков должно осуществляться в пределах нормативного смысла, заложенного в уголовно-правовой норме, и не может

приводить к созданию нового юридического содержания. Интерпретация допустима лишь в рамках существующей правовой конструкции и должна быть направлена на конкретизацию воли законодателя, выраженной в тексте закона. Расширительное или субъективистское толкование, не основанное на системном, грамматическом, историко-правовом и доктринальном анализе, недопустимо, так как нарушает принцип законности и подменяет правоприменение правотворчеством. Соответственно, правовая интерпретация должна быть методологически сдержанной и поэтапной, опирающейся на легальные определения, контекст нормы, судебную практику и научную доктрину.

2. Закономерность (правило) интеграции экстраправовых стандартов в толкование. Толкование оценочных признаков уголовно-правовых норм требует интеграции экстраправовых (внеюридических) критериев оценки, находящихся в содержательном согласии с принципами и целями уголовного закона. Поскольку оценочные категории по своей природе не имеют жёстко закреплённого нормативного содержания и представляют собой результат соотнесения правовой нормы с внеюридическими аксиологическими и социокультурными представлениями, их адекватное толкование невозможно без обращения к общепринятым моральным, профессиональным и научным стандартам. Однако применение этих ориентиров должно происходить в строгом соответствии с принципом законности, не нарушая нормативные пределы нормы. Таким образом, правоприменение должно осуществляться в форме сбалансированной интеграции юридических и экстраюридических смыслов, обеспечивая и нормативную определённость, и соразмерность решения современным условиям общественного развития.

3. Закономерность (правило) ситуативной обусловленности толкования оценочных признаков. Смысл оценочного признака в уголовном праве формируется в контексте конкретной правовой ситуации, что предопределяет необходимость его ситуативно-чувствительной и контекстуально ориентированной интерпретации. Оценочные признаки не обладают изначально фиксированным нормативным содержанием и раскрываются только при соотнесении с конкретными фактами

дела, формируя тем самым значение ad hoc – применительно к каждой отдельной ситуации. Данная специфика требует от правоприменителя комплексного анализа обстоятельств, юридически значимых для уголовно-правовой оценки, и выбора релевантных критериев, соразмерных природе деяния и общественной опасности. При этом ситуативная гибкость в толковании должна сочетаться с соблюдением принципов законности и правовой определённости, что обеспечивает сбалансированность между адаптацией нормы к конкретному случаю и её нормативной стабильностью.

4. Закономерность (правило) историко-нормативной обусловленности толкования оценочных признаков. Толкование оценочных признаков в уголовном праве требует обязательного учёта их нормативного происхождения и историко-семантической эволюции. Оценочные категории формируются не как произвольные конструкты, а как результаты историко-культурного синтеза, возникшего на пересечении правовой доктрины, правоприменительной практики и общественного правосознания. Поэтому адекватное их понимание невозможно вне анализа исторического контекста, в котором они возникли и трансформировались. Особенно актуальным становится такой подход в случаях, когда уголовно-правовая терминология сохраняет концепты, заимствованные из предшествующих правовых систем. Их содержание может радикально отличаться в зависимости от аксиологических и институциональных реалий конкретной эпохи. Следовательно, толкование оценочных признаков должно включать историческую реконструкцию их значения, обеспечивающую как корректность правоприменения, так и его легитимность в глазах общества.

5. Закономерность (правило) морально-нравственной обусловленности толкования оценочных признаков. Толкование уголовно-правовых оценочных признаков предполагает интеграцию морально-нравственных ориентиров как внутренне присущего элемента интерпретационного процесса. Смысловое содержание оценочных категорий формируется на стыке правовой нормативности и этико-культурной обусловленности, что придаёт морали не внешнюю, а структурную функцию в юридическом осмыслении таких понятий. Нормы морали,

этики и эстетики выступают, с одной стороны, в роли содержательных индикаторов, позволяющих конкретизировать оценочные признаки, тесно связанные с аксиологической природой. С другой стороны, они выполняют роль ценностного фильтра, легитимирующего полученные правовые выводы через призму общественного чувства справедливости. Таким образом, моральные ориентиры становятся не факультативным, а обязательным методологическим инструментом, обеспечивающим как социальную верификацию правовой интерпретации, так и устойчивость правоприменительной практики в контексте изменяющихся этико-культурных представлений.

6. Закономерность (правило) динамичности и эволютивности толкования оценочных понятий. Толкование оценочных признаков в уголовном праве должно основываться на принципе нормативно-допустимой интерпретационной адаптации, при которой содержание правовой нормы соотносится с изменяющимися социальными, политико-правовыми и аксиологическими условиями. Данная закономерность основывается на признании права как живой и развивающейся системы (living law), в которой оценочные категории – ввиду своей смысловой открытости и нормативной неопределенности – подвержены контекстуальной переинтерпретации.

Особое значение при этом приобретает концепция эволютивного толкования, согласно которой правовая норма подлежит осмыслению «в свете сегодняшнего дня». Это позволяет сохранить её применимость и соответствие современной правовой реальности без нарушения принципа правовой определённости. Таким образом, интерпретационная динамика выступает как институционально закреплённая закономерность, обеспечивающая гибкость толкования при сохранении правовой преемственности и нормативной устойчивости уголовно-правовой системы.

7. Закономерность (правило) запрета интерпретационной неопределённости (принцип смысловой непрерывности). При толковании уголовно-правовых норм, содержащих оценочные признаки, недопустимо раскрытие одного неопределённого понятия через иное столь же неопределённое,

поскольку это нарушает принцип правовой определённости и создаёт эффект цепной интерпретационной неопределённости. Данная закономерность исходит из базового требования правовой ясности, согласно которому каждое правовое понятие, особенно используемое для описания преступного деяния, должно иметь нормативно обозримое и предсказуемое содержание. Интерпретация оценочных признаков должна опираться на термины, обладающие нормативной или языковой определённостью, иначе нарушается структура правового регулирования и усиливается произвольность правоприменения.

8. Закономерность (правило) опоры на доктрину и судебную практику. Толкование уголовно-правовых оценочных признаков должно основываться на доктринально сформулированных подходах и устоявшейся судебной практике, поскольку только совокупность научного и практического интерпретационного опыта обеспечивает правовую определённость и предсказуемость применения нормы. В условиях высокой абстрактности и аксиологической загруженности оценочных понятий, доктринальное толкование выполняет системообразующую функцию: оно структурирует понятийную рамку, формирует интерпретационные стандарты и служит фильтром от субъективизма. Таким образом, интерпретация оценочных признаков должна быть одновременно доктринально легитимированной и только в этом случае она соответствует требованиям правовой определённости, системности и профессионального стандарта толкования.

9. Закономерность (правило) междисциплинарной интерпретации оценочных признаков. Толкование оценочных признаков требует привлечения междисциплинарных знаний и интеграции научных подходов из смежных отраслей, поскольку значительное число таких категорий формируется на стыке права и иных сфер человеческой жизнедеятельности. Данная закономерность исходит из признания того, что многие оценочные категории уголовного права, особенно те, что апеллируют к культурным, научным, социальным или моральным ценностям, не могут быть корректно истолкованы исключительно на основе внутренней логики уголовного закона. Их содержательное наполнение часто опирается на внешние, нередко специально-научные критерии, выработанные в

рамках иных дисциплин –таких как философия, этика, история, культурология, искусствознание, медицина, экономика и др. Необходимо учитывать методологические подходы, существующие в соответствующих научных сообществах, а в случае отсутствия у правоприменителя нужной компетенции – прибегать к помощи специалистов в конкретной области. Это позволяет не только уточнить содержательные границы понятия, но и обеспечить его объективную верифицируемость.

10. Закономерность (правило) нормативной конкретизации через системное сходство. Толкование оценочного признака должно, при отсутствии его прямого легального определения, осуществляться на основе нормативного сопоставления с аналогичными или смежными правовыми категориями, уже раскрытыми в уголовном законе. Данная закономерность опирается на системный подход к интерпретации уголовного законодательства и предполагает использование уже существующих легальных дефиниций в качестве смысловых ориентиров. Такая методика позволяет ограничить правоприменительное усмотрение и снизить риск произвольного расширительного толкования. Конкретизация значения оценочного признака осуществляется через анализ семантически или функционально схожих понятий, обладающих нормативной верифицированностью.

Таким образом, анализ интерпретационных подходов к оценочным признакам в уголовном праве позволяет выделить устойчивую совокупность закономерностей, формирующих методологическое основание их толкования. К числу ключевых правил относятся: необходимость соблюдения нормативных пределов интерпретации, запрет на толкование одного неопределённого признака через другой, интеграция внеправовых и моральных ориентиров, ситуативная конкретизация, обращение к историко-нормативному контексту, эволютивность интерпретации, а также опора на доктринальные и судебные источники, в том числе на нормативное сходство смежных правовых категорий.

Анализ эмпирических данных, полученных в ходе опроса прокуроров РФ и РА, свидетельствует о существенных различиях в восприятии источников

толкования оценочных признаков. В российской правоприменительной традиции приоритет отдан закону и официальным разъяснениям (49%), что отражает доминирование формально-догматического подхода и стремление минимизировать риск произвольного толкования. В то же время значительная часть респондентов (26%) допускает необходимость комплексного подхода, сочетающего закон, судебную практику и доктрину, однако судебные прецеденты и научные позиции рассматриваются как вспомогательные. Армянские прокуроры демонстрируют иное восприятие: почти половина (48,9%) поддерживают интегративную модель, где все источники толкования действуют во взаимосвязи, а закон и судебная практика имеют равное значение. Эти различия подтверждают так же необходимость учитывать особенности национальной правовой системы при анализе природы и пределов применения оценочных признаков.

И так, вышеуказанные закономерности фиксируют, что интерпретация оценочных понятий – это сложный когнитивно-правовой процесс, сочетающий формально-юридическую строгость и гибкую аксиологическую чувствительность. Именно соблюдение совокупности указанных правил позволяет обеспечить баланс между правовой определённостью и справедливостью правоприменения, исключить произвол в квалификации и тем самым сохранить доверие к уголовно-правовому регулированию как инструменту защиты высших общественных ценностей.

ГЛАВА 3.
КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ОЦЕНОЧНЫМ ПРИЗНАКАМ СОСТАВА

§ 3.1. Проблемы квалификации преступлений при наличии в их составе оценочных признаков и пути их разрешения

Квалификация преступлений представляет собой одно из фундаментальных понятий науки уголовного права, поскольку именно от точности ее осуществления зависит легитимность уголовно-правового воздействия и эффективность реализации предупредительной и карательной функций уголовного закона. Правильная квалификация обеспечивает не только соответствие совершенного деяния уголовно-правовой норме, но и позволяет наиболее полно реализовать принципы законности, справедливости и индивидуализации наказания. Этот процесс требует глубокого изучения фактических обстоятельств дела и их соотнесения с установленными законодателем признаками преступления, что обусловливает сложность правоприменительной деятельности в данной сфере.

Согласно В. Н. Кудрявцеву, квалификация преступлений представляет собой процесс установления и юридического закрепления точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, закрепленного в уголовном законе[113]. Л. Л. Кругликов, поддерживая это определение, акцентирует внимание на единстве деятельности и ее результата, уточняя, что уголовно-правовая квалификация заключается в процессе соотнесения (сопоставления) признаков совершенного деяния с признаками состава преступления. Итогом данной деятельности является либо констатация их совпадения, что влечет привлечение лица к уголовной ответственности, либо установление их несовпадения, что исключает возможность квалификации деяния как преступления[114].

---

[113] См.: Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1972. С. 7–8.

[114] См.: Кругликов Л.Л. О конструировании квалифицированных составов преступлений / Л.Л. Кругликов // Известия высш. учеб. заведений. Правоведение. 1989. № 2. С. 43–49.

При этом правоприменительная практика показывает, что на начальных этапах квалификации преступления юридическая природа оцениваемого события далеко не всегда очевидна. Данная неопределенность может быть обусловлена различными факторами, среди которых не последнее место занимает использование законодателем оценочных признаков. Оценочные категории, заложенные в уголовном законодательстве, неизбежно оказывают влияние на квалификацию преступлений.

В этом контексте стоит отметить, что результаты опроса показывают, что прокуроры в обеих странах преимущественно рассматривают оценочные признаки как фактор, усложняющий процесс квалификации преступлений: эту позицию разделяют 67,7% респондентов в России и 52,2% в Армении. Российские прокуроры наибольшие трудности связывают со сравнительно-оценочной природой признаков (38,5%), отражающей необходимость сопоставления фактических обстоятельств с неформализованной шкалой ценностей, что прямо затрагивает проблему правовой определённости и единообразия практики. Для прокуроров Армении наибольшие сложности обусловлены ситуативной адаптивностью (32,6%) и институциональной зависимостью конкретизации (30,4%), что связано с нестабильностью судебных ориентиров в условиях недавней реформы уголовного законодательства[115]. Вместе с тем в Армении существенно выше, чем в России, доля тех, кто видит в оценочных признаках упрощающий потенциал (28,3% против 17,7%), что указывает на возможность их восприятия как инструмента адаптации закона к конкретным ситуациям.

Специфический характер квалификации преступлений, содержащих оценочные признаки, обусловлен принципиальной особенностью их интерпретации. Как справедливо отмечает И. В. Андреев, вывод о содержании оценочных признаков делается на основе изучения явления, в отличии от неоценочных, где в начале выясняется совокупность признаков, а затем

[115] См.: Бегоян Л.А. Сравнительный анализ практики применения оценочных признаков в уголовном праве России и Армении / Л. А. Бегоян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 10. – С. 89-94.

устанавливается их наличие в конкретном явлении[116]. Из данного вывода следует, что в отличие от неоценочных признаков, установление которых начинается с понимания четко определенной совокупности объективных и субъективных элементов состава преступления, оценочные категории требуют предварительного анализа самого явления, подлежащего квалификации. Лишь после этого становится возможным определить, соответствует ли оно тем характеристикам, которые законодатель вложил в соответствующий оценочный признак. Следовательно процесс квалификации приобретает не только юридический, но и содержательный, аналитический характер. Именно этот фактор делает квалификацию преступлений с оценочными признаками состава более сложной и подверженной субъективному усмотрению правоприменителя.

Процесс квалификации преступлений с оценочными признаками состава представляет собой многоаспектную правоприменительную деятельность, охватывающую несколько фундаментальных элементов: субъект, предмет, основание и характер оценки. Субъект оценки – это правоприменитель (следователь, прокурор, судья), который, опираясь на нормы уголовного права, анализирует обстоятельства конкретного дела и устанавливает, соответствует ли рассматриваемое деяние признакам состава преступления, содержащего оценочные категории. Предмет оценки охватывает само правовое явление или конкретное поведение, подлежащее квалификации, его соответствие нормативным требованиям и критериям уголовно-правовой ответственности. Основание оценки включает в себя нормативные предписания, правовые принципы, судебную практику, а также доктринальные подходы, формирующие правовые ориентиры для интерпретации оценочных понятий. Характер оценки может быть как объективным, опирающимся на четкие правовые критерии и установленные стандарты, так и субъективным, зависящим от индивидуального правосознания и опыта правоприменителя. В каждом из этих элементов потенциально могут возникать проблемы, обусловленные как семантической неопределенностью

[116] См.: Андреев И.В. Теоретико-правовые основы квалификации преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2001. С.12.

самого оценочного признака, так и дискретностью правоприменительного усмотрения, что требует комплексного анализа.

Современные процессы цифровой трансформации уголовного права, глобализация и трансграничная преступность кардинально изменяют механизмы правоприменения, в том числе в аспекте квалификации преступлений с оценочными признаками состава. В этом контексте особую актуальность приобретает проблема субъекта квалификации, поскольку цифровизация не только расширяет спектр преступлений, но и усложняет процесс их правовой оценки. Оценочные признаки, традиционно используемые в уголовном законодательстве, требуют переосмысления в условиях изменяющихся социальных, экономических и технологических реалий. Данное обстоятельство неизбежно сказывается на субъективном факторе квалификации преступлений, поскольку правоприменители вынуждены адаптировать традиционные правовые конструкции к динамичным условиям цифровой среды.

В этом контексте, как справедливо отмечают многие исследователи, анализируя природу оценочных понятий, правосознание правоприменителя играет ключевую роль в их интерпретации и конкретизации. Действительно, правосознание оказывает непосредственное влияние на процесс уяснения и раскрытия смысла оценочных выражений, поскольку, подчиняясь своему правосознанию, правоприменитель в итоге принимает важное процессуальное решение: охватывается ли содержанием оценочного признака имевшее место в действительности событие или нет. Это особенно актуально в цифровую эпоху, когда традиционные механизмы квалификации преступлений сталкиваются с новыми технологическими вызовами, порождающими неопределенность в определении границ преступного поведения. Правоприменитель оказывается в ситуации, когда его правосознание и профессиональный опыт играют решающую роль в квалификации преступлений.

Однако, правосознание – это форма общественного сознания, содержащая взгляды, идеи и чувства людей относительно правовых явлений[117]. Следовательно правосознание – категория субъективная, зависящая не только от уровня профессиональной подготовки, но и от личных убеждений, социального контекста и правоприменительной среды. В результате различия в правосознании разные правоприменители могут приводить к различным решениям по идентичным делам, что, в свою очередь, угрожает принципам единообразия практики и правовой определенности.

В этом контексте с критической позицией выступает Н. Ф. Кузнецова, которая возражает тем авторам, которые полагают, что оценочные признаки определяются не законодателем, а правоприменителем. По ее мнению, подобная точка зрения противоречит принципу законности, который выражается в латинской максиме nullum crimen sine lege («нет преступления без указания в законе»)[118]. Исходя из этого, Н. Ф. Кузнецова подчеркивает, что любые оценочные признаки должны быть закреплены в законе, поскольку без их нормативного выражения они не могут являться элементами состава преступления.

Однако, если следовать предложенной Н. Ф. Кузнецовой концепции, возникает риск излишней регламентации уголовного законодательства, что может привести к перегруженности кодекса и усложнению его применения. На практике это выразится в чрезмерном усложнении норм, затрудняющем их толкование и использование в реальных правоприменительных ситуациях. Вместе с тем, при строгой нормативной фиксации оценочных признаков возникает риск чрезмерной формализации уголовного законодательства, что может затруднить адаптацию права к изменяющимся реалиям цифровой среды. В цифровом пространстве преступные деяния могут проявляться в новых формах, которые трудно заранее предугадать и закрепить в уголовном кодексе. В этом случае чрезмерная формализация норм приведет либо к пробелам в законодательстве, либо к

---

[117] См.: Авагян А. Р. Проявление правосознания общества в политических процессах: специальность «Политические институты и процессы»: дис.канд. наук / Ереван. – 2015.- С. 68.

[118] См.: Кузнецова Н.Ф.. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу "Основы квалификаций преступлений", 2007, С. 154-155.

необходимости постоянного внесения изменений в уголовное законодательство, что не всегда возможно в оперативные сроки.

Таким образом, можно утверждать, что правоприменительная деятельность предполагает не только формальное следование нормативным предписаниям, но и их осмысленное и целенаправленное применение в соответствии с целями и задачами уголовного законодательства. В этом контексте внутреннее убеждение правоприменителя, основанное на его профессиональном правосознании, в условиях цифровой трансформации уголовного права, играет ключевую роль, так как именно оно обеспечивает процесс квалификации преступлений, содержащих оценочные признаки. Однако для того, чтобы реализация этого убеждения соответствовала требованиям закона, необходимо, чтобы субъект правоприменения обладал достаточно высоким уровнем профессионального правосознания, который включает не только юридическую компетентность, но и широкий кругозор в различных сферах общественной жизни.

Правоприменитель, принимающий решения, связанные с оценочными признаками, должен не просто обладать юридическими знаниями, но и быть способным к их интерпретации с учетом социальных, экономических, политических и нравственных аспектов. Следовательно, квалификация преступления, содержащего оценочный признак, требует от правоприменителя не только знаний уголовного закона, но и способности анализировать широкий спектр факторов, влияющих на правовую оценку конкретного деяния[119].

Следующая ключевая проблема, влияющая на характер оценки при квалификации преступлений с оценочными признаками состава, непосредственно связана с реализацией усмотрения в праве. Важно подчеркнуть, что в рамках уголовного права применение оценочных понятий практически всегда сопряжено с реализацией усмотрения, поскольку требует от судьи или иного правоприменителя самостоятельного определения содержания нормы

[119]См.: Бегоян Л. А. Содержание и признаки оценочных понятий в уголовном законодательстве Российской Федерации / Л. А. Бегоян // Криминалистъ. – 2025. – № 1(50). – С. 3-8.

применительно к конкретному случаю. Другими словами, оценочные понятия являются одним из законодательных источников судейского усмотрения.

Отношение к усмотрению в праве двояко: с одной стороны, это – объективная необходимость, диктуемая процессом применения общего правила поведения к конкретной жизненной ситуации. Вместе с тем даже в этом плане усмотрение хотя и предполагает определенную свободу выбора при принятии решений в уголовном судопроизводстве, но эта свобода не является абсолютной. Она должна осуществляться с соблюдением основополагающих принципов, предусмотренных Конституцией РФ, УК РФ и УПК РФ. Незыблемый постулат здесь один: не должно быть свободы выбора между законным и незаконным решением[120].

В условиях цифровой реальности, когда правоприменитель сталкивается с новыми формами преступлений, не всегда имеющими прямые аналогии в традиционных уголовно-правовых конструкциях, границы судебного усмотрения становятся более подвижными. Многие преступные действия совершаются анонимно, имеют сложные схемы взаимодействия субъектов и часто выходят за рамки традиционных юридических концепций. Например, такие категории, как «массовое распространение информации», «значительный ущерб», «особая жестокость» или «неправомерное воздействие» в цифровом пространстве требуют новой интерпретации, так как традиционные критерии, основанные на физических, экономических или моральных последствиях преступления, не всегда могут быть применимы в цифровой среде. В этом аспекте судейское усмотрение приобретает особую роль, так как именно оно становится инструментом наполнения правовых норм необходимым содержанием.

Судейское усмотрение в уголовном праве является объективной необходимостью, обусловленной природой оценочных признаков. Как отмечает М. А. Кауфман, судейское усмотрение – это «обусловленный несовершенством действующего законодательства и принятый на основе правосознания, уголовно-

[120] См.: Жевлаков Э. А., Звечаровский И. Э., Лунеев В. В., Наумов А. В., Плешаков А. М., Сергеев А. М. Усмотрение в уголовном праве и процессе // Уголовное право. – 2020. – № 3. – С. 3–12.

правовых и общих принципов права выбор правоприменителем такого, облеченного в процессуальную форму решения, которое прямо не вытекает из содержания уголовного закона, а иногда и не совпадает с его «буквой» и волей законодателя»[121]. Данная дефиниция актуальна для современной цифровой среды, где существующие уголовно-правовые нормы не всегда могут в полной мере охватить новые социальные и технологические явления, что приводит к необходимости адаптации норм уголовного закона с помощью правоприменительной практики.

Немного иной подход к данному понятию просматривается у Ю. В. Грачевой. Критикуя позицию М. А. Кауфмана, она отмечает: «...усмотрение – это не сам выбор, а правомочие на осуществление этого выбора, т.е. право на осуществление выбора в пределах, очерченных законом, которым наделяется правоприменитель. В одних случаях эти границы четко обозначены (например, нижний и верхний предел санкции), в других они приблизительны, имеют только некоторый контур (например, в случае с оценочными понятиями)». Ю. В. Грачевой приводится следующее развернутое определение понятия судейского усмотрения: «Судейское усмотрение в уголовном праве – это осуществляемый в процессуальной форме специфический аспект правоприменительной деятельности, предполагающий предоставление судье (следователю, дознавателю) в случаях, предусмотренных уголовно-правовыми нормами, правомочий по выбору решения в пределах, установленных законом, в соответствии со своим правосознанием и волей законодателя исходя из принципов права, конкретных обстоятельств совершения преступления, а также основ морали»[122]. Данное определение акцентирует внимание на многоаспектности судейского усмотрения, указывая на его нормативно установленный характер, обусловленный пределами, установленными уголовным законодательством, а также на взаимосвязь между волей законодателя и индивидуальными решениями правоприменителя.

---

[121] См.: Кауфман А.М. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления: дис.д-ра юрид. наук. М., 2009. С 225.

[122] См.: Грачева Ю.В. «Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения». -Монография, отв.ред. А.И.Чучаев, г.Москва, 2013,- С. 103-104

Необходимо также обратить внимание на процессуальную форму судейского усмотрения, о которой упоминает автор. В отличие от правотворческой деятельности, правоприменительное усмотрение осуществляется в условиях строгого процессуального регламента, что, с одной стороны, обеспечивает его легитимность и предсказуемость, а с другой – ограничивает пределы индивидуального выбора.

Вместе с тем, «судья не должен сознательно корректировать закон, подставляя на место определенно выраженной воли законодателя свою собственную волю, хотя бы его правовому чувству и противоречило вытекающее из текста писаной нормы решение. Но, с другой стороны, судья еще менее должен предаваться культу буквы. Декарт правильно указывает, что голый текст закона не способен дать судье никаких руководящих критериев. Требования, которые предъявляет жизнь, непрерывно изменяются. В старые формы вливается новое содержание. При помощи одних логических операций за этим развитием не уследить. Надо учитывать всю эволюцию наших хозяйственных, этических, государственных и социальных условий».

Первый аспект данной позиции заключается в принципиальной недопустимости произвольного судейского нормотворчества. Судебная власть, действуя в рамках принципа разделения властей, не вправе сознательно искажать волю законодателя или изменять законодательные предписания по своему усмотрению, даже если формальное применение нормы приводит к, казалось бы, несправедливому результату. Это требование коррелирует с принципом верховенства закона и правовой определенности, обеспечивающим стабильность уголовного права и предсказуемость его применения. Данный аспект особенно важен в условиях существования оценочных признаков, поскольку их содержание не всегда может быть однозначно определено, что создает соблазн для судьи восполнять пробелы в законе на основе субъективных критериев. Однако подобное вмешательство подрывает легитимность правоприменительного процесса, а потому должно быть ограничено установленными законом рамками.

В то же время, чрезмерное следование букве закона без учета динамики социальных, экономических и этических условий может привести к правовому догматизму и отказу суда от выполнения его ключевой функции – разрешения правовых конфликтов с учетом принципов справедливости. В этом контексте важной становится проблема адаптивности уголовного права: общественные отношения постоянно эволюционируют, в результате чего содержание некоторых правовых норм, особенно содержащих оценочные признаки, неизбежно изменяется. Следовательно, правоприменитель не может ограничиваться сугубо формально-логическим толкованием закона, а должен учитывать развитие общественных отношений, правовые традиции, морально-этические стандарты и принципы справедливости.

В качестве вывода можно отметить, что оценочные признаки предоставляют вариативность правовой квалификации, но эта вариативность ограничена установленными законом границами, внутри которых осуществляется судебное усмотрение. Судья должен действовать в рамках закона, однако его деятельность не может быть сведена к механическому применению текстуальных предписаний. Напротив, правоприменение требует учета изменяющейся социальной среды, анализа правоприменительной практики, судебных прецедентов и доктринальных подходов.

Одной из фундаментальных проблем квалификации преступлений, содержащих оценочные признаки состава, является влияние интерпретации этих признаков на границы криминализации и декриминализации деяний. Оценочные признаки предоставляют правоприменителю определенную степень свободы в их толковании, что может привести как к избыточной криминализации, так и к неправомерной декриминализации общественно опасных деяний. В основе данной проблемы лежит интерпретационное влияние оценочных категорий на процесс квалификации преступлений, которое может проявляться в широком или узком толковании соответствующих норм. Данная проблема усугубляется в контексте проблем современного уголовного права, когда преступления могут быть

трансграничными, многоэпизодными и сложными для однозначной правовой оценки.

Криминализация преступлений на основе оценочных признаков может происходить в результате чрезмерно широкого или расширительного толкования уголовного закона. Если правоприменитель трактует оценочное понятие, например, «значительный ущерб» или «особая жестокость», исходя не из единых правовых стандартов, а на основе субъективного восприятия или ситуативного подхода, это может привести к излишнему расширению сферы уголовной ответственности. Такой подход имеет несколько серьезных последствий. Во-первых, происходит подмена законодательной функции правоприменительной, когда суд фактически самостоятельно определяет границы преступного и непреступного поведения. В этом контексте Н. А. Лопашенко, например, пишет, что речь должна идти только о таких оценочных категориях в уголовном законе, без которых невозможно обойтись и которые не влияют на криминализацию деяния[123]. Во-вторых, избыточная криминализация способствует перегрузке уголовной юстиции, увеличивая количество дел, требующих судебного разбирательства, что снижает эффективность правоохранительной системы.

С другой стороны, оценочные признаки могут использоваться для искусственного сужения пределов уголовной ответственности, что ведет к неправомерной декриминализации общественно опасных деяний. Такой риск возникает, когда суды или следственные органы применяют ограничительное толкование оценочных понятий, в результате чего отдельные преступные деяния выводятся за рамки уголовного законодательства. Примером проблемного применения оценочных категорий в процессе декриминализации является институт малозначительности. Понятие малозначительности деяния является классическим оценочным признаком, и его применение в судебной практике нередко вызывает противоречия. Судьи, опираясь на собственное правосознание и правовые доктрины, могут считать деяние малозначительным, что фактически

[123] См.: Лопашенко Н.А. Еще раз об оценочных категориях в законодательных формулировках преступлений в сфере экономической деятельности // Уголовное право. 2002. № 2.

освобождает лицо от уголовной ответственности. Однако отсутствие четких критериев оценки малозначительности приводит к ситуации, когда одни и те же деяния в разных случаях могут по-разному квалифицироваться.

Чрезмерное сужение границ преступности деяния может ограничивать превентивный потенциал уголовного права. Если критерии признания деяния преступным формулируются нечетко и правоприменители исключают определенные действия из сферы уголовного преследования, это создает благоприятную среду для потенциальных правонарушителей. Неправомерная декриминализация также влечет за собой снижение общественного доверия к правосудию, поскольку лица, совершившие фактически общественно опасные действия, могут избежать уголовной ответственности.

В месте с тем, использование оценочных признаков в уголовном законодательстве неизбежно связано с проблемой разграничения преступного и непреступного поведения, особенно в тех ситуациях, где степень общественной опасности криминализированного деяния находится на грани с административными правонарушениями или морально-этическими отклонениями, не требующими уголовно-правовой репрессии. Данный аспект требует особой внимательности и осторожности при включении оценочных категорий в уголовно-правовые нормы, поскольку неоправданное расширение таких признаков может привести к криминализации деяний, не обладающих достаточной степенью общественной опасности.

Как справедливо отмечает С. Д. Шапченко, что использование оценочных признаков должно быть особо осторожным в тех составах преступлений, которые по степени общественной опасности граничат с непреступным поведением, включать же такие признаки нужно преимущественно в квалифицированные виды соответствующих составов преступлений[124]. Данная проблема особенно актуальна для тех составов преступлений, которые по своим объективным признакам могут иметь сходство с непреступными формами поведения. Например, преступления в

[124] См.: Шапченко С.Д. Оценочные признаки в составах конкретных преступлений. Диссертация к.ю.н. – Киев, 1988. С. 93.

сфере экономической деятельности, нарушения правил безопасности, преступления против чести и достоинства нередко представляют собой сложные явления, граничащие с административными проступками или даже гражданско-правовыми нарушениями. В таких случаях наличие оценочных категорий может привести к произвольной криминализации действий, которые в иной ситуации могли бы не подпадать под уголовно-правовой запрет.

Для минимизации рисков, связанных с неопределенностью границ криминализации при квалификации преступлений с оценочными признаками состава, представляется обоснованным внедрение ряда научно обоснованных решений. В первую очередь целесообразно ограничение применения оценочных признаков в составе криминообразующих обстоятельств и в диспозициях основных составов преступлений. Наиболее оправданным является использование оценочных признаков в квалифицированных составах преступлений, так как это обеспечивает возможность дифференциации уголовной ответственности, не ставя под сомнение сам факт преступности деяния. Включение оценочных категорий на уровне квалифицированных составов позволяет учитывать степень общественной опасности конкретного преступления и индивидуальные характеристики совершенного деяния, обеспечивая при этом соблюдение принципов справедливости, соразмерности и законности уголовного преследования.

В этом контексте стоит отметить, что результаты опроса свидетельствуют о том, что прокуроры в России и Армении в целом едины во мнении, что наибольшая оправданность использования оценочных признаков наблюдается при характеристике общественной опасности деяния и при описании его последствий. Эти сферы изначально труднее всего поддаются формализации, что объясняет высокую востребованность гибких правовых категорий: 37,9% российских и 34,8% армянских респондентов указали на первый вариант, 37,9% и 32,6% соответственно – на второй. Вместе с тем выявлено различие в отношении к субъективной стороне преступления: в Армении 19,6% опрошенных допускают оправданность оценочных признаков при определении мотивов и целей, тогда как в России – лишь 10,5%. Использование оценочных признаков в

квалифицированных и привилегированных составах получило поддержку у примерно одинакового числа респондентов (13,7% в РФ и 13% в РА), что свидетельствует о согласии практиков в том, что такие категории могут применяться как инструмент дифференциации уголовной ответственности, но не должны доминировать в определении базовых элементов состава.

Современные тенденции развития уголовного права в условиях цифровой трансформации неизбежно приводят к необходимости переосмысления роли судебной практики в интерпретации оценочных признаков. Динамизм судебной практики представляет собой один из ключевых факторов, влияющих на процесс квалификации преступлений, содержащих оценочные признаки. Он связан с тем, что судебные решения по схожим делам могут изменяться под воздействием различных факторов, включая реформирование уголовного законодательства, развитие доктринальных подходов, эволюцию общественных отношений и влияние прецедентной практики высших судов. Данная проблема затрагивает основание оценки, поскольку правоприменительная практика формирует значительную часть критериев толкования оценочных признаков. Однако, чрезмерная изменчивость судебных решений может привести к нестабильности правоприменения и снижению уровня предсказуемости уголовного судопроизводства. Исследование, представленное в работе Ю. Е. Пудовочкина и М. М. Бабаева, позволяет глубже осмыслить соотношение стабильности и динамизма судебной практики, а также выявить пределы допустимости интерпретационных изменений в правоприменении оценочных понятий[125].

Анализируя проблему динамики судебной практики, авторы отмечают, что допустимые изменения судебных подходов возможны в двух случаях. Во-первых, если изменения обусловлены реформированием уголовного законодательства и являются его естественным следствием. Например, если в закон вносятся новые категории преступлений, связанных с цифровыми технологиями, или уточняются

[125] См.: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Динамизм и стабильность судебной практики // Журнал российского права. 2019. С. 57-64.

существующие нормы, это неизбежно приведет к пересмотру квалификационных подходов. Во-вторых, если они представляют собой результат эволюции правоприменительной практики в ответ на выявленные пробелы или недостатки нормативного регулирования. Это характерно, например, для преступлений, связанных с незаконным оборотом цифровых активов, криптовалют и искусственного интеллекта, где судебная практика формируется в отсутствие четких законодательных ориентиров. Однако принципиально важным моментом является то, что изменения судебной практики не должны быть произвольными или вызванными исключительно политическими факторами.

Особый интерес представляет раздел исследования, посвященный правовым последствиям интерпретационной динамики в судебной практике без изменения уголовного закона. Здесь авторы выделяют два типа ситуаций. Первая группа включает изменения, обусловленные необходимостью восполнения нормативных пробелов и повышения эффективности правоприменения. В условиях цифровизации экономики и социальной жизни уголовное законодательство зачастую не успевает за технологическими изменениями, что вынуждает суды самостоятельно уточнять содержание оценочных признаков. Например, преступления, связанные с кибератаками или распространением незаконного контента в сети, требуют новой интерпретации таких категорий, как «значительный ущерб» или «публичное распространение информации». В таких случаях суды вынуждены учитывать не только традиционные уголовно-правовые принципы, но и особенности цифровой среды. Вторая группа охватывает случаи, когда судебные решения принимаются под влиянием внешних политических факторов, что, по мнению авторов, является недопустимым. В данном случае речь идет о ситуации, когда судебные решения принимаются под влиянием политической конъюнктуры или иных внеправовых факторов. Это представляет угрозу для стабильности уголовного права, поскольку суд фактически становится субъектом уголовной политики, определяя содержание норм уголовного закона. Это чревато разрушением баланса разделения властей и может способствовать

чрезмерному расширению дискреционных полномочий судей, что, в свою очередь, создает риск произвольного правоприменения.

Результаты опроса выявили обеспокоенность прокуроров возможностью политизации судебной практики при толковании оценочных признаков. В России большинство респондентов (63,6%) полностью или частично согласны с тем, что чрезмерная изменчивость судебной практики может использоваться в политических целях, однако лишь 21,9% выразили полное согласие, а основная доля (41,7%) ограничилась частичным признанием этой угрозы. В Армении же ситуация более радикальная: 89,2% опрошенных указали на такую возможность, причём почти половина (43,5%) сделали это в категоричной форме. Следовательно, в России выше доля тех, кто не усматривает риска политизации (24% против 8,7% в Армении).

Вместе с тем, изменчивость судебной практики при толковании оценочных признаков воспринимается прокурорами как явление допустимое, но требующее строгого институционального контроля: так считают 58,9% респондентов в России и 56,5% в Армении. Данный результат подтверждает, что практики осознают неизбежность эволюции судебных подходов в условиях изменяющейся социальной и криминологической реальности, но одновременно подчеркивают необходимость ограничителей, исключающих произвольность и непредсказуемость.

Опираясь на проведенные исследования, можно сформулировать несколько ключевых выводов, связанных с динамизмом судебной практики как основания квалификации оценочных понятий. Во-первых, судебная практика должна меняться в соответствии с объективными потребностями правоприменения, но при этом важно обеспечить разумные границы таких изменений, исключая субъективизм и произвольность судебного усмотрения. Во-вторых, судебная практика не должна быть инструментом реализации краткосрочных уголовно-политических целей, поскольку это подрывает принцип независимости судебной власти и снижает уровень доверия к правосудию.

В целях минимизации данных рисков представляется целесообразным предусмотреть механизмы мониторинга и анализа изменений в судебной практике,

направленные на выявление случаев необоснованного отхода от устоявшихся правовых позиций.

Сравнительный анализ отношения прокуроров России и Армении к идее институционального мониторинга судебной практики свидетельствует о высокой степени востребованности данного инструмента. В России большинство респондентов (74%) поддержали необходимость мониторинга, однако преобладает селективная позиция: 41,7% считают его оправданным лишь в отдельных случаях. Армянские прокуроры проявили более радикальный подход: 43,5% указали на безусловную необходимость постоянного мониторинга, а отсутствие отрицательных ответов в совокупности с высокой долей неопределившихся (21,7%) свидетельствует о наличии устойчивого социального запроса на институционализацию этой практики. Таким образом, в обеих странах наблюдается стремление к формированию системных механизмов контроля за эволюцией судебной практики.

В условиях цифровизации преступности проблемы квалификации преступлений с оценочными признаками состава усугубляет проблема манипулирования оценочными признаками. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть основные механизмы манипулирования оценочными признаками в цифровых преступлениях, выявить возникающие правоприменительные трудности.

Прежде всего, одной из ключевых форм манипуляции является искусственное занижение или завышение ущерба, причиненного преступлением, что напрямую влияет на его квалификацию. Цифровая среда предоставляет преступникам инструменты для изменения суммы ущерба, позволяя избежать уголовной ответственности или, напротив, представлять незначительное правонарушение как тяжкое преступление. Помимо этого, распространенной формой манипуляции является подмена юридически значимых данных и цифровых следов, что затрудняет установление истинного характера преступления. В условиях цифровой преступности злоумышленники могут сознательно изменять

или удалять доказательства, создавая видимость меньшей степени общественной опасности своих действий.

Современные технологии позволяют не только совершать преступления, но и искусственно изменять контекст их восприятия, тем самым влияя на оценочные признаки, используемые в уголовно-правовой квалификации. Например, в сфере дезинформации и онлайн-дискредитации преступники могут массово создавать фейковые аккаунты и генерировать ложные жалобы на жертву преступления, дискредитируя ее в глазах общественности и правоохранительных органов.

Еще одной важной проблемой является использование преступниками анонимности и децентрализованных платформ для сокрытия своей роли в преступлении и манипулирования оценочными признаками. В таких условиях даже при наличии объективных доказательств преступления установить субъекта преступного деяния становится практически невозможно, что приводит к сложностям в привлечении к уголовной ответственности.

Таким образом, манипулирование оценочными признаками в цифровых преступлениях представляет собой значительную угрозу для правоприменения, так как приводит к занижению степени общественной опасности преступных деяний, усложняет процесс доказывания и способствует уходу преступников от уголовной ответственности. В условиях цифровой трансформации преступности традиционные методы уголовно-правовой квалификации оказываются недостаточно эффективными, что требует разработки новых подходов к оценке преступлений с учетом специфики цифровой среды. Очевидно, что борьба с манипулированием оценочными признаками требует комплексных решений, включающих как технологические, так и правовые меры. Прежде всего, необходимо разработать унифицированные международные стандарты оценки ущерба в цифровых преступлениях, что позволит избежать разночтений в правоприменительной практике разных стран. Только комплексный подход, включающий интеграцию технологических решений и унификацию правоприменительных стандартов, позволит минимизировать риски

манипулирования оценочными признаками и повысить эффективность уголовного правосудия в цифровую эпоху.

На основе всего вышеизложенного можно сделать несколько научно обоснованных выводов. В условиях цифровой трансформации уголовного права профессиональное правосознание правоприменителя приобретает решающее значение для правильной квалификации преступлений с оценочными признаками. Это обусловлено необходимостью глубокого анализа широкого спектра социальных, экономических, технологических и этических факторов, характеризующих цифровую среду совершения преступлений. Внутреннее убеждение, выступая центральным элементом квалификации, не должно сводиться исключительно к субъективной оценке обстоятельств, а должно формироваться на основе единых правовых стандартов. В качестве предложения представляется обоснованным формирование механизмов совершенствования профессионального правосознания правоприменителей путем внедрения систематического обучения, ориентированного на анализ цифровых правонарушений и развитие компетенций интерпретации оценочных признаков. Разработка единых правоприменительных стандартов толкования оценочных признаков в условиях цифровой среды, включая рекомендации по учету социальных, экономических и технологических аспектов преступлений.

Оценочные признаки предоставляют вариативность правовой квалификации, но эта вариативность ограничена установленными законом границами, внутри которых осуществляется усмотрение. В этом контексте, особого внимания заслуживает позиция К.В. Ображиева, который рассматривает проблему разграничения судебного толкования и судебного нормотворчества. Учёный подчёркивает, что установленные в судебных решениях общеобязательные положения, которые не выводятся из закона, а конкретизируют существующие правовые нормы и обладают нормативной новизной, имеют правотворческий характер[126].

[126] См.: Ображиев К. В. Судебное толкование и судебное нормотворчество: проблемы соотношения // Журнал российского права. – 2010. – № 3. – С. 55–63.

Судебное усмотрение в процессе квалификации преступлений с оценочными признаками состава не может превращаться в альтернативный механизм правотворчества, так как это подрывает фундаментальные основы уголовного законодательства, нарушает принцип верховенства права и ведет к размыванию границ уголовной ответственности. Вместе с тем, отказ от учета изменяющихся социальных, экономических и морально-этических факторов при правоприменении способен привести к правовому догматизму, препятствующему эффективной адаптации уголовного права к современным вызовам.

Для решения обозначенных проблем представляется целесообразным внедрение системного механизма унификации правоприменительных стандартов в части толкования оценочных категорий. Важным направлением совершенствования уголовно-правового регулирования в данной сфере является интеграция научных разработок в процесс правоприменения и законотворчества, что позволит учитывать динамику общественных отношений и нивелировать риски произвольного толкования оценочных признаков. Таким образом, комплексное совершенствование правоприменительной практики и нормативного регулирования позволит устранить риски субъективного толкования оценочных категорий и повысить уровень правовой определенности в уголовном праве.

Одним из ключевых рисков при квалификации преступлений с оценочными признаками состава является неопределенность границ криминализации, которая может приводить к произвольному расширению или, напротив, неправомерному сужению сферы уголовной ответственности.

Для решения данной проблемы целесообразно ограничение использования оценочных признаков в составе криминообразующих обстоятельств и диспозициях основных составов преступлений, поскольку их неопределенность может влиять на сам факт признания деяния преступным.

Оптимальным решением является применение оценочных категорий преимущественно в квалифицированных составах преступлений, что позволит дифференцировать уголовную ответственность без создания неопределенности в вопросе преступности деяния. Это обеспечит возможность учитывать степень

общественной опасности конкретного преступления, его обстоятельства и индивидуальные характеристики виновного, что соответствует принципам справедливости и пропорциональности уголовной ответственности.

В условиях цифровой трансформации уголовного законодательства судебная практика, как основа оценки, формирующая значительную часть критериев толкования оценочных признаков, становится ключевым фактором, влияющим на квалификацию преступлений, содержащих оценочные признаки состава. Однако чрезмерная изменчивость правоприменительных решений может привести к расшатыванию принципа правовой определенности, что особенно опасно в контексте цифровых правонарушений, где критерии ответственности во многом зависят от динамически изменяющихся технических условий. Судебная практика должна меняться в соответствии с объективными потребностями правоприменения, но при этом важно обеспечить разумные границы таких изменений, исключая субъективизм и произвольность судебного усмотрения. Судебная практика не должна быть инструментом реализации краткосрочных уголовно-политических целей, поскольку это подрывает принцип независимости судебной власти и снижает уровень доверия к правосудию.

В связи с этим представляется обоснованным введение механизма институционального мониторинга судебной практики, который позволит фиксировать значимые изменения в правоприменении оценочных признаков и своевременно корректировать законодательство с учетом выявленных проблем. В целях минимизации данных рисков представляется целесообразным предусмотреть механизмы мониторинга и анализа изменений в судебной практике, направленные на выявление случаев необоснованного отхода от устоявшихся правовых позиций. Требуется институциональное разграничение изменений судебной практики, вызванных объективной необходимостью адаптации права к новым вызовам, и решений, обусловленных политическими или конъюнктурными факторами.

Проблема квалификации преступлений, содержащих оценочные признаки, в цифровой среде заключается в наличии высоких рисков манипулирования

правовыми параметрами преступления, что влияет на установление его объективных и субъективных характеристик. Данная проблема обусловлена тем, что современные технологии предоставляют преступникам широкий инструментарий для искусственного изменения юридически значимых характеристик преступных деяний, что влечет за собой риск некорректной квалификации оценочных признаков, а следовательно, нарушение принципов законности, справедливости и соразмерности уголовной ответственности.

Таким образом, в условиях цифровой трансформации уголовного права квалификация преступлений, включающих оценочные признаки, существенно усложняется, что обусловлено возрастающей вариативностью и динамичностью как самих общественных отношений, так и судебной практики их интерпретации. Отсутствие единых стандартов и четких ориентиров толкования создает риски манипулирования и произвольного применения норм, что ведет к снижению правовой определенности и эффективности уголовного правосудия.

Сравнительный анализ показал, что в восприятии прокуроров предсказуемость судебной практики в первую очередь обеспечивается официальными разъяснениями высших судебных органов: данную позицию разделяют 67,7% респондентов в России и 53,3% в Армении. Таким образом, ключевая роль в обеспечении единообразия правоприменения при толковании оценочных признаков отводится судебным актам нормативного характера. При этом около четверти опрошенных в обеих странах (24% в РФ и 26,7% в РА) считают целесообразным решать проблему неопределённости через внесение изменений в уголовное законодательство, что отражает потребность в большей формальной определённости. Более заметной в Армении оказалась и поддержка институционального мониторинга судебной практики (20% против 8,3% в РФ), что свидетельствует о большей восприимчивости армянской правовой системы к аналитическим и координирующим механизмам. В целом же полученные данные подтверждают, что основным инструментом гармонизации и стабилизации судебной практики выступает судебное толкование, тогда как законодательные и организационные меры выполняют вспомогательную функцию.

В целях повышения эффективности уголовно-правовой квалификации преступлений с оценочными признаками в условиях цифровой трансформации представляется необходимым создание институционального механизма мониторинга судебной практики, обеспечивающего выявление тенденций и своевременное реагирование на изменения правоприменительных подходов. Целесообразно внедрить методологию регулярного анализа судебных решений по уголовным делам с оценочными признаками, на основе которой разрабатывать подробные разъяснения и методические рекомендации для судей и иных правоприменителей. Дополнительно представляется перспективным внедрение цифровых инструментов анализа судебной практики, позволяющих выявлять тенденции толкования и предупреждать риски манипулирования оценочными категориями, что, в свою очередь, будет способствовать укреплению единства и предсказуемости правоприменительной деятельности.

§ 3.2. Практика толкования оценочных признаков состава преступления апелляционными и кассационными судебными инстанциями и проблемы переквалификации преступлений

Проблемы переквалификации преступлений, содержащих оценочные признаки в своем составе, занимают особое место в уголовно-правовой науке и практике. Оценочные признаки в силу отсутствия чётких нормативных дефиниций требуют содержательной интерпретации со стороны правоприменителя. Это неизбежно порождает риск несогласованной судебной практики, особенно при изменении квалификации деяния в процессе апелляционного или кассационного пересмотра.

Результаты проведённого опроса показали, что переквалификация дел, обусловленная различным толкованием оценочных признаков, является весьма распространённым явлением как в российской, так и в армянской правоприменительной практике. В России 64,5% прокуроров признали наличие подобного опыта, причём 26% указали на неоднократные случаи, что отражает устойчивый и повторяющийся характер проблемы. В Армении, напротив, основная

часть респондентов (52,2%) указала на редкие случаи переквалификации, что позволяет говорить о менее регулярном, но всё же системном проявлении данной трудности. Вместе с тем, около трети респондентов (30,2% в РФ и 31,1% в РА) прямо указывают на то, что данные категории существенно увеличивают вероятность переквалификации, подтверждая тем самым их роль в формировании правовой неопределённости. Таким образом, выявленные данные подтверждают, что неопределённость содержания оценочных категорий напрямую влияет на устойчивость квалификационной практики и остаётся одним из ключевых источников судебных ошибок и колебаний в уголовно-правовой оценке деяний.

В научной литературе и судебной практике основания для переквалификации принято подразделять на несколько категорий, отличающихся по своей природе:

1. Переквалификация, обусловленная уточнением или изменением фактических обстоятельств. Одной из наиболее частых причин изменения квалификации является поступление в распоряжение правоприменителя новых доказательств, раскрывающих дополнительные элементы объективной или субъективной стороны деяния.

2. Переквалификация, вызванная изменением уголовного законодательства. Всякое изменение уголовно-правовой нормы влечет за собой необходимость анализа вопроса о ретроактивности (обратной силе) соответствующих положений. Переквалификация, обусловленная изменением законодательства, может происходить как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного рассмотрения. Однако применение новых законодательных конструкций без переоценки всех элементов состава преступления может привести к ошибкам, особенно в случае трансформации оценочных признаков, утративших прежнюю юридическую форму или изменивших свое содержание.

3. Переквалификация в результате исправления квалификационной ошибки. В данном случае переквалификация связана не с трансформацией фактического или нормативного материала, а с корректировкой ошибочной интерпретации уже установленных обстоятельств. Ошибки могут носить как логико-догматический, так и методологический характер: неверная трактовка признаков состава,

смешение смежных составов, игнорирование доктринальных позиций и судебных разъяснений[127].

Следует подчеркнуть, что независимо от основания, переквалификация как правовое явление всегда сопряжена с определёнными рисками. С одной стороны, она служит инструментом достижения точной правовой оценки содеянного, с другой – может выступать источником правовой неопределенности и судебного произвола. Особенно остро эти риски проявляются в ситуации, когда переквалификация осуществляется без должного нормативного или доказательственного обоснования, либо сопровождается произвольным обращением с оценочными признаками, что нарушает принцип предсказуемости и равенства в применении закона. Следовательно переквалификация преступлений представляет собой не только технический аспект правоприменения, но и важнейший индикатор качества уголовного правосудия.

В контексте обозначенных проблем следует отметить, что согласно обобщённым статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ[128], в период с 2021 по 2024 годы наблюдается устойчивая тенденция к увеличению числа лиц, осуждённых по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, содержащим оценочные признаки. Для целей настоящего исследования был сформирован отдельный массив статистики, включающий статьи и части статей УК РФ, диспозиции которых содержат оценочные формулировки (например, «значительный ущерб», «иные тяжкие последствия», «особая жестокость» и др.). На основе этой выборки установлено, что количество таких лиц возросло с около 45 000 в 2021 году до порядка 52 000 в 2024 году, при этом ежегодный прирост демонстрирует устойчивую положительную динамику[129].

---

[127] См.: Боева О. Ю. Квалификация преступлений /– Ижевск: Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. – С. 6-13.

[128] См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Официальная статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cdep.ru

[129] Следует отметить, что в официальной статистике Судебного департамента при Верховном Суде отдельной категории «дела с оценочными признаками» не предусмотрено. Приведённые данные получены путём выделения из массива официальной статистики лиц, осуждённых по статьям УК РФ, диспозиции которых содержат оценочные формулировки.

Данная динамика свидетельствует не только о повышении значимости оценочных категорий в уголовно-правовом регулировании, но и о возрастающей сложности их правоприменительного толкования и квалификации. Настоящий параграф основан на анализе нескольких десятков судебных актов апелляционный и кассационных судов РФ, принятых преимущественно в 2023-2024 годах (в целях обеспечения актуальности проведённого исследования). Эти решения демонстрируют спектр практических проблем, возникающих при переквалификации преступлений, содержащих оценочные признаки, и отражают современные вызовы правоприменительной деятельности[130].

Анализ судебной практики показал, что апелляционная инстанция остаётся ключевым механизмом исправления ошибок, связанных с оценочными признаками: на неё приходится подавляющее большинство случаев переквалификации и изменения приговоров. Кассационная инстанция корректирует меньшую часть решений, преимущественно в тех ситуациях, когда нарушения носят системный или принципиальный характер. При этом именно приговоры первой инстанции чаще всего содержат ошибки в части толкования субъективных признаков и абстрактных категорий, что подтверждается их последующим изменением или отменой вышестоящими судами[131].

Анализ судебной практики показывает, что основным основанием для отмены или изменения приговоров выступает неправильное применение уголовного закона. Значительная часть случаев пересмотра связана также с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Реже встречаются ситуации, когда отмена или изменение приговора обусловлены нарушением уголовно-процессуального закона либо совокупностью иных

---

[130] В месте с тем, для сравнительного обобщения в анализ также включены отдельные постановления судов Республики Армения, принятые до 2022 года, то есть до вступления в силу нового Уголовного кодекса РА. Такой выбор обусловлен тем, что судебная практика уже после 2022 года, пока не обладает достаточной степенью стабильности и репрезентативности, находясь на стадии формирования, тогда как решения, вынесенные по старому УК РА, дают возможность проанализировать устоявшиеся подходы к квалификации преступлений с оценочными признаками и выявить структурные проблемы, сохраняющиеся и в условиях нового законодательства.

[131] Следует отметить, что точное количество таких случаев в статистике Судебного департамента не выделяется. Приведённые данные основаны на обобщении массива апелляционных и кассационных актов, в которых исправления были прямо связаны с неправильным толкованием оценочных категорий. Таким образом, указанные цифры носят ориентировочный характер и отражают не абсолютные показатели, а устойчивую тенденцию: именно апелляция выступает основным звеном корректировки ошибок, связанных с оценочными признаками.

факторов. Высокий процент отмен из-за «неправильного применения закона» обусловлен, среди прочего, неопределенностью оценочных признаков и сложностью их толкования. Суды часто по-разному интерпретируют одни и те же оценочные признаки в различных ситуациях.

Таким образом, в центре внимания данного параграфа находятся типичные и повторяющиеся ошибки и затруднения в квалификации преступлений, вызванные использования оценочных понятий при конструировании состава преступлений. Цель анализа – систематизировать эти проблемы, выявить их источники и обосновать необходимость как доктринальной разработки, так и методологического сопровождения процесса квалификации деяний в условиях неопределённости уголовно-правовых понятий.

Характерный пример демонстрирует апелляционное постановление[132], где предметом квалификационного спора стало наличие признака *«хулиганские побуждения».* Суд первой инстанции отнёс действия подсудимого к категории хулиганских, что повлекло квалификацию по п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ. Апелляционная инстанция, напротив, пришла к выводу об отсутствии намерения нарушить общественный порядок и указала, что мотив носил лично-враждебный, а не социально-демонстративный характер. Подобная переквалификация обусловлена неустойчивостью границ между разными мотивационными категориями, что ставит под сомнение единообразие судебной практики и указывает на концептуальную неопределённость признака.

В этом контексте стоит отметить, что подобный пример переквалификации имеется и в практике армянских судов. В частности, в рамках уголовного дела № ВБ-48/08 суды первой и апелляционной инстанций при квалификации мотивов преступления, выразившихся в лишении жизни потерпевшего, пришли к выводу о наличии у обвиняемого мотива мести. В судебных актах отмечено, что за месяц до инцидента обвиняемые нанесли потерпевшему побои, после чего между сторонами установились устойчивые напряжённые личные отношения. В день преступления

---

[132] См.: Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Калмыкия от 29 августа 2024 г. № 22-389/2024 по делу № 1-4/2024 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/HWGTcsnyMzmj/ (дата обращения: 23.11.2024).

возник новый конфликт, в ходе которого стороны вернулись к ранее имевшему место противостоянию, а непосредственно перед убийством обвиняемый озвучил угрозу расправы. Суд квалифицировал указанные обстоятельства как *свидетельство наличия личной неприязни, развившейся в устойчивое враждебное отношение*, ставшее, по мнению суда, основным побудительным мотивом совершённого убийства. Следовательно, суд пришёл к выводу об отсутствии признаков хулиганского мотива, в частности – отсутствия стремления к демонстративному нарушению общественного порядка.

Тем не менее, Кассационный суд Республики Армения, пересматривая приговоры нижестоящих инстанций, подверг критике сделанные ими выводы, указав на ошибочность квалификации мотива преступления как мести[133]. В частности, суд высшей инстанции обоснованно отметил, что месть – это осознанный акт возмездия, направленный на восстановление субъективного чувства справедливости, нарушенного действиями другого лица. Она предполагает причинно-следственную связь между конкретным вредом – физическим или моральным, – и ответной реакцией субъекта. При этом суд подчёркивает, что для признания мотива мести необходимо установить, какие именно действия потерпевшего вызвали формирование чувства обиды у обвиняемого, побудившего его к преступлению. В рассматриваемом случае такие действия со стороны потерпевшего не были надлежащим образом определены.

Таким образом, по мнению высшей судебной инстанции, поведение обвиняемого более убедительно свидетельствует о наличии хулиганского мотива, как он традиционно понимается в уголовно-правовой доктрине – то есть как мотив, отражающий намерение нарушить общественный порядок, противопоставить себя обществу и продемонстрировать безнаказанность.

Анализ апелляционного постановления № 22-5754/2024 от 16 августа 2024 года[134] позволяет выявить актуальные проблемы, связанные с переквалификацией

---

[133] См.: Постановление Кассационного суда Республики Армения от 25 июля 2008 г. По делу № ВБ-48/08 – URL: https://www.arlis.am/hy/acts/47328 (дата обращения: 23.11.2024).

[134] См.: Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан от 16 августа 2024 г. № 22-5754/2024 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/JTwab4l583WT/ (дата обращения: 23.11.2024).

действий обвиняемого, содержащих оценочный признак соучастия. Рассматриваемое дело представляет собой показательный пример сложности разграничения форм соучастия – в частности, соисполнительства и подстрекательства – в условиях недостаточной определённости границ уголовно-правовых категорий.

Первоначально суд первой инстанции квалифицировал действия ФИО1 по ч. 2 ст. 167 УК РФ как умышленное уничтожение имущества, совершённое группой лиц по предварительному сговору. Однако апелляционный суд, проанализировав фактические обстоятельства дела, пришёл к выводу о необходимости изменения квалификации: действия ФИО1 были переквалифицированы на ч. 4 ст. 33, ч. 2 ст. 167 УК РФ, то есть как подстрекательство. Такая правовая коррекция связана с тем, что между участниками отсутствовало согласованное непосредственное исполнение объективной стороны преступления. ФИО1 ограничился передачей информации, указанием на объект посягательства, а также выражением готовности простить материальную задолженность исполнителю.

Таким образом, ключевая проблема заключается в оценочной неопределённости понятия *«группы лиц по предварительному сговору»,* а также в необходимости выделения интеллектуального и физического вкладов в совершение преступления. Суд первой инстанции, по существу, подменил подстрекательство соисполнительством, не установив признаков, необходимых для признания ФИО1 соисполнителем. Это, в свою очередь, нарушило принцип индивидуализации уголовной ответственности и противоречило позиции Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой для квалификации преступления как совершённого группой лиц необходимо наличие предварительного согласия и согласованных совместных действий, направленных на реализацию объективной стороны состава.

Показательно, что апелляционный суд, оценивая доказательства, пришёл к выводу об отсутствии в действиях ФИО1 признаков соисполнительства и наличии лишь подстрекательства. Такое толкование было проведено с учётом степени участия в совершении преступления, характера и содержания действий лица до и

после преступления, а также связи между предложением совершить преступление и фактом его реализации. Следует подчеркнуть, что понятие «*подстрекательства»* также носит явно оценочный характер: закон не содержит исчерпывающего перечня действий, образующих подстрекательство, а значит, правоприменитель при определении роли лица фактически прибегает к правовой интерпретации, что требует особой аргументации и методологической осторожности.

Таким образом, переквалификация действий ФИО1 с ч. 2 ст. 167 УК РФ на ч. 4 ст. 33, ч. 2 ст. 167 УК РФ иллюстрирует, с одной стороны, практическую значимость правильного толкования оценочных признаков, а с другой – нормативную и доктринальную неопределённость категорий, связанных с формами соучастия.

Аналогичная проблема квалификации возникла и в армянской судебной практике. Анализ решения по делу № ЛД/0136/01/10 выявляет типичную проблему формального подхода к квалификации деяния с использованием оценочного признака *«организованная группа».* Как следственные органы, так и суд первой инстанции квалифицировали действия обвиняемых без содержательного анализа признаков, составляющих данную квалифицирующую характеристику. Впоследствии апелляционный суд изменил квалификацию преступления как совершенного группой лиц по предварительному сговору, а кассационная инстанция, подтвердив этот вывод, подчеркнула отсутствие ключевого признака устойчивости группы[135]. Были установлены следующие критически важные характеристики группы: отсутствие постоянной и прочной связи между участниками, несформированность устойчивых способов взаимодействия, слабая координация действий, возможность свободного вхождения и выхода из группы. Таким образом, отсутствие устойчивости, согласованности и профессиональной организации исключает квалификацию как «организованной группы» и указывает на подмену оценочной категории формальной ссылкой.

---

[135] См.: Постановление Кассационного суда Республики Армения от 11 мая 2011 г. По делу № ЛД/0136/01/10. – URL: https://www.arlis.am/hy/acts/71065 (дата обращения: 23.11.2024).

Показательным также является дело № ЕАДД/0028/01/17, в рамках которого апелляционный суд усмотрел в действиях подсудимого наличие отягчающего обстоятельства в виде *«особо активной роли в совершении преступления».* Однако Кассационный суд, осуществив содержательный анализ указанного признака, указал, что простая инициативность и выполнение конкретных поручений (например, передача оружия) не являются достаточными для признания роли как «особо активной»[136]. Данный квалифицирующий признак должен отражать не просто участие, а доминирующее положение субъекта: инициативу, руководство, организацию соучастников, стремление к достижению результата с особым упорством. Следовательно, признание роли «особо активной» требует глубокой индивидуализированной оценки поведения лица, выходящего за пределы обычного исполнения функций соучастника.

Оба приведённых примера наглядно демонстрируют, что недостаточная конкретизация содержания оценочных признаков приводит к судебным ошибкам в части квалификации. Отсутствие глубокого анализа признаков, таких как *«устойчивость»* в составе организованной группы или *«особая активность»*, свидетельствует о том, что правоприменение часто страдает от подмены материально-правового анализа внешними формальными конструкциями. Это, в свою очередь, усиливает актуальность научной проработки границ допустимости оценочных категорий и требований к их содержательному раскрытию в судебных актах.

Значимый пример переквалификации раскрывает апелляционное постановление[137] Оренбургского областного суда от 27 августа 2024 года, которое наглядно демонстрирует, насколько уязвимым оказывается квалификационный процесс в случаях, когда оценочный признак применяется без достаточной фактической аргументации, а также каким образом подобная правовая неопределённость может быть устранена апелляционной инстанцией.

---

[136] См.: Постановление Кассационного суда Республики Армения от 18 августа 2018 г. По делу № ЕАДД/0028/01/17 – URL: https://new.arlis.am/hy/acts/148635 (дата обращения: 23.11.2024).

[137] См.: Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан от 16 августа 2024 г. № 22-5754/2024 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/JTwab4l583WT/ (дата обращения: 23.11.2024).

Суть правового конфликта сводится к следующему: суд первой инстанции признал подсудимого виновным в покушении на кражу, сопряжённую с причинением значительного ущерба (ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ). Однако апелляционная инстанция, тщательно проанализировав материалы дела, пришла к выводу об отсутствии объективных и достаточных оснований для признания причинённого вреда как «значительного», и, следовательно, переквалифицировала действия осуждённого на ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ – покушение на кражу без квалифицирующих признаков.

Таким образом, объектом анализа становится оценочная категория *«значительный ущерб»,* включённая в текст уголовного закона, но не поддающаяся универсальной количественно-стоимостной верификации. Признак «значительности» всегда зависит от конкретных социально-экономических условий, статуса потерпевшего, соотношения суммы ущерба и его доходов, а также множества других контекстуальных обстоятельств.

Еще один пример. Апелляционное постановление № 22-3962/2024 от 12 июля 2024 г[138] представляет собой переквалификацию преступления, вызванную неопределённостью признака *«значительный ущерб»* в рамках ч. 2 ст. 159 УК РФ.

Суд первой инстанции признал в действиях осуждённого наличие данного признака на основании суммы причинённого вреда. Однако апелляционная инстанция пришла к обоснованному выводу о том, что в отношении одного из потерпевших доказательства значительности ущерба отсутствовали. С учетом этого, постановление предусматривает переквалификацию деяния с ч. 2 на ч. 1 ст. 159 УК РФ, что кардинально повлияло на юридическую оценку содеянного и уровень наказуемости.

В соответствии с п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29[139], при определении значительности ущерба суд обязан

---

[138] См.: Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 12 июля 2024 г. № 22-3962/2024 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/NRjlSuEzV6Zl/ (дата обращения: 23.11.2024).

[139] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // *КонсультантПлюс*. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 23.11.2024).

учитывать имущественное положение потерпевшего, его доход, наличие иждивенцев и другие индивидуализирующие факторы. Однако суд первой инстанции проигнорировал данные обстоятельства, ограничившись ссылкой на сумму ущерба, без углублённого анализа её влияния на социальное и экономическое положение потерпевшего. Это свидетельствует о формализации применения оценочных категорий, в отрыве от их сущностного содержания и социального контекста.

По сути, суд заменяет полноценное толкование на формальное соответствие минимальному порогу, что деформирует как уголовно-правовую функцию защиты личности, так и принцип соразмерности уголовной ответственности.

Отсутствие четко установленных количественных показателей приводит к неоднородной судебной практике и армянских судов. В частности, в рамках уголовного дела № КД3/0013/01/18 Апелляционный уголовный суд Республики Армения, рассматривая состав преступления, предусмотренный статьей 315 УК РА (служебная небрежность), отметил, что неисполнение требований, содержащихся в постановлениях, принятых в ходе уголовного судопроизводства, само по себе дискредитирует не только орган, не выполнивший соответствующее постановление, но и орган, осуществляющий уголовное производство в целом. Следовательно, действия, совершаемые в сфере решения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных задач, неизбежно влекут последствия, обладающие уголовно-правовым характером, в данном случае – в форме *причинения существенного вреда*.

Впоследствии Кассационный суд Республики Армения в рамках рассмотрения того же дела выразил несогласие с указанным выводом Апелляционного суда, указав, что любое неправомерное поведение должностного лица, повлекшее определённый ущерб авторитету органов публичной власти или их учреждений, не может само по себе, при отсутствии иных фактических последствий, рассматриваться как причинение *«существенного вреда».* В противном случае, как подчеркнул Кассационный суд, возникла бы неприемлемая правовая презумпция, согласно которой всякое ненадлежащее исполнение

должностных обязанностей в сфере уголовно-правовых или процессуальных функций автоматически влечёт причинение существенного вреда охраняемым законом интересам, что противоречит как логике уголовного права, так и принципу индивидуализации ответственности[140].

Анализ апелляционных постановлений № 22-1048/2024[141], № 22-3678/2024[142] и № 22-865/2024[143] позволяет выявить системные проблемы, возникающие при переквалификации преступлений с оценочными признаками, особенно в условиях трансформации уголовно-правовых норм. Все три судебных акта объединяет общая методологическая слабость правоприменения: в процессе корректировки квалификации суды сталкиваются с неопределённостью как в плане содержания самих оценочных признаков, так и в части их доказуемости в изменившихся нормативных реалиях.

В постановлении по делу № 22-1048/2024 ключевой проблемой переквалификации стало изменение стоимостного порога признака *«крупный ущерб»,* закреплённого в ст. 180 УК РФ. Повышение порога с 250 000 до 400 000 рублей аннулировало основание для квалификации по ч. 4 указанной статьи. Суд первой инстанции отреагировал на законодательную новеллу, переквалифицировав преступление на ч. 3 ст. 180 УК РФ, указав при этом на сохранение иных квалифицирующих признаков, в частности, *«неоднократности».* Однако анализ апелляционного постановления свидетельствует о поверхностном подходе к обоснованию данного признака, который сам по себе имеет оценочный характер и, согласно п. 13 Постановления Пленума ВС РФ № 58 от 22.12.2015, требует установления нескольких самостоятельных эпизодов преступной деятельности. Между тем в материалах дела такие эпизоды не были чётко

---

[140] Постановление Кассационного суда Республики Армения от 20 декабря 2019 г. По делу № КД3/0013/01/18 – URL: https://www.arlis.am/hy/acts/148692 (дата обращения: 23.11.2024).

[141] См.: Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Оренбургского областного суда от 27 августа 2024 г. № 22-1835/2024 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/ZS9YxC9MNa5x/ (дата обращения: 23.11.2024).

[142] См.: Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 22 июля 2024 г. № 22-3678/2024 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/9vL1yJiwLDNr/ (дата обращения: 23.11.2024).

[143] См.: Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Тыва от 16 июля 2024 г. № 22-865/2024 по делу № 1-383/2024 // *СудАкт.ру*. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/rzDhCoXjVeYS/ (дата обращения: 23.11.2024).

выделены, а правовая конструкция «неоднократности» была фактически использована как субститут исчезнувшего признака. Такая практика подмены одного оценочного элемента другим, при отсутствии доказательственной основы, указывает на риски произвольного толкования и возложения уголовной ответственности вне связи с реальными обстоятельствами дела[144].

Схожую правовую проблематику демонстрирует дело № 22-3678/2024, где в связи с принятием Федерального закона № 133-ФЗ от 12.06.2024 произошла переквалификация преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ, на ч. 1 этой же статьи. В этом случае пересмотр обусловлен изменением стоимостных критериев признаков *«крупный»* и *«особо крупный»* размер ущерба. Судом апелляционной инстанции установлено, что ущерб, причинённый по четырем эпизодам, не достиг одного миллиона рублей, а следовательно, перестал подпадать под новую редакцию нормы. Ещё в одном эпизоде ущерб превышал один миллион, но не достиг четырёх миллионов рублей, в связи с чем состав деяния перестал включать признак «особо крупного ущерба». В результате суд произвёл корректировку квалификации преступлений.

Однако при этом возникает проблема переосмысления субъективной стороны деяния, которая, как и размер ущерба, выступает в ст. 165 УК РФ в оценочной форме. Поскольку субъектом преступления является лицо, действующее с корыстной целью, в условиях недобросовестного исполнения договорных обязательств, крайне важно установить умышленную противоправность. В ряде эпизодов сторона защиты указывала на экономический характер правоотношений и отсутствие реального умысла на причинение ущерба, что при отсутствии законодательной определенности оценочных элементов привело к размыванию границ между гражданским и уголовным правом.

Эта же проблема особенно чётко проявляется в деле № 22-865/2024, где была осуществлена переквалификация с п. «б» ч. 2 на ч. 1 ст. 165 УК РФ в связи с тем, что причинённый ущерб в размере 2 060 352 рублей после реформы закона

---

[144] См.: Бегоян Л.А. Сравнительный анализ практики применения оценочных признаков в уголовном праве России и Армении / Л. А. Бегоян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 10. – С. 89-94.

перестал соответствовать признаку *«особо крупного».* Ситуация в данном случае усложняется тем, что разночтения в расчётах ущерба между энергоснабжающими организациями и органами следствия, а также отсутствие унифицированных методов определения объема безучетного потребления электроэнергии, создают фактическую и правовую неопределённость. При этом оценочные признаки, как справедливо отмечается в научной литературе, не могут применяться автоматически: они должны подтверждаться не только формальными критериями (например, суммой ущерба), но и комплексной правовой интерпретацией, учитывающей контекст, форму вины и цели деяния.

Таким образом, анализ трёх рассмотренных дел позволяет выделить следующие системные проблемы переквалификации преступлений с оценочными признаками:

1. *Формальная подмена исчезнувших признаков аналогичными по смыслу, но не подтверждёнными доказательственно,* как в случае с «неоднократностью», которая используется для сохранения повышенной квалификации при утрате признака «крупного ущерба».

2. *Ретроактивное применение закона, устраняющего преступность деяния,* требует не только формального пересчёта ущерба, но и переоценки всех признаков состава, включая оценочные, что нередко не осуществляется должным образом.

В свете вышесказанного, переквалификация в делах с оценочными признаками требует не только механического применения новых редакций закона, но и глубокого анализа правовой природы каждого квалифицирующего признака. Без этого практика сталкивается с риском расширительного и даже репрессивного толкования норм, что противоречит как принципам законности, так и задачам гуманизации уголовного законодательства.

Вместе с тем, стоит отметить, что сравнительный анализ показывает различие подходов к проблеме комплексной переоценки оценочных признаков при нормативной трансформации состава преступления. В России доминирует селективная позиция: 48,4% прокуроров считают необходимым пересматривать оценочные категории лишь при изменении ключевых квалифицирующих

признаков, что отражает прагматичную установку на минимизацию правоприменительных издержек. В Армении, напротив, выше доля сторонников полной переоценки (41,3%), однако значительная часть респондентов (32,6%) затруднилась с ответом, что демонстрирует отсутствие единого стандарта и дискуссионность данного вопроса. При этом отрицание необходимости переоценки чаще встречается среди армянских прокуроров (26,1%), тогда как в России эта точка зрения поддерживается лишь 13,7% опрошенных.

Анализ апелляционного постановления № 22-4285/2024 от 2 августа 2024 г[145] иллюстрирует типичный пример проблем, возникающих при переквалификации преступлений, содержащих оценочные признаки, в особенности – в контексте соотношения множественности преступлений и единичного преступления, основанного на неустойчивых критериях правовой оценки поведения субъекта. Данное дело позволяет выявить сразу несколько критических аспектов правовой неопределённости, характерной для оценочных понятий в уголовном праве, особенно в рамках ст. 319 УК РФ (публичное оскорбление представителя власти) и ст. 318 УК РФ (применение насилия в отношении представителя власти).

Суд апелляционной инстанции изменил приговор, переквалифицировав два инкриминируемых по ст. 319 УК РФ преступления на единое преступление, предусмотренное той же нормой. Эта переквалификация напрямую связана с оценочным понятием *«множественности»,* которое в теории уголовного права трактуется не только как формально-юридическое наличие двух и более преступлений, но и как фактическая обособленность противоправных деяний по времени, месту, мотиву, объекту посягательства.

Суд первой инстанции, по всей видимости, не дал надлежащей оценки этим обстоятельствам и, опираясь, вероятно, на формальное количественное различие в инцидентах, квалифицировал поведение ФИО как два самостоятельных преступления. Однако суд апелляционной инстанции интерпретировал действия осужденного как единый акт, образующий продолжаемое правонарушение в

[145] См.: Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан от 16 августа 2024 г. № 22-5754/2024 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/JTwab4l583WT/ (дата обращения: 23.11.2024).

пределах одной социальной ситуации, направленной против одного и того же объекта – авторитета государственной власти.

В уголовно-правовой науке и практике отсутствуют чёткие и универсальные критерии, позволяющие различить единое преступление от совокупности, особенно если речь идёт о вербальных формах проявления (оскорбление), имеющих высокий уровень семантической и психологической субъективности.

Помимо этого, в рассматриваемом деле защита оспаривала обоснованность квалификации по ч. 1 ст. 318 УК РФ, акцентируя внимание на слабую доказательственную базу, включая фрагментарный видеоматериал и отсутствие объективных свидетельских показаний. Здесь затрагивается проблема доказуемости оценочного признака *«насилие, не опасное для жизни и здоровья»*, который в силу своей неопределённости требует экспертной медицинской или криминалистической интерпретации. Отсутствие таких экспертных данных, а также показания заинтересованных лиц без независимой проверки, делает правовую квалификацию крайне уязвимой с точки зрения принципов допустимости и достаточности доказательств.

Таким образом, переквалификация в рассматриваемом деле обусловлена не просто технической коррекцией состава, но и фундаментальными трудностями, связанными с доказыванием и толкованием оценочных признаков в уголовном праве. Это в очередной раз демонстрирует необходимость разграничения юридической и фактической оценки поведения обвиняемого, особенно в условиях дефицита объективных доказательств и высокой правовой неопределённости признаков состава преступления.

Анализ кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2024 года № 33-УДП24-18[146] позволяет выявить ряд значимых проблем, касающихся переквалификации преступления с учетом оценочных признаков состава.

---

[146] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2024 г. № 33-УДП24-18 // Legalacts.ru. – URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22102024-n-33-udp24-18/ (дата обращения: 23.11.2024).

Ключевой аспект рассматриваемого дела заключается в том, что органами предварительного следствия подсудимому было вменено совершение особо тяжких преступлений, а именно покушение на убийство двух и более лиц, совершенное общеопасным способом, группой лиц по предварительному сговору и из хулиганских побуждений, а также убийство, совершенное при аналогичных обстоятельствах. Кроме того, ему вменялось грубое нарушение общественного порядка с применением насилия к гражданам, с использованием оружия и при наличии предварительного сговора. Однако в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель изменил обвинение, переквалифицировав действия подсудимого на преступление небольшой тяжести, предусмотренное частью 1 статьи 119 УК РФ, то есть на угрозу убийством, если имелись основания опасаться ее осуществления. Такое изменение квалификации повлекло прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ в своем кассационном определении обоснованно указала, что при изменении квалификации деяния в сторону смягчения необходимо проведение тщательного анализа всех собранных доказательств, что в данном случае не было обеспечено. Формальное принятие судом первой инстанции предложенной государственным обвинителем переквалификации без самостоятельной оценки ее обоснованности противоречит как требованиям уголовно-процессуального законодательства, так и правовым позициям, сформулированным в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации. Принятие судом квалификации преступления исключительно на основании позиции стороны обвинения без учета иных материалов дела является недопустимым и нарушает принцип объективного судебного разбирательства.

Существенное значение в данном деле имеет вопрос оценки признака *«угроза убийством»,* который обладает высокой степенью оценочности. В соответствии с разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, изложенными в Постановлении Пленума от 27 декабря 2002 года № 29, факт наличия угрозы убийством следует устанавливать с учетом восприятия потерпевшим действий

обвиняемого, а также реальности опасности их осуществления. В рассматриваемом случае квалификация действий подсудимого по статье 119 УК РФ предполагает вывод о том, что его действия не выходили за рамки угрозы без намерения довести преступный умысел до конца. Однако судебная коллегия Верховного Суда справедливо указывает на то, что исследование доказательств в суде первой инстанции не позволило сделать однозначный вывод о невозможности применения изначально вмененных квалифицирующих признаков, таких как общеопасный способ, мотивы хулиганства и предварительный сговор.

Таким образом, кассационное определение Верховного Суда РФ демонстрирует системную проблему правоприменительной практики, связанную с необоснованной переквалификацией преступлений с учетом оценочных признаков. Недостаточная аргументация изменения обвинения и отсутствие детального анализа доказательств создают ситуацию, при которой изначально вмененные квалифицирующие признаки преступления могут быть исключены без надлежащего судебного контроля.

Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 января 2022 года № 88-292/2022[147] выявляет ряд фундаментальных проблем, возникающих при переквалификации преступлений, в состав которых входят оценочные признаки. Центральным вопросом, подвергшимся критической оценке кассационной инстанцией, стало правомерность квалификации серии однородных действий обвиняемого как десяти самостоятельных преступлений, несмотря на наличие признаков единого продолжаемого преступления. Такое противоречие иллюстрирует общесистемную проблему уголовно-правового регулирования: законодатель не формализует в достаточной мере критерии, позволяющие разграничить *множественность преступлений от единого продолжаемого преступления*, в связи с чем правоприменитель вынужден опираться на собственную оценку умысла и обстоятельств совершения преступления.

---

[147] См.: Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 января 2022 г. по делу № 88-292/2022 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=49232/ (дата обращения: 23.11.2024).

В данном случае действия ФИО по размещению наркотических средств в тайниках-закладках апелляционный суд квалифицировал как десять отдельных преступлений по пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ. Однако, в описательно-мотивировочной части приговора отсутствовало указание на наличие у ФИО отдельно сформированного умысла в отношении каждого эпизода сбыта, а сами действия были описаны как единый, целенаправленный процесс распространения наркотических веществ. Такая правовая оценка вступает в противоречие с установленной в судебной практике позицией, согласно которой квалификация совокупности действий как продолжаемого преступления требует единства умысла, устойчивости преступной воли и объективной однородности деяний. В то же время признание множественности преступлений предполагает наличие изолированных актов преступного поведения с отдельными элементами субъективной стороны. Отсутствие в апелляционном приговоре четкого разграничения этих компонентов свидетельствует о нарушении принципа юридической определенности, что влечёт произвольность в правоприменении.

Особую значимость данный случай приобретает в контексте применения оценочных признаков, таких как *«единство умысла», «продолжительность деяния»* и *«степень обособленности действий».* Эти признаки, не будучи юридически детализированы, требуют от суда высокой степени аргументированности при их установлении. Однако в данном случае апелляционный суд допустил логическое противоречие между фактическим описанием действий и их правовой квалификацией.

Данная ситуация демонстрирует, что правовая конструкция продолжаемого преступления нуждается в нормативной конкретизации, а практика применения оценочных понятий – в повышенных стандартах обоснования. В противном случае возможна ситуация, при которой один и тот же фактический состав действий может быть интерпретирован как совокупность преступлений либо как единое деяние исключительно на основе субъективных предпочтений правоприменителя.

Анализ кассационного определения Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 30 мая 2024 года № 77-1422/2024[148] в контексте проблем переквалификации оценочных признаков состава преступления наглядно иллюстрирует одну из ключевых проблем, возникающих при применении и квалификации составов преступлений, содержащих оценочные признаки – подмену фактических последствий вероятностными, а также неразграниченность составообразующих и квалифицирующих признаков, что ведет к правовой неопределенности и произвольному толкованию уголовного закона.

Центральной проблемой в рассматриваемом деле стало необоснованное признание квалифицирующего признака *«тяжкие последствия»* в действиях должностного лица, осужденного по ч. 3 ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями). В основу данного квалифицирующего признака суд положил так называемый «значительный материальный ущерб», якобы причинённый бюджету муниципального образования вследствие изменения вида разрешённого использования земельного участка, что повлекло снижение арендной платы. Однако, как установлено кассационной инстанцией, речь шла не о фактически понесённом ущербе, а об упущенной выгоде, то есть о вероятностной финансовой потере, которая не может быть признана реальными тяжкими последствиями.

Таким образом, суд первой инстанции допустил концептуально неверное отождествление двух различных правовых категорий: «существенного вреда», выступающего как обязательный элемент состава преступления, и «тяжких последствий», являющихся квалифицирующим признаком. Согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ[149], тяжкие последствия в данной норме должны выражаться в реально наступивших негативных результатах: крупной аварии, остановке производственного процесса, причинении смерти, серьёзного

---

[148] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 30 мая 2024 г. № 7У-3113/2024 [77-1422/2024] // Гарант. – URL: https://base.garant.ru/340426258/ (дата обращения: 23.11.2024).

[149] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 (ред. от 11 июня 2020 г.) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/ (дата обращения: 23.11.2024).

имущественного ущерба и т.п. Между тем, в рассматриваемом деле суд признал тяжкими последствиями лишь предполагаемое недополучение доходов, что не соответствует доктринальному и нормативному содержанию признака. Кассационная инстанция, однако, справедливо указав на эту ошибку, отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение, тем самым подтвердив важность соблюдения методологической строгости при установлении и интерпретации оценочных признаков.

Таким образом, выявленная проблема переквалификации в данном деле заключается в следственной и судебной подмене одного оценочного критерия другим и в формальном обосновании квалифицирующего признака без доказанного наступления его фактического содержания.

Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28 мая 2024 года № 77-1412/2024[150] иллюстрирует системную проблему переквалификации преступлений, содержащих оценочные признаки, в частности – форму вины в составе преступления, совершенного по неосторожности. Центральной темой дела стало противоречие между фактическими обстоятельствами и юридической квалификацией, выраженное в ошибочной интерпретации и применении оценочных категорий *«легкомыслие»* и *«небрежность».* Согласно позиции кассационной инстанции, суды нижестоящих инстанций допустили смешение указанных видов неосторожной формы вины: в описательной части приговора утверждается, что подсудимый предвидел возможность наступления последствий, но самонадеянно рассчитывал на их предотвращение, что соответствует признакам легкомыслия, тогда как в выводах суда указано на отсутствие предвидения, что характерно для небрежности. Подобное логико-правовое противоречие нарушает базовые требования статьи 26 УК РФ, которая прямо устанавливает различие между двумя видами неосторожной вины, и подрывает принцип законности в уголовном праве.

---

[150] См.: Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28 мая 2024 г. № 77-1412/2024 (УИД 67RS0022-01-2023-000261-79) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=140699 (дата обращения: 23.11.2024).

В данном случае имеет место типичный дефект применения оценочных признаков, обусловленный отсутствием нормативно закреплённых критериев разграничения между легкомыслием и небрежностью. Эти понятия, носящие высокую степень абстракции, требуют конкретизации в рамках обстоятельств дела – с учётом степени осведомлённости субъекта о характере своего поведения, возможных последствий, уровня профессиональной подготовки и иных индивидуализирующих факторов. Однако анализ приговора и апелляционного определения показывает, что такая конкретизация фактически отсутствовала: суд ограничился поверхностными формулировками, не раскрыв содержание субъективной стороны и не приведя достаточных доказательств в пользу конкретной формы вины. Как результат – неправильная квалификация деяния, нарушение принципа индивидуализации уголовной ответственности и необходимость кассационного вмешательства.

Научная значимость данного случая заключается в том, что он наглядно демонстрирует правовую уязвимость оценочных признаков, входящих в структуру субъективной стороны преступления. При отсутствии единообразных методологических подходов к их интерпретации и доказыванию правоприменитель оказывается в ситуации произвольного выбора между конкурирующими квалификациями, что влечёт риски переквалификационных ошибок и подрывает устойчивость судебной практики. Это, в свою очередь, требует усиления методологических ориентиров – как на уровне законодательного закрепления, так и в форме разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Таким образом, рассматриваемое решение подчеркивает необходимость нормативного и доктринального переосмысления подходов к квалификации оценочных признаков субъективной стороны и формирования устойчивых стандартов правоприменения в данной сфере.

Одной из центральных проблем, выявленных в кассационном определении Первого кассационного суда от 15 мая 2024 года № 88-12846/2024[151], является

[151] См.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 мая 2024 г. № 88-12846/2024 // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=170481 (дата обращения: 23.11.2024).

необоснованное исключение судом апелляционной инстанции смягчающего обстоятельства в виде противоправного и аморального поведения потерпевшего, послужившего непосредственным поводом к совершению преступления. Эта проблема выходит за рамки простой процессуальной недооценки доказательств и указывает на более глубокую оценочную нестабильность в судебной практике, обусловленную отсутствием четких критериев интерпретации и применения подобных обстоятельств.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 61 УК РФ, к смягчающим наказание обстоятельствам могут относиться действия потерпевшего, которые спровоцировали преступление. Указанная норма построена на оценочной основе и предполагает значительную свободу усмотрения суда. Однако такая свобода должна реализовываться в рамках требований доказанности, мотивированности и объективности. Как отмечает Пленум Верховного Суда РФ в ряде разъяснений (в частности, в постановлении № 58 от 22 декабря 2015 г.)[152], наличие у потерпевшего противоправного поведения может служить не только основанием для смягчения наказания, но и влиять на оценку мотива и степени общественной опасности деяния. Следовательно, его игнорирование прямо затрагивает вопрос уголовно-правовой квалификации.

В рассматриваемом деле суд первой инстанции, исследовав обстоятельства конфликта и приняв во внимание видеозаписи, свидетельства очевидцев и другие доказательства, пришел к выводу, что именно потерпевший спровоцировал конфликт: он препятствовал движению автомобиля, оскорблял участников происшествия, вел себя агрессивно. Эти действия были признаны аморальными и противоправными, и квалифицированы как обстоятельство, смягчающее наказание.

---

[152] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18 декабря 2018 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 23.11.2024).

Однако суд апелляционной инстанции исключил это обстоятельство без должного анализа доказательств, ограничившись формальным утверждением, что оно «не установлено» и «не отражено в описательной части приговора».

Таким образом, мы имеем дело с устойчивой проблемой: в отсутствие четких критериев разграничения аморального поведения и нейтрального социального фона суды оказываются в положении, когда смягчающее обстоятельство подменяется формальным подходом – особенно в ситуациях, когда поведение потерпевшего носит противоречивый или провокационный характер. Такая практика снижает эффективность правовых гарантий обвиняемого и усугубляет риски правовой неопределенности.

На основе проведённого анализа судебных актов, можно выделить и систематизировать ключевые проблемы переквалификации преступлений, содержащих оценочные признаки.

1. Проблема переквалификации, обусловленная неустойчивостью границ между различными мотивационными категориями. Проблема заключается в том, что такие признаки, как «месть», «вражда», «хулиганские побуждения», по своей природе являются оценочными и не имеют четких нормативных критериев. В результате их применение основывается на субъективной интерпретации суда, что порождает риск непоследовательной квалификации аналогичных деяний. Например, суд первой инстанции может усмотреть общественную опасность, а апелляция – личный конфликт. Это формирует колеблющуюся практику, не обеспечивающую единообразия в применении норм.

2. Проблема переквалификации, обусловленная неопределённостью границ между формами соучастия. Проблема заключается в том, что такие категории, как «соисполнительство», «подстрекательство» и «организованная группа», содержат оценочные признаки, не имеющие однозначного законодательного содержания. Их разграничение нередко осуществляется по формальным признакам, без должной оценки характера и степени участия лица в преступлении. В результате суд первой инстанции может квалифицировать действия обвиняемого как соисполнительство на основании общего замысла, тогда как апелляционная инстанция,

проанализировав реальный вклад в совершение преступления, переквалифицирует деяние как подстрекательство. Аналогичная ситуация возникает при подмене «устойчивой» организованной группы менее сложной формой предварительного сговора. Подобные расхождения свидетельствуют о концептуальной неопределённости применяемых оценочных признаков, что затрудняет соблюдение принципа индивидуализации ответственности и ведёт к непоследовательности судебной практики.

3. Проблема переквалификации, обусловленная правовой неопределённостью и формализацией оценочных признаков «значительный ущерб» и «существенный вред». Данная проблема проявляется в том, что оценочные признаки, такие как «значительный ущерб» и «существенный вред», нередко интерпретируются судами первой инстанции формально, без учёта их содержательной нагрузки и социально-правового контекста. В частности, суды склонны подменять качественную правовую оценку простым количественным критерием (например, размером ущерба), игнорируя индивидуальные обстоятельства потерпевшего, его доход, имущественное положение, а также характер и тяжесть последствий. Это ведёт к неустойчивости судебной практики, нарушению принципов индивидуализации уголовной ответственности и искажению смыслового содержания уголовно-правовых норм.

Особенно остро проблема проявляется при квалификации деяний, связанных с должностными преступлениями или преступлениями против собственности, где оценка «значительности» или «существенности» последствий требует комплексного анализа.

Попытка автоматически приравнять любое нарушение служебных обязанностей к причинению существенного вреда, как это было отмечено в кассационной практике Армении, создаёт риск правовой презумпции виновности, подменяющей фактический анализ состава преступления. Таким образом, неопределённость указанных оценочных признаков порождает правовую неопределённость, колебания в квалификации и необходимость корректировки решений в апелляционном и кассационном порядке. Это указывает на

необходимость как доктринального, так и нормативного уточнения данных категорий, а также усиления методологического аппарата их применения.

4. Проблема переквалификации, обусловленная нормативной трансформацией состава преступления и несопровождаемая комплексной переоценкой оценочных признаков. Нормативная трансформация уголовного закона – это процесс изменения содержания состава преступления в результате законодательных поправок (например, пересмотра стоимостных порогов ущерба, формулировок квалифицирующих признаков, критериев тяжести деяния и пр.). Такая трансформация, с одной стороны, отражает стремление к гуманизации уголовной политики, а с другой – создаёт значительные трудности в правоприменении, особенно в делах с оценочными признаками.

Основная проблема заключается в том, что при ретроактивном применении более мягкого закона суды зачастую ограничиваются сугубо технической переквалификацией (например, с ч. 2 на ч. 1 статьи), не подвергая должной переоценке всю структуру состава преступления. При этом утрата одного оценочного признака – например, «крупного» или «особо крупного ущерба» – компенсируется формальным введением другого, как правило, столь же неопределённого, без доказательного наполнения последнего. Это приводит к подмене материального анализа состава преступления юридической фикцией, при которой исчезновение одного элемента не снижает степень репрессивности, а лишь маскируется новым, не всегда обоснованным квалифицирующим элементом.

Такой подход искажает суть принципа поскольку фактически нивелирует его смягчающее действие. Кроме того, использование новых оценочных признаков без комплексного анализа всей совокупности обстоятельств дела создаёт иллюзию законности при отсутствии реального соответствия обновлённым критериям состава. Это подрывает как принцип законности, так и предсказуемость уголовной репрессии, особенно в ситуациях, когда новые нормы требуют переосмысления не только формальных элементов, но и правовой природы деяния.

5. Проблема переквалификации, обусловленная формальным восприятием позиции стороны обвинения при наличии оценочных признаков в составе

преступления. Суть данной проблемы заключается в том, что при наличии в составе преступления оценочных признаков – таких как «угроза убийством», «общеопасный способ», «хулиганские побуждения» или «предварительный сговор» – суды нередко производят переквалификацию деяния в сторону смягчения, основываясь исключительно на позиции государственного обвинителя, без проведения самостоятельного анализа доказательств. В таких случаях высока вероятность игнорирования специфики оценочного содержания признаков, требующих комплексной интерпретации, включая восприятие потерпевшего, степень реальной опасности, а также фактические данные о намерениях и обстоятельствах совершения деяния.

Примером служит переквалификация особо тяжкого преступления (убийства и покушения на убийство с отягчающими обстоятельствами) на угрозу убийством, повлёкшая прекращение уголовного дела по срокам давности. Суд первой инстанции не выполнил надлежащую проверку предложенной квалификации, проигнорировал необходимость исследовать основания для исключения ранее вменённых квалифицирующих признаков и фактически ограничился формальным принятием позиции обвинения. В результате нарушается принцип объективного и состязательного правосудия, а применение оценочных признаков приобретает произвольный характер, что несовместимо с требованиями законности и справедливости в уголовном процессе.

6. Проблема переквалификации, обусловленная аксиологической неопределённостью критериев разграничения между продолжаемым преступлением и множественностью деяний в контексте оценочных признаков состава. Данная проблема носит системный и концептуальный характер и заключается в отсутствии в уголовно-правовой доктрине и законодательстве унифицированных, юридически значимых параметров для разграничения продолжаемого преступления и совокупности преступлений при наличии оценочных признаков. Такие категории, как «единый умысел», «однородность и обособленность действий», наделены высоким уровнем понятийной абстракции и аксиологической гибкости. Они не опираются на строго формализованные

признаки, что обусловливает необходимость их содержательной интерпретации судом.

Проблема проявляется в пересечении двух неопределённых сфер: границ состава преступления и оценки субъективной стороны деяния. При этом правоприменитель, не располагая нормативно закреплённой методикой анализа этих оценочных конструкций, вынужден руководствоваться внутренним убеждением, порождая коллизию между фактической стороной содеянного и её правовой квалификацией. Вследствие этого возможна ситуация, при которой идентичный набор обстоятельств может быть истолкован как единое деяние или как множество преступлений, исключительно на основании субъективных предпосылок интерпретатора.

Особую значимость это приобретает в условиях отсутствия прямого законодательного разграничения между серийностью, продолжаемостью и реальной множественностью преступлений, а также отсутствия доктринального консенсуса по вопросу структуры единого умысла при неоднократных деяниях. Таким образом, формирование единообразной практики невозможно без нормативного закрепления содержательных критериев толкования оценочных признаков, участвующих в разграничении форм множественности.

7. Проблема переквалификации, обусловленная неопределённостью границ между составообразующими и квалифицирующими оценочными признаками, приводящей к подмене фактических последствий вероятностными. Данная проблема заключается в том, что в судебной практике нередко допускается неправомерное расширительное толкование квалифицирующих признаков, таких как «тяжкие последствия», за счёт подмены их содержательного наполнения иными оценочными элементами, например, «упущенной выгодой». В результате происходит концептуальное смешение уровней юридической значимости признаков: элементы, требующие доказанного наступления конкретных последствий, подменяются предположениями или вероятностными финансовыми потерями, что нарушает принцип правовой определённости и ведёт к искусственному усложнению квалификации. Отсутствие чётких нормативных

разграничений между «существенным вредом» и «тяжкими последствиями», а также отсутствие в приговорах обоснованного анализа реальности наступивших последствий усиливают риск правоприменительного произвола и деформируют структуру уголовно-правовой ответственности.

8. Проблема переквалификации, обусловленная неопределённостью критериев разграничения видов неосторожной вины (легкомыслия и небрежности) как оценочных признаков состава преступления. Данная проблема заключается в отсутствии в уголовном законодательстве и судебной практике чётких и операционализируемых критериев, позволяющих надёжно разграничить легкомыслие и небрежность при квалификации преступлений, совершённых по неосторожности. Поскольку обе разновидности вины определяются через субъективное отношение лица к последствиям своих действий, правоприменитель вынужден интерпретировать эти признаки на основе оценочного суждения, что приводит к колеблющейся практике.

Проблема проявляется в том, что ошибка в идентификации вида неосторожности имеет не только юридико-техническое, но и аксиологическое значение: она влияет на степень социальной опасности деяния, пределы уголовной ответственности и индивидуализацию наказания. В условиях отсутствия единых методических стандартов различие между «предвидением и самонадеянным расчётом» (легкомыслие) и «непредвидением при возможности и обязанности предвидеть» (небрежность) подменяется формальными или поверхностными ссылками, не обеспечивающими достоверную юридическую квалификацию.

Таким образом, неопределённость оценочных категорий, описывающих субъективную сторону преступления, является самостоятельной причиной переквалификационных ошибок, требующих как доктринального осмысления, так и нормативного уточнения для повышения устойчивости и предсказуемости уголовного судопроизводства.

9. Проблема необоснованного исключения смягчающего обстоятельства – противоправного и аморального поведения потерпевшего – в контексте квалификации преступлений с оценочными признаками. Суть данной проблемы

заключается в том, что в судебной практике отсутствуют устойчивые критерии разграничения и правовой оценки провоцирующего поведения потерпевшего, способного повлиять как на квалификацию деяния, так и на назначение наказания. В условиях, когда признак «противоправного и аморального поведения потерпевшего» имеет оценочный характер и не раскрыт нормативно, суды апелляционной инстанции нередко исключают его из перечня смягчающих без достаточной аргументации, даже несмотря на то, что суд первой инстанции дал ему мотивированную оценку. Подобная практика демонстрирует не только дефицит единообразия, но и тенденцию к игнорированию причинно-следственных связей в конфликтных ситуациях, что подрывает принципы индивидуализации наказания и снижает правовую предсказуемость.

На основании проведённого анализа судебной практики, а также выявленных системных проблем, связанных с переквалификацией преступлений, содержащих оценочные признаки, можно сделать несколько научно обоснованных предложений.

Во-первых, нормативная трансформация состава преступления, влекущая переквалификацию деяния, должна сопровождаться обязательной комплексной переоценкой всех оценочных признаков, входящих в структуру состава, с учётом изменённой нормативной среды.

Недопустимо подменять утраченные квалифицирующие признаки новыми оценочными элементами без доказательной проверки их наличия и без анализа соответствия фактических обстоятельств обновлённым критериям состава. Формальное сохранение репрессивной нагрузки за счёт механической замены одного неопределённого признака другим нарушает сущность ретроактивного применения более мягкого закона и искажает его гуманистическое назначение.

Необходимо формирование методологического подхода к оценке состава преступления при изменении уголовного закона: такая оценка должна носить содержательный и всесторонний характер, а не сводиться к технической переквалификации. Это обеспечит укрепление правовой определённости и

предсказуемости квалификационных решений в условиях нормативной трансформации.

Во-вторых, для устранения правовой неопределённости и обеспечения единообразия судебной практики в квалификации преступлений, следует нормативно закрепить содержательные критерии разграничения между продолжаемым преступлением и множественностью преступлений в составе с оценочными признаками, включая конкретизацию понятий «единый умысел», «однородность действий» и других аксиологически нагруженных категорий.

Предлагается разработка и внедрение в уголовно-правовую доктрину и судебную практику методических рекомендаций (возможно, в форме постановления Пленума Верховного Суда РФ), отражающих стандартизированный подход к выявлению признаков продолжаемого деяния и разграничению его от совокупности преступлений при наличии неоднократности, единых целей, совпадения объекта и субъективной стороны.

В-третьих, в целях обеспечения правовой определённости и недопущения произвольной переквалификации деяний, содержащих оценочные признаки, такие как «значительный ущерб» и «существенный вред», необходимо установить, что данные категории не подлежат формальной интерпретации судами исключительно по количественному критерию (например, размеру ущерба), без учета их содержательной нагрузки и социально-правового контекста.

Квалификация деяний по признакам «значительности» и «существенности» должна основываться на комплексной правовой оценке, включающей индивидуальные особенности потерпевшего (в том числе уровень дохода, характер утраченного имущества), тяжесть и необратимость наступивших последствий, а также их влияние на охраняемые законом интересы. Подмена такой оценки механическим соотнесением с минимальными порогами, установленными примечаниями к статьям УК РФ, приводит к искажению смысла уголовно-правовой нормы и нарушает принцип индивидуализации ответственности.

В-четвертых, в целях обеспечения единообразия квалификации преступлений с оценочными мотивационными признаками, такими как «месть»,

«вражда», «хулиганские побуждения», требуется нормативная конкретизация и доктринальная операционализация указанных категорий через установление минимальных содержательных критериев их правового разграничения.

Предлагается разработать и закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ перечень юридически значимых параметров, подлежащих обязательной оценке при квалификации мотива преступления: 1) направленность действий обвиняемого по отношению к потерпевшему и (или) обществу; 2) характер предшествующих отношений между сторонами; 3) наличие повода и степени его объективной значимости; 4) выраженность асоциальной или агрессивной направленности поведения; 5) связь между мотивом и способом совершения преступления.

Также следует ввести процессуальную обязанность суда обосновывать отнесение мотива к той или иной категории не ссылками на формулы обвинения, а путём аналитической интерпретации фактических обстоятельств дела.

В-пятых, необходимо нормативно разграничить составообразующие и квалифицирующие оценочные признаки, в частности такие, как «существенный вред» и «тяжкие последствия», исключив возможность их произвольной подмены предположительными либо вероятностными категориями, не связанными с фактически наступившими последствиями.

Предлагается закрепить в уголовном законодательстве и/или в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ обязательное требование к доказыванию реальности наступления квалифицирующих последствий, с установлением различий между потенциальными (возможными) и фактически подтверждёнными результатами преступного поведения. При этом «тяжкие последствия» должны трактоваться исключительно как наступившие, проверяемые и причинно-связанные с деянием вредные последствия, не допускающие расширительного толкования на основе вероятностных расчетов (например, утраченной выгоды или гипотетического вреда).

В-шестых, необходимо нормативное и доктринальное уточнение содержания смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 61 УК РФ, в части

«противоправного и аморального поведения потерпевшего». Указанное обстоятельство следует раскрыть через системный перечень признаков, характеризующих провоцирующее поведение потерпевшего, включая: 1) степень его социальной девиантности, 2) наличие объективной агрессии или унижения в адрес обвиняемого, 3) связь между действиями потерпевшего и моментом совершения преступления, 4) характер ответной реакции обвиняемого.

Кроме того, необходимо внести соответствующие разъяснения в постановления Пленума Верховного Суда РФ, обязав суды при оценке наличия данного обстоятельства не только приводить мотивированную аргументацию его включения или исключения, но и учитывать влияние поведения потерпевшего на формирование мотива, а также степень общественной опасности содеянного. Это обеспечит более глубокую оценку причинно-следственной связи между конфликтной ситуацией и совершённым деянием, что особенно важно в делах с ярко выраженными оценочными признаками состава (например, «хулиганские побуждения», «особая жестокость» и т.д.).

Требуется разработка формализованной модели правовой квалификации, в рамках которой противоправное или аморальное поведение потерпевшего не воспринимается как маргинальный или факультативный элемент, а рассматривается как значимая составляющая оценки мотива и тяжести деяния, способная влиять на квалификацию и индивидуализацию наказания. Такой подход позволит устранить произвольность в подходах апелляционных инстанций и укрепит принципы справедливости и правовой определённости в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, предложенные положения направлены на системное совершенствование уголовно-правового регулирования переквалификации преступлений с оценочными признаками и могут послужить основой для разработки нормативных рекомендаций, разъяснений высших судебных инстанций, а также усовершенствования методики подготовки процессуальных актов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование позволило прийти к определенным выводам и предложениям.

Оценочный признак состава преступления – это указанный в уголовно-правовой норме признак одного из элементов состава преступления, описанный посредством понятия, которое обладает содержательной неопределённостью и открытым смысловым объёмом. Содержание данного понятия конкретизируется исключительно в правоприменительной ситуации (в процессе квалификации деяния) через социально-правовую оценку обстоятельств дела, направленную на установление соответствия конкретного факта типологически значимому общественно опасному поведению, при обязательном соблюдении юридических границ, прямо закреплённых в уголовном законе, а также с учётом тех социально-криминологических ориентиров, которые формируются судебной практикой и доктриной в целях конкретизации и адаптации оценочных признаков к условиям правоприменительной деятельности.

На основании проведённого теоретико-правового анализа, а также сопоставления научных подходов с практикой применения оценочных признаков в уголовном праве, представляется возможным обобщить и выделить ключевые сущностные характеристики оценочных признаков состава преступления.

Во-первых, оценочные признаки обладают конструктивной неопределённостью, которая не является признаком дефективности нормы, а напротив – представляет собой осознанный элемент правового механизма, направленного на обеспечение гибкости и адаптивности уголовно-правового регулирования.

Во-вторых, их содержание отличается целенаправленной вариативностью, то есть нормативно предполагается возможность наполнения оценочного признака конкретным смыслом посредством правоприменительной деятельности, исходя из целей уголовного закона и принципа справедливости.

В-третьих, оценочные признаки характеризуются ситуативной адаптивностью, поскольку их актуализация и содержание зависят от специфики

конкретного уголовного дела и не могут быть адекватно воспроизведены вне фактического контекста.

В-четвертых, они сочетают интерпретационную открытость с нормативной замкнутостью: свобода толкования признается допустимой лишь в пределах, заданных уголовно-правовыми принципами (законность, вина, справедливость), а также системным взаимодействием норм и судебной практики.

В-пятых, оценочные признаки обладают юридико-смысловой промежуточностью, выступая связующим звеном между абстрактной уголовно-правовой нормой и конкретными фактическими обстоятельствами дела. Они играют роль «фильтра», через который правоприменитель проводит оценку общественной опасности деяния.

В-шестых, несмотря на отсутствие легальной дефиниции, оценочные признаки характеризуются нормативной типичностью: они репрезентируют устойчивую правовую реакцию на определённые формы поведения, будучи интуитивно распознаваемыми в правоприменительном сообществе.

В-седьмых, процесс их конкретизации имеет институционально зависимый характер: наполненность оценочных признаков правовым содержанием формируется не только в индивидуальной судебной практике, но и в рамках официальных разъяснений высших судебных инстанций и правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Наконец, в-восьмых, оценочные признаки обладают сравнительно-оценочной природой, поскольку любое юридическое суждение, их касающееся, по сути, предполагает соотнесение фактов с определённой шкалой ценностей, степени опасности и допустимости.

Совокупность указанных характеристик позволяет рассматривать оценочные признаки не как угрозу правовой определённости, а как специфическую форму нормативной гибкости, обеспечивающую адаптацию уголовного закона к изменяющимся общественным реалиям при сохранении устойчивости и предсказуемости правоприменения.

Оценочные признаки, несмотря на свою неоднозначность и правовую неопределённость, играют значимую и функционально оправданную роль в системе современного уголовного законодательства Российской Федерации. В ходе проведенного исследования обосновано, что отказ от формального негативизма по отношению к оценочным категориям представляет собой необходимое условие повышения эффективности уголовно-правового регулирования. Вместо стремления к их устранению, законодательной и доктринальной задачей является выработка единых подходов к их толкованию, направленных на снижение произвола и усиление правовой предсказуемости.

В диссертации доказано, что оценочные категории выполняют ряд немаловажных нормативных функций. Прежде всего, оценочные категории выполняют функцию адаптации уголовного законодательства к изменяющимся общественным отношениям, позволяя учитывать динамику цифровизации и иных современных вызовов без необходимости частых законодательных изменений.

Во-вторых, они способствуют законодательной экономии и системности регулирования, исключая избыточную детализацию нормативных актов и обеспечивая гибкость правовой конструкции.

В-третьих, оценочные признаки играют важную роль в трансформации фактических обстоятельств в юридически значимые факты, что делает возможной правовую квалификацию индивидуализированных жизненных ситуаций. Кроме того, они обеспечивают разграничение уголовной и административной ответственности, способствуют гармонизации уголовного права с морально-этическими нормами, а также служат механизмом интеграции международных стандартов в национальную правовую систему.

Наконец, оценочные признаки способствуют устранению правовых пробелов, раннему реагированию на новые формы преступного поведения, а также стимулируют развитие правоприменительной практики и доктрины уголовного права, укрепляя научную рефлексию и содействуя модернизации уголовно-правового регулирования.

Следовательно, оценочные признаки в уголовном праве перестают восприниматься исключительно как источник неопределенности и начинают выполнять компенсаторную функцию в условиях гиперформализации законодательства. Они выступают механизмом согласования формальной определенности норм с необходимостью учета изменяющихся реалий, способствуя балансу между нормативной жесткостью и практической гибкостью. В результате этого процесса происходит закономерный переход от правовой неопределенности к правовой определенности, основанной на содержательной и обоснованной интерпретации закона.

Кроме этого, современная модель уголовно-правового регулирования все в большей степени ориентируется не на исключительно императивные формы, а на совмещение жестких нормативных предписаний с элементами дискреции – модельными нормами, судебным правотворчеством, мягким правом. Это требует концептуальной переоценки значения оценочных понятий и разработки чётких критериев их допустимости и применения.

Вместе с тем, эффективное использование оценочных признаков требует не только осознания их значимости, но и разработки четких методологических и процессуальных ориентиров, исключающих произвольную интерпретацию. В этой связи представляется необходимым сформулировать основные условия легитимного использования оценочных признаков в уголовном праве:

1. Оценочные признаки допустимы, если они призваны обеспечить гибкость правоприменения и адаптацию к динамично меняющимся формам преступности, в тех случаях, когда формализованное изложение норм недостаточно.

2. Они должны быть доступны для правового восприятия субъектами уголовных правоотношений, то есть содержательно понятны из текста закона, правовой системы или официальных разъяснений.

3. Применение оценочных признаков должно сопровождаться институциональной конкретизацией, включая активную роль судебной практики, формулирование доктринальных подходов и обеспечение единообразия толкования.

4. Необходима мотивированность и предсказуемость правоприменения, то есть каждое решение, основанное на оценочном признаке, должно быть подкреплено убедительным юридическим анализом, исключающим произвольность.

5. Судебная практика должна обеспечивать содержательное толкование оценочных признаков в каждом конкретном деле, избегая формального воспроизведения обвинительной позиции.

6. Требуется система институционального контроля, включая методические рекомендации, мониторинг судебных решений и стандарты аргументации, направленные на устранение различий и правовой неопределенности.

7. Интерпретация оценочных категорий должна быть системной, учитывая их место в общей структуре уголовно-правовых и межотраслевых норм.

На основе диссертационного исследования представляется возможным выделить также ключевые закономерности, формирующие методологическую основу толкования оценочных признаков в уголовном праве. Эти закономерности выражают устойчивые правила, обеспечивающие баланс между гибкостью правового регулирования и требованиями правовой определенности.

Прежде всего, следует подчеркнуть принцип нормативной ограниченности интерпретации, в соответствии с которым оценочные признаки должны толковаться исключительно в пределах воли законодателя, без выхода за рамки правовой конструкции. Допустимая вариативность толкования должна оставаться в границах системного, доктринального и грамматического анализа.

Во-вторых, интерпретация оценочных категорий требует интеграции экстраправовых и морально-нравственных ориентиров, поскольку сами по себе такие признаки содержат аксиологическую составляющую, отражающую общественные представления о справедливости, разумности и допустимости. При этом обращение к морали и иным стандартам не может нарушать принцип законности.

В-третьих, толкование должно опираться на ситуативную и контекстуальную обусловленность, то есть наполнение признака правовым смыслом возможно лишь

в условиях конкретной фактической ситуации. Это означает необходимость комплексной юридической оценки всех обстоятельств дела с учётом общественной опасности и характера посягательства.

В-четвёртых, необходимо учитывать историко-нормативную эволюцию и сравнительно-правовую типичность признаков. Многие оценочные категории укоренены в правовой традиции, и потому требуют историко-семантической реконструкции и соотнесения с аналогичными понятиями, закреплёнными в законе.

В-пятых, толкование должно исключать интерпретационную неопределённость, то есть запрещено раскрытие одного неопределённого признака через другой, столь же неясный. Каждое толкование должно опираться на нормативно верифицированные понятия, исключающие произвольность.

В-шестых, крайне важным условием выступает опора на правовую доктрину и судебную практику. Научная разработка оценочных категорий и их закрепление в позициях Верховного Суда РФ служат гарантией системности и предсказуемости правоприменения.

Наконец, толкование оценочных признаков предполагает междисциплинарную интеграцию, поскольку содержание многих категорий формируется на пересечении права с этикой, социологией, экономикой и другими дисциплинами.

Соблюдение указанных закономерностей позволяет достигнуть необходимого баланса между принципами правовой определённости и справедливости, а также исключить произвольное расширительное толкование норм уголовного закона.

Вместе с тем, современная правоприменительная практика наглядно демонстрирует, что оценочные признаки состава преступления представляют собой один из наиболее уязвимых и конфликтогенных элементов уголовно-правовой квалификации. Именно они становятся источником множества типичных переквалификационных затруднений, которые существенно подрывают правовую определенность, единообразие судебных решений.

Анализ и обобщение актуальной судебной практики позволили выявить и систематизировать ряд ключевых проблем, возникающих в связи с интерпретацией и применением оценочных признаков. К числу наиболее значимых из них относятся:

- неустойчивость разграничений между мотивационными категориями («месть», «вражда», «хулиганские побуждения»);

- неопределённость критериев, отделяющих формы соучастия (соисполнительство, подстрекательство, участие в организованной группе);

- тенденция к формализации признаков «существенный вред» и «значительный ущерб», при игнорировании их содержательной и социальной составляющей;

- отсутствие полноценной переоценки состава преступления при его нормативной трансформации;

- аксиологическая размытость при разграничении продолжаемого преступления и совокупности деяний;

- неопределённость границ между составообразующими и квалифицирующими оценочными признаками;

- трудности в проведении грани между формами неосторожной вины (легкомыслие и небрежность);

- произвольное исключение смягчающих обстоятельств, основанных на оценке поведения потерпевшего.

Для устранения указанных проблем и повышения качества квалификации преступлений с оценочными признаками представляется необходимым реализация следующих направлений реформирования правоприменительной практики: нормативное закрепление содержательных критериев разграничения между продолжаемым преступлением и множественностью деяний; формулирование юридически верифицируемых параметров для разграничения и квалификации оценочных мотивационных признаков; установление запрета на формальное (исключительно количественное) толкование таких категорий, как «значительный ущерб» и «существенный вред», без учёта социального и правового контекста;

нормативное и доктринальное разграничение между составообразующими и квалифицирующими оценочными признаками, с обязательным закреплением стандарта доказанности наступления квалифицирующих последствий; недопущение правоприменительной подмены реально наступивших тяжких последствий гипотетическими либо вероятностными категориями.

И наконец, в условиях нормативной трансформации состава преступления, вызванной изменением уголовного законодательства, правоприменительная деятельность должна опираться не на формальные критерии, а на содержательный и всесторонний анализ. В частности, требуется обязательная комплексная переоценка всех оценочных признаков, входящих в структуру состава преступления, с учетом обновленной нормативной, аксиологической и социально-правовой среды.

Недопустим подход, при котором утраченные квалифицирующие признаки автоматически заменяются иными оценочными категориями без оценки их фактической релевантности, доказательной обоснованности и соответствия новым критериям уголовно-правовой оценки. Подобная формализация не только искажает суть гуманистического назначения ретроактивного действия более мягкого закона, но и нарушает принципы законности, справедливости и соразмерности уголовной ответственности.

Нормативные изменения не могут трактоваться исключительно как техническое основание для переквалификации – напротив, они требуют содержательной реконструкции состава преступления, включая переоценку его оценочных элементов, фактического контекста и изменившихся ориентиров правовой оценки.

В этой связи обоснованной и необходимой является разработка методологического подхода к правовой квалификации преступлений в условиях законодательных изменений, включающего стандарты анализа и интерпретации оценочных признаков.

Реализация данных предложений будет способствовать укреплению правовой определенности, обеспечению устойчивости и предсказуемости

уголовной юрисдикции, а также формированию единообразной практики квалификации преступлений, содержащих оценочные признаки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Монографии, учебная и справочная литература

1. Аракелян С. В. Особенности методики квалификации и расследования должностных преступлений против государственной службы: научно-практический комментарий. — Ереван: Тигран Мец, 2015. — 128 с.

2. Аракелян С. В., Мкртчян П. В. Проблемы квалификации преступлений: монография. — Ереван: Академия юстиции, 2020. — 400 с.

3. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Норма, 2001. – 752 с.

4. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.

5. Алексеев С. С. Общая теория социалистического права (курс лекций): учебное пособие: в 4 вып. Вып. 3: Правовые акты. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1966. – 212 с.

6. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Очерки криминальной рискологии. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 187 с.

7. Бершицкий Э. Е. Правовая определенность и оценочные категории: краткий очерк на примере составов правонарушений в различных отраслях права / Э. Е. Бершицкий. – Москва : М-Логос, 2021. – 154 с.

8. Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. – М.: Юридическая литература, 1967. – 240 с.

9. Газинян Г. С. Уголовное право Республики Армения (особенная часть): учебник для вузов. — 6-е изд., испр. и доп. — Ереван: Изд-во ЕГУ, 2012. – 1038 с

10. Галахова А. В. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 736 с.

11. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М.: Норма, 2001. – 316 с.

12. Григорян М. В. Научные основы квалификации преступлений: учебное пособие. — 2-е изд., доп. — Ереван: Изд-во РАУ, 2009. — 154 с.

13. Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России. СПб.,– 2010. – 100 С.

14. Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. – Киев: Вища школа, 1976. – 150 с.

15. Иванчин А. В. Законодательная техника в механизме уголовного правотворчества: учебное пособие. — Ярославль: ЯрГУ, 2009. — 188 с.

16. Касимов Д. Р. Природа неопределенности оценочных понятий уголовного закона: монография. – М.: Проспект, 2022. – 288 с.

17. Ковалев В. А. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. – 1973. – № 11. – С. 137–144.

18. Козаченко И. Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья: обусловленность, структура, функции, виды. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – 161 с.

19. Кругликов Л. Л. Проблемы квалификации преступлений. – Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1984. – 296 с.

20. Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. – М.: Госюриздат, 1963. – 324 с.

21. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. – 304 с.

22. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юридическая литература, 1972. – 352 с.

23. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. – М.: Городец, 2007. – 336 с.

24. Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика Уголовного кодекса: пособие к практическим занятиям по уголовному праву. – Петроград: Типо-лит. Руманова, 1917. – 270 с.

25. Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности / "Юрид. центр". - СПб.: Юрид. центр пресс, 2004. - 692 с.

26. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 784 с.

27. Наумов А. В., Новиченко А. С. Законы логики при квалификации преступлений. – М.: Юридическая литература, 1978. – 104 с.

28. Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики): учебное пособие. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1973. – 176 с.

29. Наумов В. И. Толкование норм права: учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 76 с.

30. Наумов А. В. Избранные труды. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации (публикации 2009–2019 гг.). — М., 2019. — 384 с.

31. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. – М.: Госюриздат, 1962. – 166 с.

32. Пикуров Н. И. Проблемы квалификации преступлений: монография. – М.: Норма, 2020. – 464 с.

33. Питецкий В. В. Оценочные признаки уголовного закона (сущность, функции, перспективы использования в законодательстве): учебное пособие. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1993. – 87 с.

34. Понятовская Т. Г. Принципы уголовного права и состав преступления. – М.: Проспект, 2004. – 310 с.

35. Проблемы квалификации преступлений: монография / под ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. – Москва: Проспект, 2018. – 464 с.

36. Рарог А. И. Квалификация преступлений: учебное пособие. – М.: Юристъ, 1997. – 270 с.

37. Растропов С. В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 489 с.

38. Трайнин А.Н. Учение о составе преступления по советскому уголовному праву. – М., 1957. – 363 с.

39. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. – 320 с.

40. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора: учебное пособие. – М.: Юнити-Дана, 2003. – 381 с.

41. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. – М.: Юридическая литература, 1979. – 168 с.

42. Шеслер А. В. Научные основы квалификации преступлений: учебно-методическое пособие для магистратуры / А. В. Шеслер. — Томск: Издательство НТЛ, 2017. — 68 с

43. Шляпочников А. С. Толкование советского уголовного закона. – М.: Госюриздат, 1960. – 240 с.

II. Статьи в журналах и непериодических изданиях

44. Аветисян С. С. Принцип законности в уголовном праве: проблемы применения и законодательного совершенствования / С. С. Аветисян // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. – 2016. – № 1(22). – С. 7-13.

45. Агеева Г. Е. Правовые оценочные понятия: общее содержание категории // Вопросы экономики и права. – 2013. – № 8. – С. 7–10.

46. Агеева Г. Е. Развитие научных представлений об оценочных понятиях в праве // Вопросы экономики и права. – 2012. – № 6. – С. 13–16.

47. Амиянц К. А. Проблема установления оценочных последствий при квалификации преступлений в сфере экономики // Законность и правопорядок. – 2014. – № 3. – С. 45–56.

48. Антонян А. Г. Оценочные понятия в решениях ЕСПЧ в сфере уголовно-исполнительной юрисдикции // Вестник ТГУ. Серия «Право». – 2012. – № 1 (3). – С. 17–21.

49. Аракелян С. В. Существенный вред как признак преступлений против государственной службы // Государство и право. – 2015. –№ 1 (67). – С. 35–40.

50. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Уголовная политика как преодоление неопределенности в уголовном праве / Онтология и аксиология права: материалы

IX Международной научной конференции. – Омск, 25–26 октября 2019 г. Омская академия МВД России / отв. за вып. Д. В. Попов. – Омск, 2019. – С. 36–39.

51. Бабаев, М. М. Неопределенность уголовного права в эпоху неопределенности / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 2. – С. 3-8.

52. Бабурин В. В. Уголовно-правовое деяние: понятие и значение для характеристики предмета и метода российского уголовного права / В. В. Бабурин, А. А. Нечепуренко // Алтайский юридический вестник. – 2021. – № 4(36). – С. 77-81.

53. Бару М. И. Оценочные понятия в трудовом законодательстве // Советское государство и право. – 1970. – № 6. – С. 108–115.

54. Батманов С. А. Правовая определенность оценочных понятий в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮФ ЮФУ. – 2020. – Т. 7. – № 1. – С. 73–79.

55. Башук Е. С., Марфицин П. Г. Оценочные понятия в уголовном судопроизводстве // Приволжский научный вестник. – 2014. – № 12-2 (40). – С. 47–49.

56. Бегоян Л. А. Оценочные понятия в уголовном праве: дискуссии и решения / Л. А. Бегоян // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2024. – Т. 30, № 4(95). – С. 358-361.

57. Бегоян Л. А. Содержание и признаки оценочных понятий в уголовном законодательстве Российской Федерации / Л. А. Бегоян // Криминалистъ. – 2025. – № 1(50). – С. 3-8.

58. Бегоян Л. А. Этические аспекты оценочных понятий в уголовном праве / Л. А. Бегоян // Право и управление. – 2024. – № 10. – С. 141-143.

59. Бегоян Л.А. Сравнительный анализ практики применения оценочных признаков в уголовном праве России и Армении / Л. А. Бегоян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 10. – С. 89-94.

60. Бегоян Л.А. Конституционные и доктринальные основания допустимости оценочных признаков в уголовном праве / Л. А. Бегоян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 11. – С. 1–4.

61. Беляева О. М. Оценочные понятия и категории в российском праве // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 1. – С. 203–208.

62. Беляев О. М. Оценочные категории в конструкциях правовых норм: особенности толкования и правоприменения // Вестник Казанского юридического института МВД России. – Казань, 2015. – № 2. – С. 34–39.

63. Богданов Е. А. Оценочные признаки и их установление в составах преступлений против общественной нравственности // Вестник науки и образования. – 2021. – № 3 (106). Ч. 1. – С. 60–64.

64. Борков В. Н. Принцип законности и уголовно-правовая доктрина / В. Н. Борков // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2024. – № 3(110). – С. 19-29.

65. Бурцева С. С. Оценочные понятия – необходимое средство достижения конституционной идеи правовой определенности или фактор, приводящий к её нарушению? // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 86–95.

66. Вардапетян А. К., Бегоян Л. А. Особенности квалификаций преступлений при оценочных понятиях (сравнительный анализ действующего Уголовного кодекса и нового Уголовного кодекса РА) /Анна Вардапетян, Лала Бегоян // Государство и право № 3 (91). – 2021. – Ереван – С. 23-34.

67. Вильнянский С. И. Применение норм советского социалистического права // Ученые записки Харьковского юридического института им. Л. М. Кагановича. – 1956. – Вып. 7. – С. 3–18.

68. Волкова А. С. Проблема толкования оценочных признаков преступлений в целях обеспечения экономической безопасности РФ // Вопросы развития современной науки и техники. – М., 2022. – С. 99–105.

69. Гармышев Я. В., Егерев И. М., Пархоменко С. В. К вопросу о квалификации некоторых оценочных понятий в уголовном праве России // Вестник

Иркутского государственного университета. Серия: Право. – Иркутск, 2016. – № 1. – С. 45–52.

70. Голубцов В. Г. Оценочные понятия в европейском частном праве // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 19–29.

71. Ермишина Н. С. Оценочные понятия и их влияние на права личности // Вектор науки ТГУ. Юридические науки. – 2014. – № 2 (17). – С. 44–46.

72. Должиков Р. С. Предупреждение субъективных ошибок толкования оценочных понятий в Уголовном кодексе РФ / Р. С. Должиков // Право и правосудие в современном мире : Сборник научных статей молодых исследователей XI Всероссийской студенческой научно-практической конференции студентов, магистрантов и соискателей (к 25-летию Российского государственного университета правосудия и 20-летию Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия).– Санкт-Петербург. – 2023. – С. 1470-1474.

73. Жевлаков Э. А., Звечаровский И. Э., Лунеев В. В., Наумов А. В., Плешаков А. М., Сергеев А. М. Усмотрение в уголовном праве и процессе // Уголовное право. – 2020. – № 3. – С. 3–12.

74. Иванов Н. Г. Принцип правовой определенности в уголовном праве // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4 (44). – С. 161–166.

75. Иншакова А. О. Трудности использования оценочных категорий в межотраслевых юридических исследованиях // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 6–11.

76. Канубриков В.Д. Оценочные признаки: проблемы применения и соответствие принципам российского уголовного законодательства Юридическая наука и правоохранительная практика, № 2 (32). – 2015. – 39-45.

77. Калинина О. М. Оценочные понятия главы 26 УК РФ // Закон и право. – 2019. – № 12. – С. 77–79.

78. Касияченко Н. В. Виды оценочных понятий права и их классификация // Юридический мир. – Минск, 2011. – № 2. – С. 25–29.

79. Касимов Д. Р. Конститутивные оценочные понятия в уголовном праве: понятие, виды, функции, сущностные особенности // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2021. – Т. 31. – Вып. 3. – С. 450–458.

80. Касимов Д. Р. Нормы морали в системе интерпретации уголовно-правовых оценочных понятий // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – № 2 (29). – С. 81–86.

81. Касимов Д. Р. Пенологические оценочные понятия в уголовном праве: понятие, сущность, значение // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. – 2020. – № 3 (38). – С. 12–18.

82. Касимов Д. Р. Толковательная инференция в контексте разработки и интерпретации уголовно-правовых оценочных понятий: теоретический аспект // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2019. – Т. 29. – Вып. 6. – С. 852–860.

83. Касимов Д. Р. Синтаксическая неопределённость уголовно-правовых оценочных понятий // Вестник МарГУ. – 2019. – № 3 (35). – С. 172–179.

84. Кириллов М. А., Неганов Д. А., Савельев В. В. Оценочные признаки в уголовном законодательстве // Вестник Чувашского университета. – Чебоксары, 2015. – № 4. – С. 78–83.

85. Киселев О. А. О видах и классификационных основаниях правовых оценочных понятий // Российский юридический журнал. – М., 2015. – № 6. – С. 47–53.

86. Кораблина О. В. Понятие и признаки судейского усмотрения в уголовном праве // Вестник Астраханского ГТУ. Гуманитарные науки. – 2007. – № 3 (38). – С. 242–248.

87. Коробец Б. Н. Социальная обусловленность использования оценочных понятий в уголовном законодательстве России // Право и государство: теория и практика. – 2007. – № 5 (29). – С. 127–132.

88. Кузьмичева Е. В., Луганцева Е. Д. Виды, способы и результаты толкования норм права с оценочными понятиями // Вестник Шахтинского

института (филиала) Южно-Российского государственного технического университета. – Шахты, 2014. – № 2. – С. 45–50.

89. Мажитова С. Р. Проблемы применения оценочных категорий главы 22 УК РФ // Вестник ЧелГУ. – 2012. – № 1 (255). Право. Вып. 31. – С. 75–79.

90. Малиновский А. А. Оценочные понятия в законодательстве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст. В 2 т. Т. 1 / Под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – С. 268–273.

91. Марчук В. В. Понимание оценочных признаков при квалификации преступления // Юстыцыя Беларусі. – 2014. – № 7. – С. 24–28.

92. Меньшикова А. Г. Оценочные понятия в уголовном законе // Вестник Уральского юридического института МВД России. – Екатеринбург, 2015. – № 1. – С. 95–98.

93. Мережкина М. С., Цыцылина Т. Л., Широ С. В. Свобода судебного усмотрения при толковании оценочных категорий // Legal Concept. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 79–83.

94. Мкртчян В. Г. Оценочные признаки как проблема уголовного права // Молодой ученый. – 2015. – № 11. – С. 122–126.

95. Николаев К. Д. Обстановка как внешний системообразующий фактор уголовного права / К. Д. Николаев // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии: Материалы международной научно-практической конференции, Барнаул, 15–16 июня 2023 года / Под редакцией Ю.В. Анохина. – Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2023. – С. 34-36

96. Новиков Е.Е. Оценочные категории, содержащиеся в уголовно-исполнительном законодательстве, и особенности их применения // Ведомости уголовно-исполнительной системы, № 2 (225). – 2021. – 27-37.

97. Ображиев К. В. Судебное толкование и судебное нормотворчество: проблемы соотношения // Журнал российского права. – 2010. – № 3. – С. 55–63.

98. Парунова Ю. Д. Оценочные понятия в правовой аргументации // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2020. – № 3. – С. 12–17.

99. Петраков С. В. Правила использования оценочных категорий в правовом регулировании // Юридическая техника. – 2009. – № 3. – С. 255–263.

100. Петраков С. В. Тенденции использования оценочных категорий и понятий в ходе нормотворческой деятельности // Журнал правовых и экономических исследований. – 2013. – № 2. – С. 55–58.

101. Пиголкин А. С. Юридическая терминология и пути ее совершенствования // Ученые записки ВНИИСЗ. – 1971. – Вып. 24. – С. 18–34.

102. Питецкий В. В. Конкретизация оценочных признаков уголовного законодательства // Советская юстиция. – 1991. – № 2. – С. 12–14.

103. Понятовская Т. Г., Кайшев А. В. Уголовный закон и правовые институты: проблемы системной согласованности // Российский журнал правовых исследований. – 2020. – Т. 7. – № 3. – С. 76–82.

104. Попов Д. В. Неопределенность права в контексте неопределенности биополитической стратегии в современном мире / Д. В. Попов. — Текст: непосредственный // Онтология и аксиология права: тезисы докладов и сообщений Девятой международной научной конференции. — Омск: Омская академия МВД России, 2019. — С. 48–54.

105. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Динамизм и стабильность судебной практики // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 57–64.

106. Пудовочкин Ю. Е, Бабаев М. М. Неопределенность уголовного права: содержание, риски, стратегия развития / Ю. Е. Пудовочкин, М. М. Бабаев // Российское правосудие. – 2018. – № 9. – С. 14-23.

107. Пудовочкин, Ю. Е. Неопределенность уголовного права: содержание, риски, стратегия развития / Ю. Е. Пудовочкин, М. М. Бабаев // Российское правосудие. – 2018. – № 9. – С. 14-23.

108. Рарог А. И. Оценочные признаки уголовного закона: границы судебного усмотрения // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 45–52.

109. Рясина А. С. Оценочные категории в праве // Вестник СГЮА. – 2012. – № 2 (84). – С. 134–138.

110. Сауляк О. П. Юридические нормы, содержащие оценочные понятия: теоретические и практические проблемы применения // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 4 (40). – С. 39–45.

111. Сумачев А. В. Судебное толкование уголовно-правовых оценочных понятий // Вестник Югорского государственного университета. – 2023. – Вып. 3. – С. 88–93.

112. Степанюк О. С. К вопросу о формулировке определения оценочного понятия уголовного закона // Вестник Белгородского университета. – Белгород, 2007. – № 2. – С. 112–118.

113. Фабрика И. В. Некоторые вопросы определения оценочного понятия // Вестник ЮУрГУ. Право. – 2012. – № 43 (вып. 32). – С. 18–22.

114. Фролов Е. А., Питецкий В. В. Гарантии законности и оценочные понятия в уголовном праве // Советское государство и право. – 1979. – № 6. – С. 87–91.

115. Шершеневич Г. Ф. Применение норм права // Журнал Министерства юстиции. – 1903. – № 1. – С. 34–82.

116. Шеслер А. В. Научные основы квалификации преступлений: учебно-методическое пособие для магистратуры. — Томск: Издательство НТЛ, 2017. — 68 с.

117. Шляпочников А. С. Некоторые вопросы логического толкования закона (на материалах нового уголовного законодательства) // Межвузовская научная конференция: «Социалистическая законность, толкование и применение советских законов». – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1961. – С. 28–31.

III. Диссертации и авторефераты диссертаций

118. Агеева Г. Е. Оценочные понятия процессуального права: дис. … канд. юрид. наук. – Самара, 2014. – 197 с.

119. Антонян А. Г. Оценочные категории в уголовно-исполнительном праве: дис. … канд. юрид. наук. – Томск, 2016. – 232 с.

120. Ахмедов Р. У. Оценочные признаки хищения и его форм в уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013. – 192 с.

121. Безруков С. С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: дис. … канд. юрид. наук. – Омск, 2001. – 220 с.

122. Белоусова К. А. Оценочные категории в праве: вопросы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук. – Белгород, 2019. – 182 с.

123. Берг Л. Н. Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект): дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – 202 с.

124. Богданович С. П. Оценочные понятия в вещном и обязательственном праве: дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2012. – 222 с.

125. Грачева Ю. В. Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2011. – 535 с.

126. Джинджолия Р. С. Проблемы систематизации оценочных категорий при квалификации преступлений против личности и назначении за них наказания (анализ теории и практики): дис. … д-ра юрид. наук. – Рязань, 2005. – 436 с.

127. Иванчин А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2005. – 189 с.

128. Жилкин М. Г. Уголовно-правовая оценка последствий преступлений в сфере экономической деятельности: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2001. – 249 с.

129. Назаренко Т. Н. Неопределенность в российском праве: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – 227 с.

130. Игнатенко В. В. Оценочные понятия в законодательстве об административной ответственности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Свердловск, 1989. – 18 с.

131. Касияненко Н. В. Оценочно-правовые понятия в нормотворчестве и правореализации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Минск, 2022. – 28 с.

132. Кашанина Т. В. Децентрализация в правовом регулировании (структурный анализ): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 1992. – 48 с.

133. Кашанина Т. В. Оценочные понятия в советском праве: дис. … канд. юрид. наук. – Свердловск, 1974. – 185 с.

134. Коробец Б. Н. Оценочные понятия в российском уголовном праве (социальная обусловленность и юридическая сущность): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2007. – 21 с.

135. Левина Д. Н. Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий: дис. … канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2007. – 216 с.

136. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика правоприменения: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2010. – 590 с.

137. Питецкий В. В. Оценочные понятия в советском уголовном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Свердловск, 1979. – 16 с.

138. Рясина А. С. Оценочные категории: общетеоретический и нравственно-правовой аспекты: дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2012. – 200 с.

139. Ткешелиадзе Г. Т. Судебная практика и уголовный закон: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Тбилиси, 1981. – 53 с.

140. Фетисов О. Е. Оценочные понятия в праве: проблемы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – 229 с.

141. Черданцев А. Ф. Основные проблемы теории толкования советского права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1972. – 35 с.

142. Шапченко С. Д. Оценочные признаки в составах конкретных преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Киев, 1988. – 24 с.

143. Шумилина О. С. Оценочные понятия в Уголовном кодексе Российской Федерации и их использование в правоприменительной деятельности: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2002. – 296 с.

144. Щепельков В. Ф. Уголовный закон как формально-логическая система: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.08. — СПб: СПбЮИ Генпрокуратуры РФ, 2003. — 458 с.

145. Язовских Ю. А. Проблемы вменения в российском уголовном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – 23 с.

VI.Судебная практика

146. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 174-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2012. – № 4.

147. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.03.2012 № 9-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 4 Закона Российской Федерации “О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации” в связи с жалобой администрации муниципального образования “Звениговский муниципальный район” Республики Марий Эл» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 15. – Ст. 181.

148. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2012 № 29-П «По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. Г. Круглова, А. В. Маргина, В. А. Мартынова и Ю. С. Шардыко» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 51. – Ст. 7323.

149. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2005 № 11-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры “Дом культуры им. Октябрьской революции”, ОАО “Центронефтехимремстрой”, гражданина А. А. Лысогора и Администрации Тульской области» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 48. – Ст. 5123.

150. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева» // Официальный сайт КС РФ. – URL: http://www.ksrf.ru (дата обращения: 23.11.2024).

151. Постановление Европейского суда по правам человека от 26.04.1979 по делу «The Sunday Times v. the United Kingdom» (жалоба № 6538/74) // База данных HUDOC. – URL: https://hudoc.echr.coe.int/ (дата обращения: 23.11.2024).

152. Постановление Европейского суда по правам человека от 25.05.1993 по делу «Kokkinakis v. Greece» (жалоба № 14307/88) // База данных HUDOC. – URL: https://hudoc.echr.coe.int/ (дата обращения: 23.11.2024).

153. Постановление Европейского суда по правам человека от 22.01.1995 по делу «S. W. v. the United Kingdom; C. R. v. the United Kingdom» (жалобы № 20166/92; № 20190/92) // База данных HUDOC. – URL: https://hudoc.echr.coe.int/ (дата обращения: 23.11.2024).

154. Постановление Европейского суда по правам человека от 17.02.2004 по делу «Maestri v. Italy» (жалоба № 39748/98) // База данных HUDOC. – URL: https://hudoc.echr.coe.int/ (дата обращения: 23.11.2024).

155. Постановление Европейского суда по правам человека от 08.07.2019 по делу «Mihalache v. Romania» (жалоба № 54012/10, § 91) // База данных HUDOC. – URL: https://hudoc.echr.coe.int/ (дата обращения: 23.11.2024).

156. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2021 № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. В. Величенко» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 22. – Ст. 3715. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384903/ (дата обращения: 23.11.2024).

157. Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 № 710-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Е. В. Гончаровой на нарушение её конституционных прав статьёй 201 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2013. – № 5.

158. Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 15.11.2019 № ПКС-1488 // Офиц. портал правовой информации Республики Армения (ARLIS). – URL: https://www.arlis.am/hy/acts/136491 (дата обращения: 23.11.2024).

159. Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 12.10.2021 № ПКС-1613 // Офиц. сайт Конституционного суда РА. – URL: https://www.concourt.am/decision/decisions/sdv-1613.pdf (дата обращения: 23.11.2024).

160. Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 26.03.2021 № ПКС-1586 // ARLIS. – URL: https://www.arlis.am/hy/acts/151190 (дата обращения: 23.11.2024).

161. Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Калмыкия от 29.08.2024 № 22-389/2024 по делу № 1-4/2024 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/HWGTcsnyMzmj/ (дата обращения: 23.11.2024).

162. Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан от 16.08.2024 № 22-5754/2024 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/JTwab4l583WT/ (дата обращения: 23.11.2024).

163. Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 12.07.2024 № 22-3962/2024 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/NRjlSuEzV6Zl/ (дата обращения: 23.11.2024).

164. Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 22.07.2024 № 22-3678/2024 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/9vL1yJiwLDNr/ (дата обращения: 23.11.2024).

165. Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Тыва от 16.07.2024 № 22-865/2024 по делу № 1-383/2024 // СудАкт.ру. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/rzDhCoXjVeYS/ (дата обращения: 23.11.2024).

166. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.10.2024 № 33-УДП24-18 // Legalacts.ru. – URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22102024-n-33-udp24-18/ (дата обращения: 23.11.2024).

167. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.01.2022 по делу № 88-292/2022 // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=49232 (дата обращения: 23.11.2024).

168. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 30.05.2024 № 7У-3113/2024 [77-1422/2024] // Гарант. – URL: https://base.garant.ru/340426258/ (дата обращения: 23.11.2024).

169. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.05.2024 № 77-1412/2024 (УИД 67RS0022-01-2023-000261-79) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=140699 (дата обращения: 23.11.2024).

170. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.05.2024 № 88-12846/2024 // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=170481 (дата обращения: 23.11.2024).

171. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // КонсультантПлюс. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 23.11.2024).

172. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/ (дата обращения: 23.11.2024).

173. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 23.11.2024).

174. Постановление Кассационного суда Республики Армения от 25.07.2008 по делу № ВБ-48/08 // ARLIS. – URL: https://www.arlis.am/hy/acts/47328 (дата обращения: 23.11.2024).

175. Постановление Кассационного суда Республики Армения от 11.05.2011 по делу № ЛД/0136/01/10 // ARLIS. – URL: https://www.arlis.am/hy/acts/71065 (дата обращения: 23.11.2024).

176. Постановление Кассационного суда Республики Армения от 18.08.2018 по делу № ЕАДД/0028/01/17 // ARLIS. – URL: https://new.arlis.am/hy/acts/148635 (дата обращения: 23.11.2024).

177. Постановление Кассационного суда Республики Армения от 20.12.2019 по делу № КД3/0013/01/18 // ARLIS. – URL: https://www.arlis.am/hy/acts/148692 (дата обращения: 23.11.2024).

Приложение 1

Сравнительный анализ научных подходов к определению оценочных признаков

№	**Автор**	**Понимание оценочного признака**	**Ключевая характеристика**
1	А. С. Шляпочников	Элементы, содержание которых раскрывается в зависимости от конкретных обстоятельств дела	Ориентация на роль признаков в квалификации и назначении наказания
2	А. С. Пиголкин	Термины, используемые в нормативных актах, значение которых не может быть раскрыто исключительно на основе теоретического, отвлеченного толкования	Связь с опытом и правосознанием правоприменителя, зависимость от жизненных условий
3	В. Н. Кудрявцев	Переменные признаки преступления, содержание которых формируется не исключительно на основании закона и подзаконных актов, а также с учётом конкретных обстоятельств дела	Именно следователь, прокурор, судья осуществляет наполнение оценочных признаков конкретным содержанием
4	А. Ф. Черданцев	Лексико-юридические конструкции, содержание и объём которых изменяются в зависимости от социально-политических и экономических условий	Акцентирует на динамическом характере оценочных терминов, обусловленном изменением оснований социальной оценки тех или иных явлений
5	Т. В. Кашанина	Выраженное в норме права предписание, закрепляющее наиболее общие признаки, свойства, качества, связи и отношения социально значимых объектов	Акцент на регулятивной роли оценочных понятий, благодаря которой они служат связующим звеном между абстрактной нормой и индивидуализированным регулированием общественных отношений

6	В. В. Питецкий	Интерпретативные инструменты, действующие в пределах правовой нормы и обеспечивающие эффективную трансформацию обобщенного законодательного предписания в индивидуализированный акт правоприменения	Акцент на роли профессионального правосознания. Подчеркивается именно непосредственная роль правосознания как элемента индивидуализации нормативного содержания оценочного признака
7	А. В. Наумов	Признаки состава преступления, содержание которых определяется не самим законом или нормативным актом, а правосознанием правоприменителя, исходя из конкретных обстоятельств конкретного дела	Акцентирует внимание на ключевом методологическом признаке оценочных понятий – их зависимость от субъективного, но институционально оформленного восприятия, основанного на юридическом опыте и правовой культуре субъекта правоприменения
8	М. И. Ковалев	Постулаты, которые допускают внесение различных суждений в зависимости от позиции интерпретатора	Содержание нормы детерминируется внутренней логикой правоприменителя, при этом не предполагается однозначности в результатах толкования
9	Н. А. Лопашенко	Характеризует оценочную категорию как неопределенную в Уголовном кодексе и изначально допускающую различные варианты ее трактовки	Акцент на множественности возможных правовых интерпретаций, подчеркивая динамичность и

			конкурентность правовых смыслов
10	Е. В. Ильюк	Характеризирует как наличие когнитивного пробела в тексте закона, восполняемого в правоприменительной практике	Правоприменитель выявляет и формирует эти признаки, опираясь на конкретику дела
11	Е. А. Фролов	Предлагает философско-логическое обоснование оценочных понятий как особой разновидности юридических конструкций, обладающих внутренней сравнительно-оценочной логикой	Указывает не просто на вариативность или неопределенность содержания, а на то, что сущностная особенность оценочных понятий состоит в сравнительно-оценочной природе самого юридического суждения
12	С. Д. Шапченко	Определяет оценочные понятия как общие представления, используемые законодателем для непосредственного выражения социальной значимости в праве	Оценочное понятие несет в себе социально-культурный смысл, который правоприменитель должен уметь «распаковать» и применить с учетом особенностей конкретного случая
13	С. С. Безруков	Относительно определенные понятия, содержание которых имеет незамкнутую структуру, всегда оставаясь открытым, и может быть установлено лишь посредством самостоятельной оценки конкретной правоприменительной ситуации со стороны лица, применяющего закон	Фокусируется на структурно-открытом характере оценочных понятий, их предназначении для компенсации нормативной неопределенности в условиях разнообразия фактических обстоятельств
14	М. Г. Жилкин	Определяет уголовно-правовые оценочные понятия	Оценочные понятия рассматриваются как

		как обобщенные модели, которые описываются в законе с помощью специальных уголовно-правовых терминов, при этом они являются бесконечными по объему и неясными по содержанию	юридически значимые когнитивные структуры, подлежащие конкретизации в рамках выработанных правовых стандартов и судебной практики
15	О. С. Шумилина	Оценочное понятие – это понятие, содержащееся в уголовно-правовой норме, которое подлежит конкретизации правоприменителем при оценке фактов	Особое внимание в определении уделяется детерминации применения нормы через факты – то есть оценочные понятия выступают промежуточным звеном между правовой нормой и реальными обстоятельствами, влияющими на квалификацию
16	Б. Н. Коробец	Категория, не имеющая исчерпывающего легального содержания, и именно эта открытость делает ее пригодной для применения в изменяющихся социальных контекстах	Подчеркивает адаптивный потенциал оценочных понятий, позволяющий законодателю не фиксировать исчерпывающий перечень случаев, а оставлять пространство для правоприменительной интерпретации
17	Д. Н. Левина	Оценочное понятие – это закреплённое в нормах права обобщённое понятие, отражающее наиболее общие свойства различных предметов, действий, процессов, при этом сознательно не конкретизируемое	Целевое нормативное допущение свободы интерпретации, встроенное в систему правовых норм с целью обеспечения их применимости к разнообразным жизненным ситуациям

		законодателем, чтобы предоставить субъекту правоприменения возможность свободной оценки в рамках конкретной правовой ситуации	
18	О. Е. Фетисов	Оценочное понятие представляет собой санкционированное нормой права либо возникающее в процессе правоотношений социально значимое явление, которое имеет своей целью общую характеристику наиболее общих свойств разнообразных объектов регулирования	Оценочные понятия рассматриваются как динамические правовые инструменты, соотнесенные как с ценностными основаниями правопорядка, так и с конкретными механизмами реализации уголовной ответственности
19	Р. У. Ахмедов	Понятия, прямо упомянутые в уголовном законе, но не определенные им, которые используются как в нормах Общей части, так и при описании конкретных составов преступлений и оказывают влияние на их квалификацию	Вводит в конструкцию оценочного признака элемент институционального контроля над усмотрением (учет официальных разъяснений ВС)
20	Е. В. Кобзева	Оценочные признаки представляют собой не конкретизированные в законе уголовно-правовые понятия, не описывающие предмет в его целостности, а лишь отражающие его свойства или отношения	Оценочные признаки рассматривает не как правовую аномалию или допустимую неопределенность, а как системные элементы механизма уголовно-правовой квалификации, выполняющие инструментальную функцию
21	О. С. Степанюк	Понятие, конкретизируемое правоприменителем при оценке фактов,	Акцент на детерминирующей роли фактов: оценочное понятие не

		детерминирующих применение нормы	формируется в отрыве от конкретики, но наоборот – зависит от совокупности обстоятельств, имеющих правовое значение
22	С. И. Вильнянский	Понятия, которые дают суду возможность свободной оценки фактов и учета индивидуальных особенностей конкретного случая при обязательном в то же время применении закона	Подчеркивает двойственную природу оценочных понятий: с одной стороны, они предоставляют пространство для свободной оценки, а с другой – эта свобода осуществляется внутри правового поля, в рамках обязательного применения закона
23	С. П. Богданович	Формально неопределённые положения, охватывающие определённую совокупность явлений правовой действительности	Подчеркивает формальную неопределенность как обязательную характеристику оценочного понятия
24	А. В. Миронов	Абстрактные правовые конструкции, обозначающие тип или модель определённого социально-правового явления	Рассматривать оценочные понятия как категориальные схемы, упрощающие и обобщающие восприятие социально значимых процессов через призму юридической оценки
25	Г. Е. Агеева	Конструкция, выражающая в абстрактной форме типичные признаки правозначимых объектов	Автор подчеркивает, что включение оценочных понятий в законодательный массив обусловлено необходимостью гибкости, адаптивности и

			полноты регулирования
26	А. Г. Диденко	Понятие, позволяющее определить меру между правовыми состояниями	Акцент на градуирующую и разграничительную функцию оценочного понятия в механизме правового регулирования.
27	Д. Р. Касимов	Слово или словосочетание, которое не имеет в уголовном законе либо иных нормативных правовых и подзаконных актах: 1. точного (ясного, не вызывающего сомнений и разногласий) значения, 2. исчерпывающего по объему и параметрам определения, 3. ситуативной неизменности, то есть независимости от конкретных обстоятельств	Сама по себе вариативность толкования, отсутствие дефиниции или открытый характер объёма понятия не являются достаточными признаками оценочности – необходимо наличие нормативно неурегулированного семантического предела, что позволяет выделить оценочную категорию из иных правовых конструкций

Приложение 2

Обобщённые результаты опроса прокуроров Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Какие оценочные признаки, на Ваш взгляд, вызывают наибольшие трудности в правоприменении? (открытый вопрос)

1. Существенный вред
2. Значительность материального ущерба
3. Тяжкие последствия
4. Существенность вреда
5. Значительность ущерба
6. существенный вред
7. Существенный и моральный вред
8. Состав
9. квалификация деяния
10. Не имущественного характера
11. Малозначительность деяния
12. обезображивание лица
13. Оценочные признаки («существенный вред», «значительный ущерб» и др.) встречаются нередко, и их применение требует учета обстоятельств конкретного дела, анализа судебной практики и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации
14. Реальность восприятия потерпевшим угрозы убийством
15. Существенное нарушение прав и свобод граждан
16. Смешанного типа
17. Значительность материального ущерба
18. Неопределённость
19. Злостность, значительность ущерба, существенность причиненного вреда, уровень возникшей опасности для жизни и здоровья

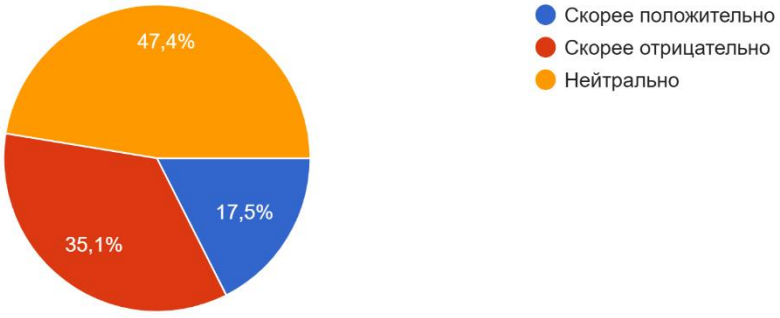
20.Имущественное положение
21.Признак значительного причинение ущерба юр. лицам
22.общественно-опасное деяние
23.малозначительность
24.Не вызывают
25.Особая жестокость
26.Существенный вред; Лицо, использующее свое служебное положение.
27.Субъективная оценка деяния
28.Тяжкие последствия, существенный вред, обезображивание
29.Значительный ущерб
30.Хулиганские побуждения, малозначительность
31.Сравнительно-оценочная природа
32.оценка существенности допущенных нарушений при производстве предварительного расследования 2. оценка существенности наступивших последствий от совершения лицом преступного деяния
33.Квалифицирующие
34.затрудняюсь ответить
35.Ущерб, вред, и их значительность и существенность
36.существенность нарушения прав и законных интересов граждан либо организацией при совершении должностных преступлений
37.Трудностей не вызывает
38.существенное нарушение
39.Существенное нарушение и моральный вред
40.Никакие
41.При определении суммы минимального ущерба при совершении квалифицирующих признаков преступления
42.Малозначительность
43.существенный вред/тяжкие последствия
44.Существенное нарушение прав и законных интересов человека, общества и государства
45.Возмещение ущерба
46.Существенность, опасность
47.«Существенное нарушение»; «злостность»; вопросы ущерба
48.Различная практика в регионах
49.Тяжкие последствия, причиненные преступлением
50.тяжкие последствия, значительный ущерб
51.Оценочные признаки качественного типа (например «злостный характер»), а также некоторые, закрепленные в УК РФ (например «особая жестокость», «существенное нарушение»
52.Никаких
53.Существенный вред для юридических лиц
54.связанные с квалификацией содеянного
55.В п. Б ч. 2 ст. 285.4 УК РФ
56.конструктивная неопределенность

57. существенность вреда, причиненного охраняемым интересам общества и государства
58. конструктивная неопределенность

Какая из характеристик оценочных признаков, по Вашему мнению, чаще всего вызывает сложности в правоприменении?
96 ответов

Какие из перечисленных функций оценочных признаков, на Ваш взгляд, являются наиболее востребованными в современной практике?
97 ответов

Как Вы относитесь к использованию оценочных признаков в уголовном законодательстве?
97 ответов

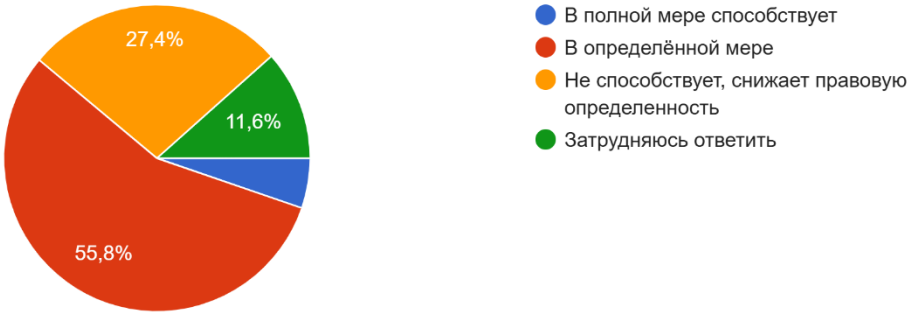


Считаете ли Вы использование оценочных признаков в уголовном законодательстве допустимым?

97 ответов

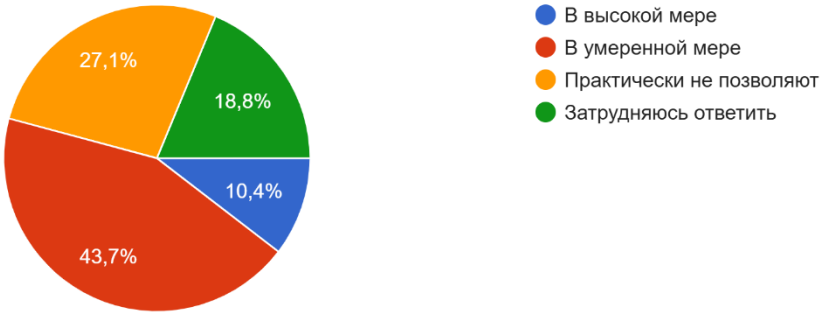
Считаете ли Вы, что использование оценочных признаков способствует формированию баланса между принципом правовой определён...ходимостью адаптивности уголовного права?

95 ответов



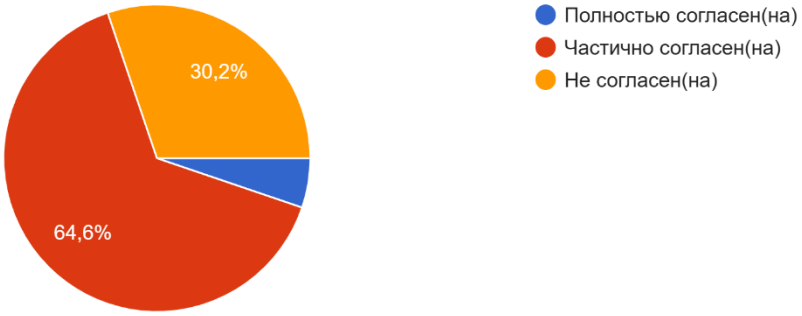
В какой мере оценочные признаки позволяют адаптировать уголовное законодательство к новым видам преступности (например, в цифровой сфере)?

96 ответов



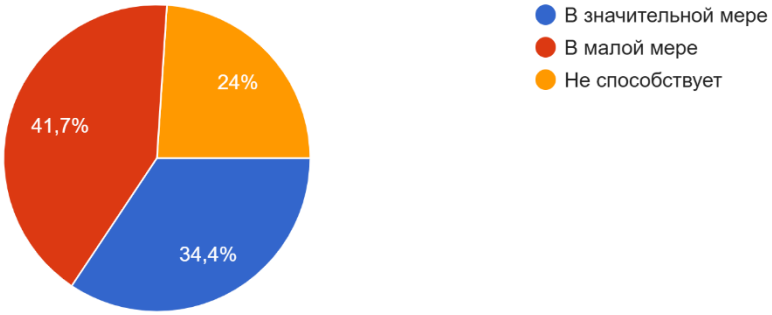
Насколько Вы согласны с утверждением, что оценочные признаки помогают преодолевать латентность преступности (например, коррупционной или экономической)?

96 ответов



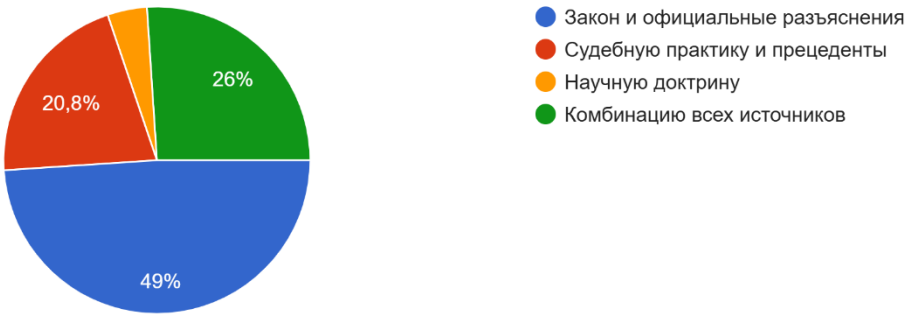
Насколько, по Вашему мнению, использование оценочных признаков способствует гармонизации уголовного права с морально-нравственными нормами общества?

96 ответов



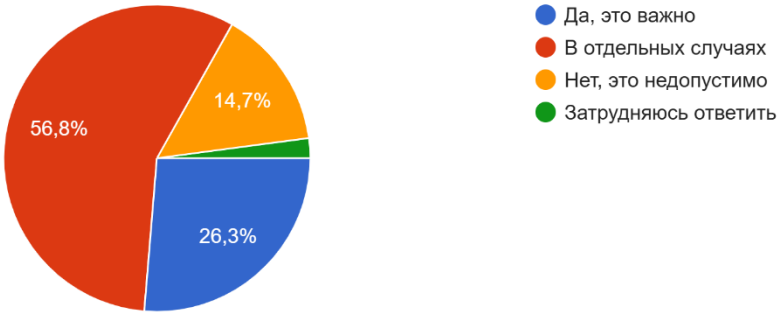
Считаете ли Вы, что оценочные признаки должны толковаться преимущественно через:

96 ответов



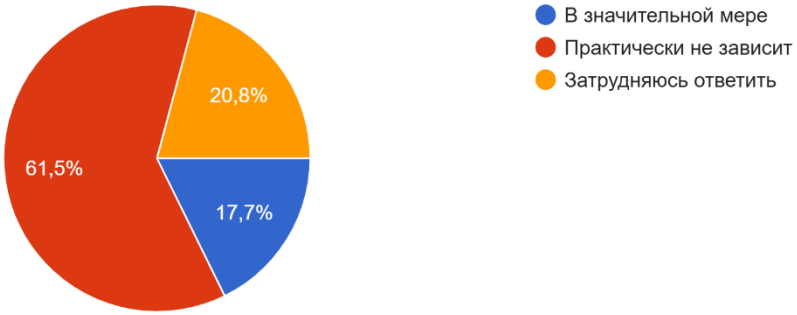
Считаете ли Вы, что при толковании оценочных признаков необходимо учитывать моральные и социокультурные ориентиры наряду с принципом законности?

95 ответов



В какой мере, по Вашему мнению, толкование оценочных признаков должно зависеть от историко-правового контекста?

96 ответов

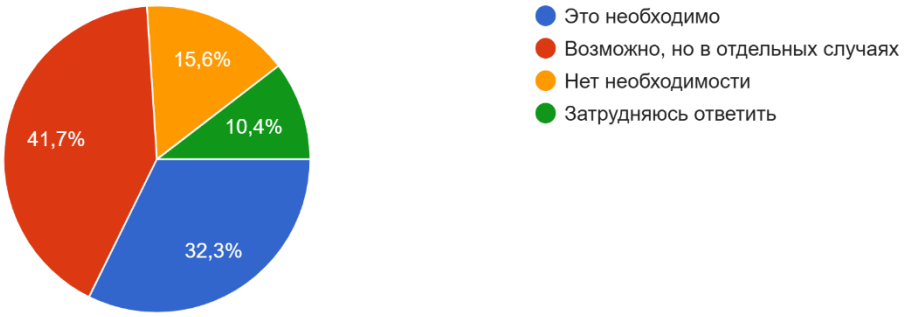


Считаете ли Вы, что изменчивость судебной практики при толковании оценочных признаков является:

95 ответов

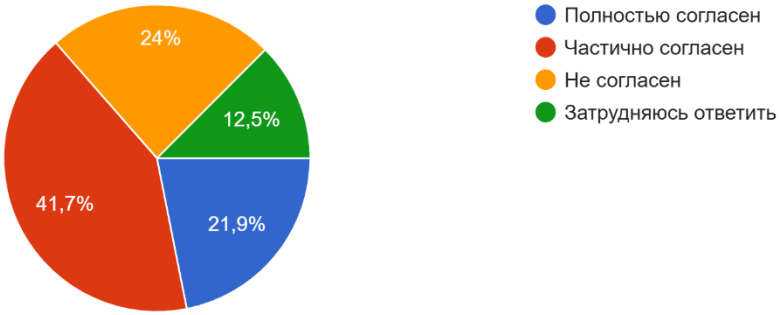
Как Вы относитесь к идее институционального мониторинга изменений судебной практики по вопросам толкования оценочных признаков?

96 ответов



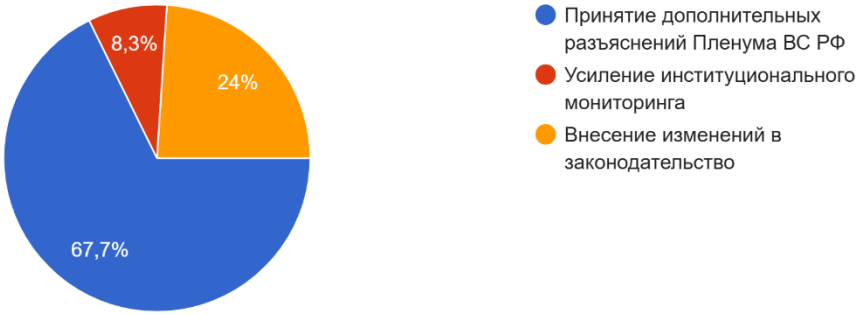
Согласны ли Вы, что чрезмерная изменчивость судебной практики может использоваться в политических целях и подрывать принцип законности?

96 ответов



Каким образом, на Ваш взгляд, можно повысить предсказуемость судебной практики?

96 ответов

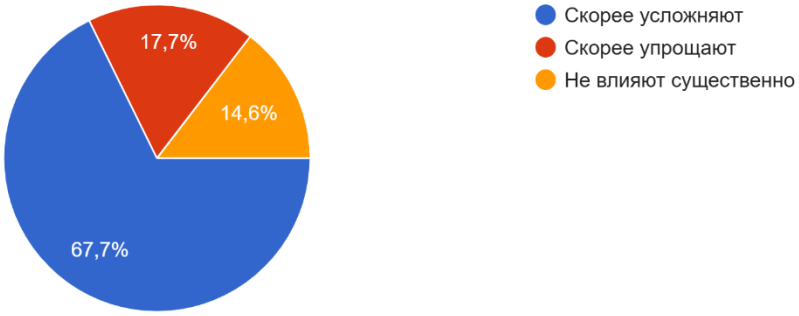


В каких случаях, на Ваш взгляд, оценочные признаки наиболее оправданы?

95 ответов

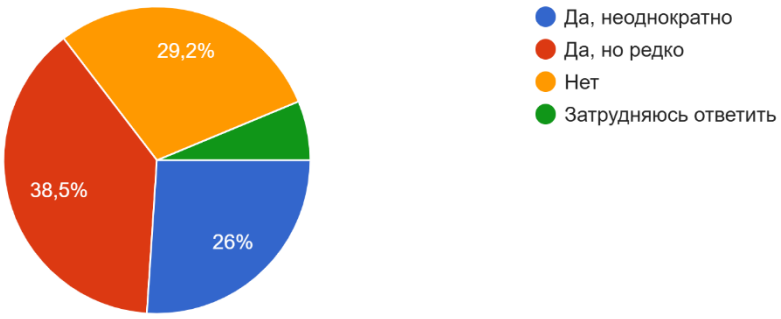
Считаете ли Вы, что оценочные признаки усложняют или упрощают процесс квалификации преступлений?

96 ответов

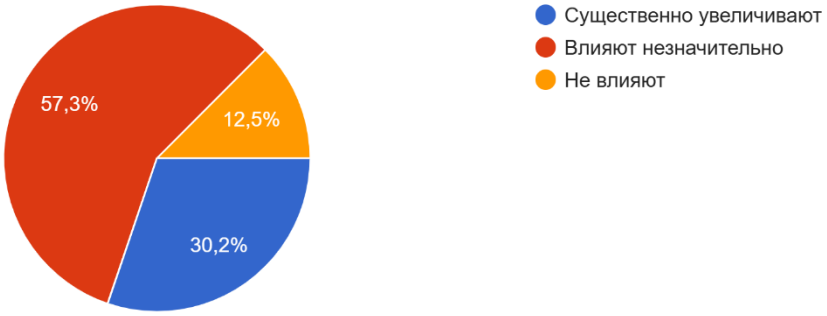


Приходилось ли Вам сталкиваться с переквалификацией дел из-за различного толкования оценочных признаков?

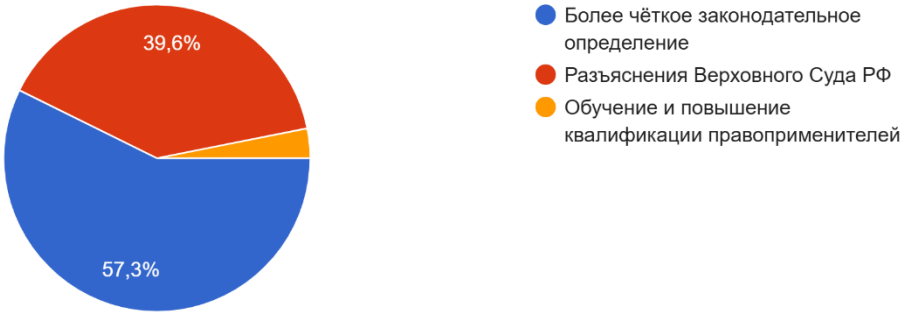
96 ответов



Как Вы оцениваете влияние оценочных признаков на частоту переквалификаций?
96 ответов



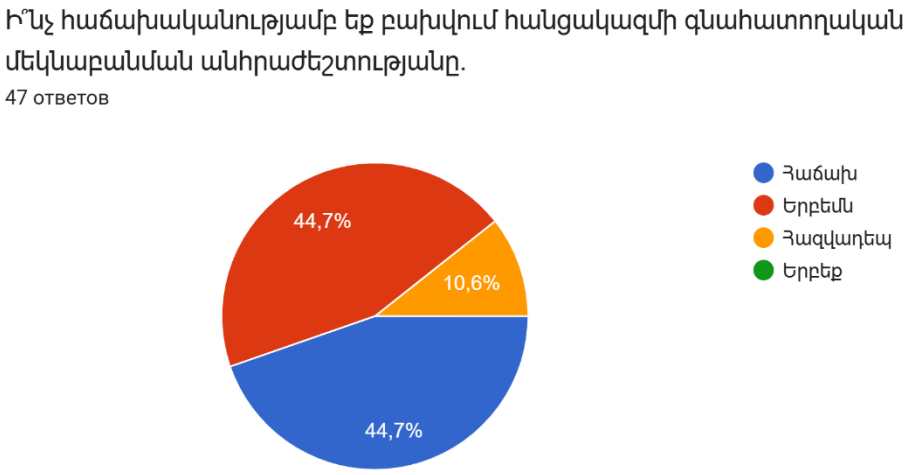
Какие меры, на Ваш взгляд, могли бы снизить количество переквалификаций?
96 ответов



Считаете ли Вы необходимым проводить обязательную комплексную переоценку всех оценочных признаков при нормативной трансфо... признаков или критериев тяжести деяния)?
95 ответов

Приложение 3

Обобщённые результаты опроса прокуроров Генеральной прокуратуры Республики Армения (идентична по содержанию анкете в *Приложении 2*; текст на армянском языке)



Ձեր կարծիքով հանցակազմի ո՞ր գնահատողական հատկանիշներն են ամենից հաճախ դժվարություններ առաջացնում իրավակիրառ պրակտիկայում.

1. օբյեկտիվ կողմը (объективная сторона)

2. սուբյեկտիվ կողմի հատկանիշների գնահատումը (оценка признаков субъективной стороны)
3. էական վնաս հասկացությունը բավականաչափ լայն է (понятие «существенный вред» является достаточно широким)

4. էական վնաս, հարգելի պատճառ հասկացությունները (понятия «существенный вред», «уважительные причины»)

5. դժվարությունները հիմնականում կապված են սուբյեկտիվ կողմից բացահայտման հետ՝ առանձին դաժանություն, հարկադրանքի այլ եղանակ, այլ դաժան վերաբերմունք, խուլիգանական դրդում, այլ ստոր դրդում, անհաղթահարելի ուժ և այլն (трудности главным образом связаны с раскрытием признаков субъективной стороны: особая жестокость, иной способ принуждения, иное жестокое обращение, хулиганский мотив, иные низменные побуждения, непреодолимая сила и т.д.)

6. այլ ծանր հետևանքներ («иные тяжкие последствия»)

7. հիմնականում ոչ գույքային վնասը (преимущественно нематериальный вред)

8. Օբյեկտիվ կողմի հատկանիշ «էական վնաս», «ծանր հետևանքներ»՝ ոչ նյութական լինելու պարագայում (признак объективной стороны - «существенный вред», «тяжкие последствия» в случае их нематериального характера)

9. ծանրացնող այնպիսի հանգամանքներ, ինչպիսիք են՝ զենք կամ որպես զենք կամ հարմարեցված առարկայի օգտագործմամբ կատարված հանցագործություններ, հանցանքը հատուկ սուբյկտի կողմից կատարված լինելիս անձի արարքի որակման առանձնահատկությունները (отягчающие обстоятельства, такие как преступления, совершённые с применением предмета, используемого в качестве оружия или специально приспособленного для причинения вреда; особенности квалификации деяния, если преступление совершено специальным субъектом)

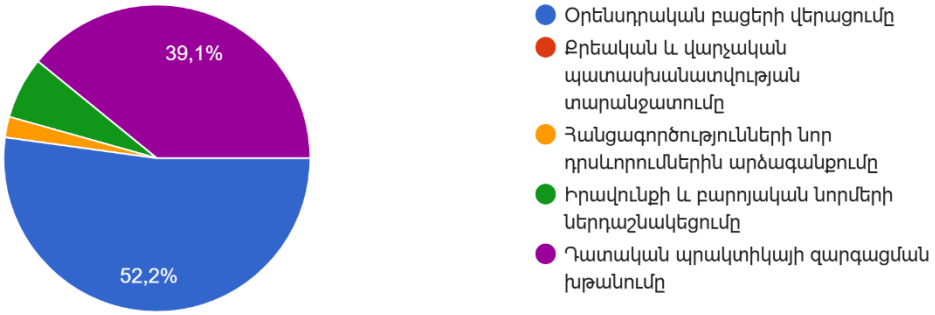
10. որոնք կապված են հոգեբանական գնահատման հետ (которые связаны с психологической оценкой)

11. էական վնասի հասկացությունը, ֆիզիկական ուժեղ ցավի հոգեկան ուժեղ տառապանքի ուժգնության գնահատումը (понятие существенного вреда, оценка интенсивности физической сильной боли и тяжких страданий)

12. սուբյեկտիվ կողմի հատկանիշներից՝ շարժառիթը և նպատակը (признаки субъективной стороны - мотив и цель)

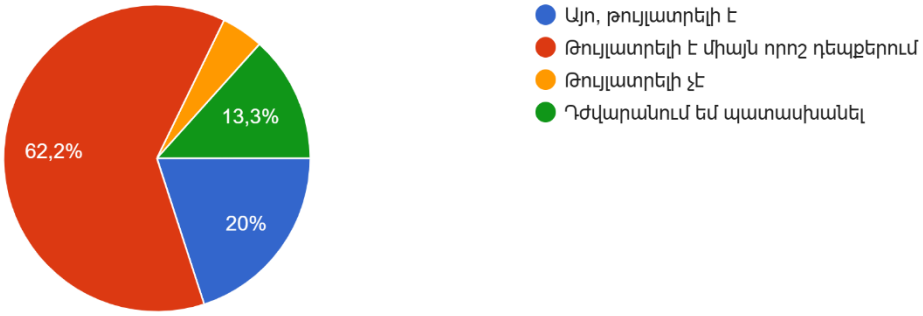
Ձեր կարծիքով հանցակազմի գնահատողական հատկանիշների ո՞ր բնութագրական հատկանիշն է առավել հաճախ դժվարություններ առաջացնում իրավակիրառ պրակտիկայում.
46 ответов

Գնահատողական հատկանիշների ո՞ր գործառույթն է, Ձեր կարծիքով, առավել անհրաժեշտ իրավակիրառ պրակտիկայում.
46 ответов

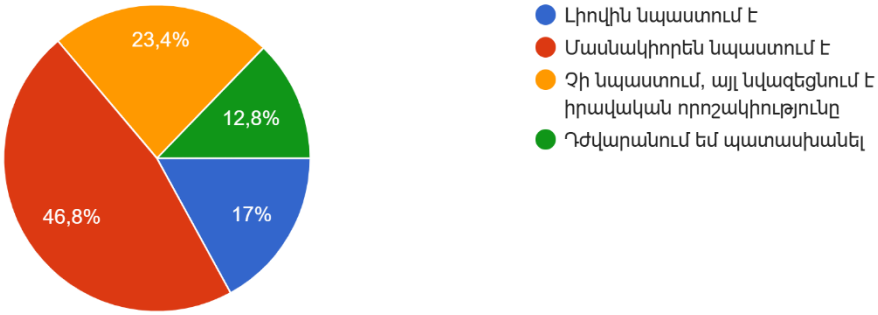


Ինչպե՞ս եք վերաբերվում քրեական օրենսդրության մեջ գնահատողական հատկանիշների կիրառմանը.
46 ответов

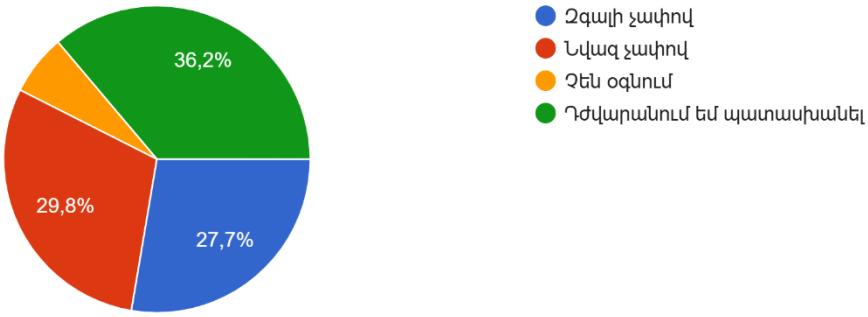
Թույլատրելի է արդյո՞ք գնահատողական հատկանիշների օգտագործումը քրեական օրենսդրության մեջ.
45 ответов



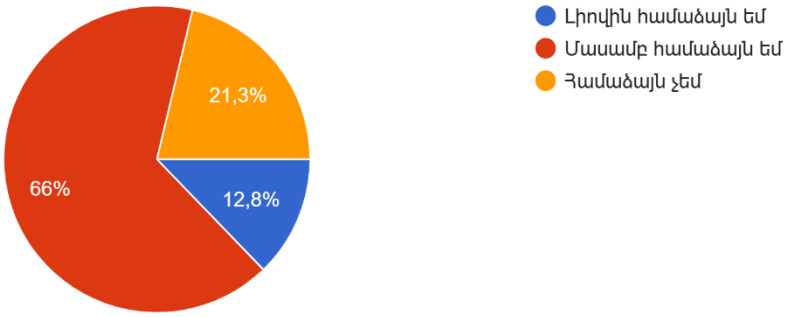
Արդյո՞ք գնահատողական հատկանիշների օգտագործումը նպաստում է իրավական որոշակիության և քրեական օրենսդրության ճկո...ւթյան միջև հավասարակշռության ձևավորմանը.
47 ответов



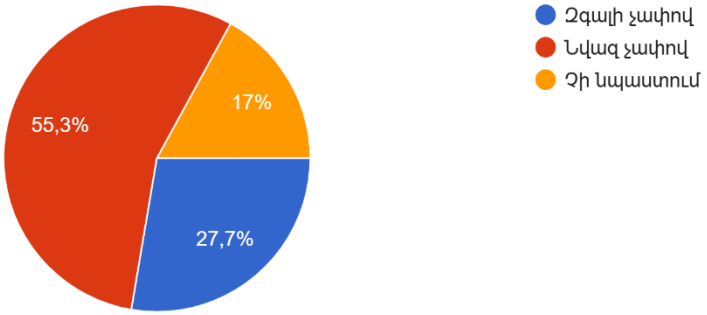
Որքանո՞վ են հանցակազմի գնահատողական հատկանիշներն օգնում արդյունավետորեն արձագանքել հանցագործությունների նոր դրսևորումներին (օրինակ՝ թվային ոլորտում).
47 ответов



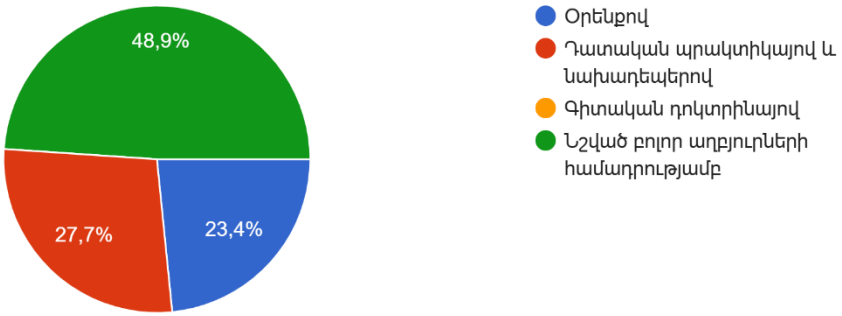
Որքանո՞վ եք համաձայն այն պնդման հետ, որ գնահատողական հատկանիշները օգնում են հաղթահարել հանցագործության լատենտությունը...տնտեսական բնույթի հանցագործությունները).
47 ответов



Որքանո՞վ է գնահատողական հատկանիշների կիրառումը նպաստում քրեական իրավունքի և բարոյական նորմերի ներդաշնակեցմանը.
47 ответов

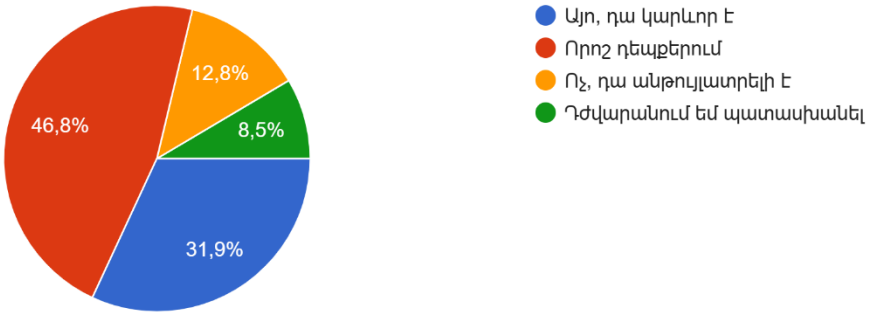


Գնահատողական հատկանիշները հիմնականում պետք է մեկնաբանվեն.
47 ответов



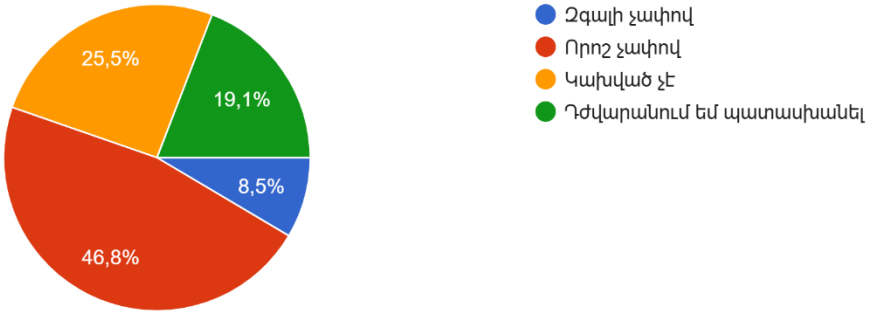
Արդյո՞ք հանցակազմի գնահատողական հատկանիշների մեկնաբանման ժամանակ անհրաժեշտ է հաշվի առնել բարոյական և սոցիալ-մշակութային չափանիշները.

47 ответов



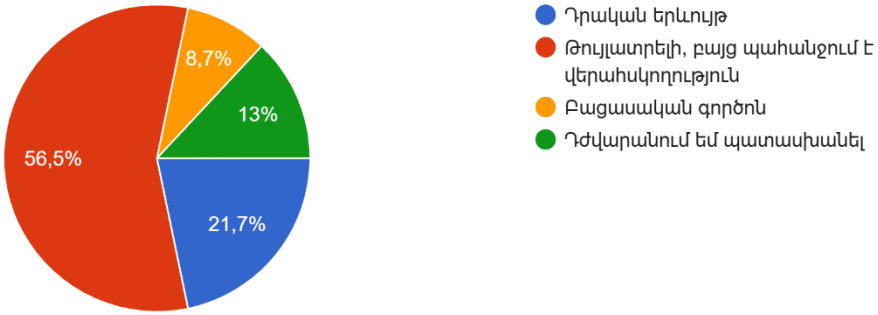
Որքանո՞վ է հանցակազմի գնահատողական հատկանիշների մեկնաբանությունը կախված պատմա-իրավական համատեքստից.

47 ответов

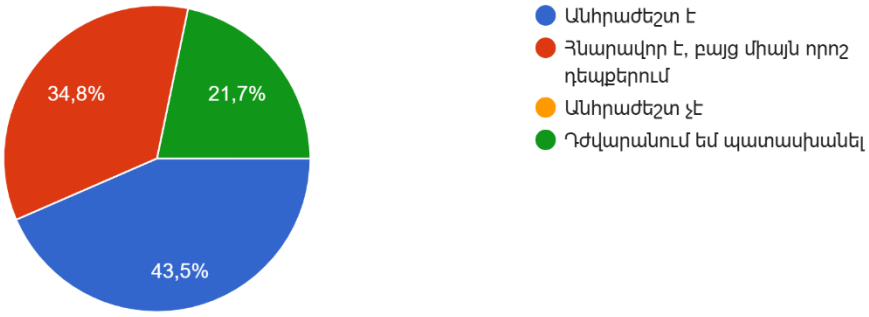


Դատական պրակտիկայի փոփոխականությունը գնահատողական հատկանիշների մեկնաբանման համատեքստում հանդիսանում է.

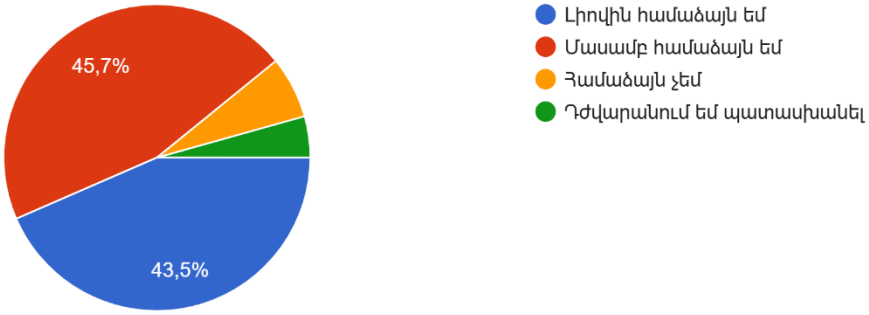
46 ответов



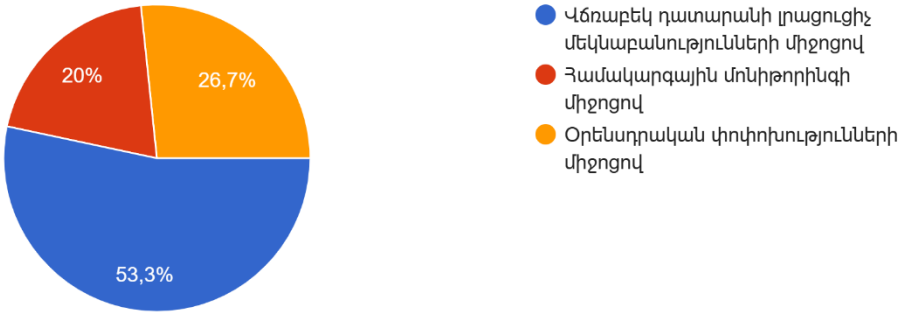
Ինչպե՞ս եք գնահատում դատական պրակտիկայի փոփոխությունների ինստիտուցիոնալ մոնիթորինգի անհրաժեշտությունը հանցակազմ...հատկանիշների մեկնաբանման համատեքստում.
46 ответов



Համամի՞տ եք, որ դատական պրակտիկայի չափազանց փոփոխականությունը հանցակազմի գնահատողական հատկանիշների մեկնաբանման հ...րով և խաթարել օրինականության սկզբունքը.
46 ответов

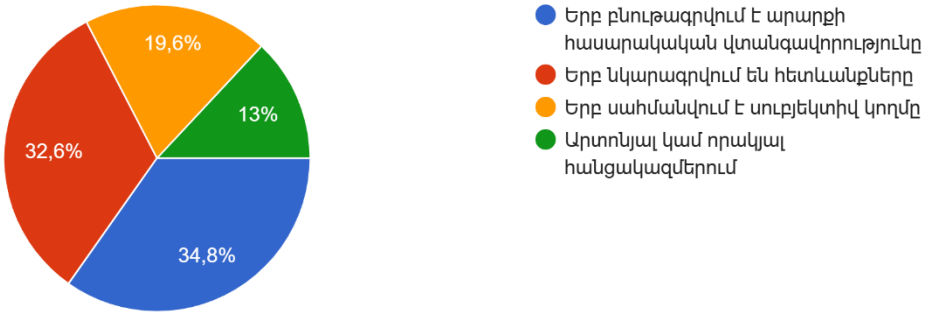


Ինչպե՞ս կարելի է բարձրացնել դատական պրակտիկայի կանխատեսելիությունը հանցակազմի գնահատողական հատկանիշների մեկնաբանման համատեքստում.
45 ответов



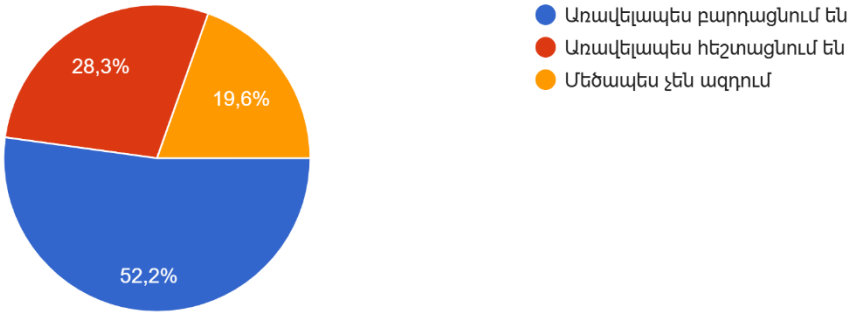
Ո՞ր դեպքերում են գնահատողական հատկանիշները առավել արդարացված.

46 ответов



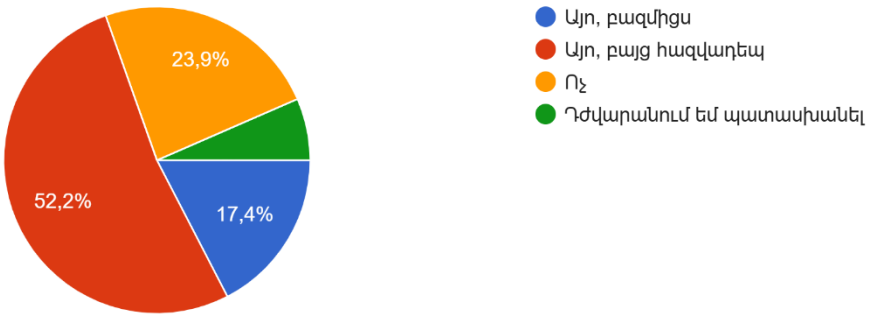
Հանցակազմի գնահատողական հատկանիշները բարդացնում թե՞ հեշտացնում են հանցագործությունների որակավորման գործընթացը.

46 ответов



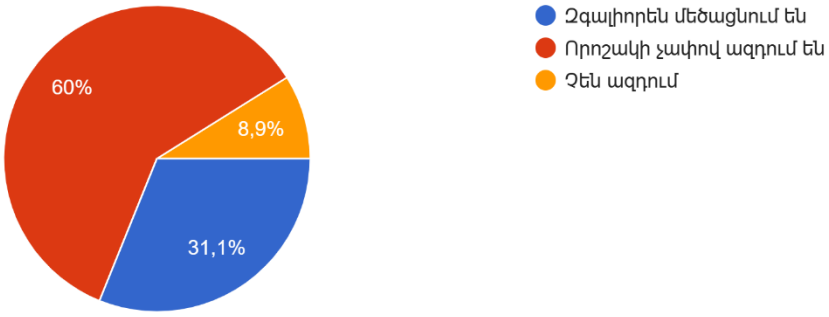
Բախվե՞լ եք արդյոք արարքի վերաորակավորման դեպքի՝ պայմանավորված հանցակզմի գնահատողական հատկանիշների տարբեր մեկնաբանությամբ.

46 ответов



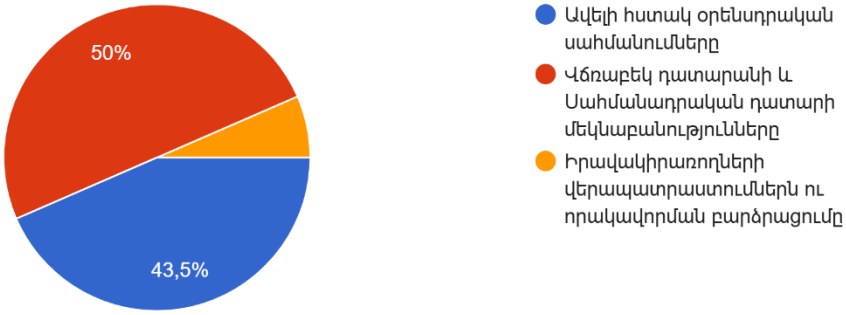
Ինչպե՞ս եք գնահատում հանցակազմի գնահատողական հատկանիշների ազդեցությունը վերաորակավորումների հաճախականության վրա.

45 ответов



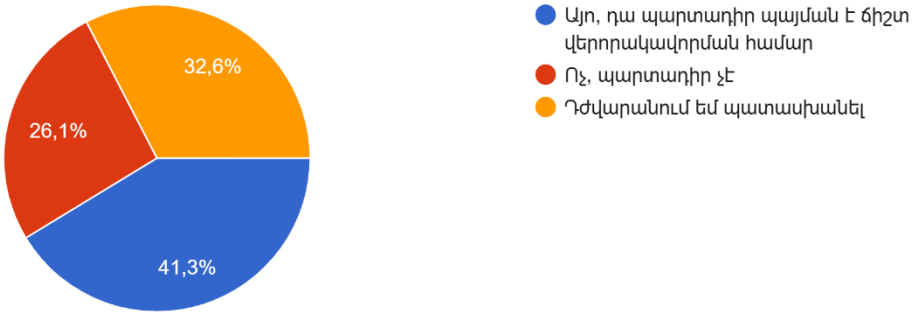
Ո՞ր միջոցառումը, ըստ Ձեզ, կարող է նվազեցնել գնահատողական հատկանիշների մեկնաբանաման հետ կապված վերաորակման դեպքերը.

46 ответов



Հանցակազմի տարրերի օրենսդրական փոփոխության դեպքում արդյո՞ք անհրաժեշտ եք համարում գնահատողական հատկանիշների համակարգային վերաորակումը.

46 ответов



Приложение 4

Сравнительный анализ ответов прокуроров Генеральных прокуратур РФ и РА на вопросы опроса о правоприменении оценочных признаков.

Как часто Вы сталкиваетесь с необходимостью толкования оценочных признаков в уголовном праве?

	РФ (%)	РА (%)
Регулярно	38,5	44,7
Иногда	43,8	44,7
Редко	14,6	10,6
Никогда	3,1	0

Какие оценочные признаки, на Ваш взгляд, вызывают наибольшие трудности в правоприменении? (открытый вопрос)

Наиболее сложные для правоприменения оценочные признаки (сравнение мнений прокуроров РФ и РА)

	РФ (69)	РА (31)
Существенный вред / существенное нарушение	30,4%	38,7%
Значительный ущерб (имущественный)	13,0%	16,1%
Тяжкие последствия	7,2%	16,1%
Малозначительность деяния	5,8%	0%
Неимущественный (моральный) вред	4,3%	12,9%
Особая жестокость, обезображивание	5,8%	12,9%
Субъективные признаки (мотив, цель, злостность и др.)	7,2%	38,7%

Какая из характеристик оценочных признаков, по Вашему мнению, чаще всего вызывает сложности в правоприменении?

	РФ (%)	РА (%)
Конструктивная неопределённость	25,0	28,3
Ситуативная адаптивность	27,1	32,6
Институционально зависимая конкретизация	9,4	30,4
Сравнительно-оценочная природа	38,5	8,7

Какие из перечисленных функций оценочных признаков, на Ваш взгляд, являются наиболее востребованными в современной практике?

	РФ (%)	РА (%)
Устранение пробелов законодательства	47,4	52,2
Разграничение уголовной и адм. ответственности	12,4	2,2
Адаптация к новым формам преступности	21,6	2,2
Гармонизация права с моральными нормами	7,2	4,3
Стимулирование судебной практики	11,3	39,1

Как Вы относитесь к использованию оценочных признаков в уголовном законодательстве?

	РФ (%)	РА (%)
Скорее положительно	17,5	26,1
Скорее отрицательно	35,1	28,3
Нейтрально	47,4	45,7

Считаете ли Вы использование оценочных признаков в уголовном законодательстве допустимым?

	РФ (%)	РА (%)
Полностью допустимо	12,4	20,0
Допустимо лишь в ограниченных случаях	63,9	62,2
Недопустимо	13,4	4,4
Затрудняюсь ответить	10,3	13,3

Считаете ли Вы, что использование оценочных признаков способствует формированию баланса между принципом правовой определённости и необходимостью адаптивности уголовного права?

	РФ (%)	РА (%)
В полной мере способствует	5,3	17,0

	РФ (%)	РА (%)
В определённой мере	55,8	46,8
Не способствует, снижает определённость	27,4	23,4
Затрудняюсь ответить	11,6	12,8

В какой мере оценочные признаки позволяют адаптировать уголовное законодательство к новым видам преступности (например, в цифровой сфере)?

	РФ (%)	РА (%)
В высокой мере	10,4	27,7
В умеренной мере	43,7	29,8
Практически не позволяют	27,1	6,4
Затрудняюсь ответить	18,8	36,2

Насколько Вы согласны с утверждением, что оценочные признаки помогают преодолевать латентность преступности (например, коррупционной или экономической)?

	РФ (%)	РА (%)
Полностью согласен	5,2	12,8
Частично согласен	64,6	66,0
Не согласен	30,2	21,3

Насколько, по Вашему мнению, использование оценочных признаков способствует гармонизации уголовного права с морально-нравственными нормами общества?

	РФ (%)	РА (%)
В значительной мере способствует	34,4	27,7
В малой мере способствует	41,7	55,3
Не способствует	24,0	17,0

Считаете ли Вы, что оценочные признаки должны толковаться преимущественно через:

	РФ (%)	РА (%)
Закон и официальные разъяснения	49,0	23,4

	РФ (%)	РА (%)
Судебная практика и прецеденты	20,8	27,7
Научная доктрина	4,2	0,0
Комбинация всех источников	26,0	48,9

Считаете ли Вы, что при толковании оценочных признаков необходимо учитывать моральные и социокультурные ориентиры наряду с принципом законности?

	РФ (%)	РА (%)
Да, это важно	26,3	31,9
В отдельных случаях	56,8	46,8
Нет, это недопустимо	14,7	12,8
Затрудняюсь ответить	2,2	8,5

В какой мере, по Вашему мнению, толкование оценочных признаков должно зависеть от историко-правового контекста?

	РФ (%)	РА (%)
В значительной мере	17,7	8,5
Практически не зависит	61,5	46,8
Затрудняюсь ответить	20,8	25,5
Другое / неопределённая позиция	–	19,1

Считаете ли Вы, что изменчивость судебной практики при толковании оценочных признаков является:

	РФ (%)	РА (%)
Позитивное явление	8,4	21,7
Допустимо, но требует строгого контроля	58,9	56,5
Негативный фактор	22,1	8,7
Затрудняюсь ответить	10,5	13

Как Вы относитесь к идее институционального мониторинга изменений судебной практики по вопросам толкования оценочных признаков?

	РФ (%)	РА (%)
Это необходимо	32,3	43,5
Возможно, но только в отдельных случаях	41,7	34,8

	РФ (%)	РА (%)
Нет необходимости	15,6	0
Затрудняюсь ответить	10,4	21,7

Согласны ли Вы, что чрезмерная изменчивость судебной практики может использоваться в политических целях и подрывать принцип законности?

	РФ (%)	РА (%)
Полностью согласен	21,9	43,5
Частично согласен	41,7	45,7
Не согласен	24	8,7
Затрудняюсь ответить	12,5	2,1

Каким образом, на Ваш взгляд, можно повысить предсказуемость судебной практики?

	РФ (%)	РА (%)
Разъяснения высших судебных органов	67,7	53,3
Усиление институционального мониторинга	8,3	20
Внесение изменений в законодательство	24	26,7

В каких случаях, на Ваш взгляд, оценочные признаки наиболее оправданы?

	РФ (%)	РА (%)
Характеристика общественной опасности деяния	37,9	34,8
Описание последствий	37,9	32,6
Определение субъективной стороны (мотив, цель)	10,5	19,6
Квалифицированные и привилегированные составы	13,7	13

Считаете ли Вы, что оценочные признаки усложняют или упрощают процесс квалификации преступлений?

	РФ (%)	РА (%)
Усложняют	67,7	52,2
Упрощают	17,7	28,3

	РФ (%)	РА (%)
Не влияют существенно	14,6	19,6

Приходилось ли Вам сталкиваться с переквалификацией дел из-за различного толкования оценочных признаков?

	РФ (%)	РА (%)
Да, неоднократно	26	17,4
Да, но редко	38,5	52,2
Нет	29,2	23,9
Затрудняюсь ответить	6,3	6,5

Как Вы оцениваете влияние оценочных признаков на частоту переквалификаций?

	РФ (%)	РА (%)
Существенно увеличивают	30,2	31,1
Влияют незначительно	57,3	60
Не влияют	12,5	8,9

Какие меры, на Ваш взгляд, могли бы снизить количество переквалификаций?

Меры по снижению переквалификаций	РФ (%)	РА (%)
Более чёткое законодательное определение	57,3	43,5
Разъяснения высших судебных органов	39,6	50
Обучение и повышение квалификации	3,1	6,5

Считаете ли Вы необходимым проводить обязательную комплексную переоценку всех оценочных признаков при нормативной трансформации состава преступления (например, при изменении квалифицирующих признаков или критериев тяжести деяния)?

	РФ (%)	РА (%)
Обязательно	32,6	41,3

	РФ (%)	РА (%)
Только при изменении ключевых признаков	48,4	—
Нет, достаточно формальной переквалификации	13,7	26,1
Затрудняюсь ответить	5,3	32,6